S 44/173

544
173

Школьная подготовка

ВТОРОЙ

русской революціи.

ИЗДАНІЕ

Русскаго Народнаго Союза имени Михаила Архангела.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Таврическая ул., д. № 37.

1913.

Б 44
173
ф 1-77
13885

Школьная подготовка второй русской революціи.

ИЗДАНІЕ
Русскаго Народнаго Союза имени Михаила Архангела

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-13022
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Таврическая ул., д. № 37.
1913 г.

2007050588

Электропечатня К. А. Четверикова, Спб. Караванная 7.

Посвящается

Благородному

Россійскому Дворянству—

—вѣрному стражу исконныхъ русскихъ государственныхъ началъ у ступеней Царскаго Престола.

Русскому Дворянству.

Если въ русскомъ обществѣ, т. е въ лучшей, и, нужно думать, въ большей его части не заглохла любовь къ Церкви, къ своему Государю къ своему народу, къ своей родинѣ, если оно способно чувствовать свою связь съ незабвеннымъ историческимъ прошлымъ Россіи, съ несмываемыми ходомъ времени страницами пережитой ею славы, если оно признаетъ себя неспособнымъ примириться съ тѣмъ удѣломъ, который готовятъ намъ темныя, революціонныя силы, подтачивающія наши государственныя основы, то оно должно—это русское общество—преодолѣвая естественный ужасъ, съ трепетомъ душевной боли прочесть всю эту книгу до конца и забить въ набатъ на всю Россію!

Все мелко, все ничтожно, всѣ печальныя явленія современной намъ русской жизни—все блѣднѣетъ предъ тѣмъ, что творится въ русской народной школѣ!

Въ странахъ жизненныхъ, живыхъ и здоровыхъ, гдѣ высшіе и образованные классы работаютъ надъ культурнымъ развитіемъ своего народа, школа—цѣль, школа—храмъ, школа—святыня, школа—залогъ государственной мощи въ будущемъ страны, открывающей годъ за го-

домъ, день за днемъ, все шире и шире ея благодатныя двери рядамъ плывущихъ поколѣній! Такъ въ Англіи, такъ въ Германіи, такъ въ Японіи.

А въ Россіи?

Кто дерзнетъ сказать, что въ Россіи школа народная, казенная и земская школа—цѣль, а не средство въ рукахъ, такъ называемой, «передовой» части общества—его «интеллигенціи» проникшей въ ея нѣдра, для достиженія преступной цѣли—для подготовки Россіи къ государственному перевороту и для уничтоженія ея арміи?

Кто осмѣлится утверждать, что крики о всеобщемъ обученіи, что горы докладовъ, изготовляемыхъ по всей земской Руси третьимъ элементомъ, въ конецъ захватившимъ въ свои руки земское дѣло, кто осмѣлится утверждать, что эти крики исходятъ изъ благородныхъ побужденій просвѣтить народныя массы, а не сдѣлать ихъ оружіемъ борьбы въ своихъ рукахъ, перевоспитавъ на свой ладъ душу народа и вытравивъ изъ нея сѣмена историческихъ основъ русской государственности и русскаго правового порядка?

Мыслима ли въ Россіи, свободная частная школа при такихъ обстоятельствахъ? Допустимо ли проникновеніе въ ея нѣдра учебныхъ пособій, не отмѣченныхъ печатью правительственной власти, если даже школа казенная является у насъ очагомъ развитія классовой ненависти и революціонной пропаганды?

Не совершаетъ ли преступленія правительство, забывшее о своей исторической отвѣтст-

венности, подъ гипнозомъ лѣвыхъ теченій и такъ называемаго «общественнаго мнѣнія», возглавляемаго дрожжами русской революціи—евреями, дающая убаюкать свою малоустойчивую волю, и не ставящая твердыхъ преградъ безшабашной пугачевской ордѣ лицемѣрныхъ «печальниковъ о духовныхъ нуждахъ народа», вопли коихъ «всеобщее обученіе»! подхватываются безобиднымъ русскимъ обывателемъ, боящимся зачисленія въ ряды «отсталыхъ» и ставшимъ въ силу этого одного безсознательнымъ слугою надвигающейся русской революціи, которая въ первую голову ударитъ по его особѣ! А что она, эта вторая русская революція, при дальнѣйшемъ преступномъ бездѣйствіи и попустительствѣ органовъ правительственной власти ждетъ насъ и будетъ въ ближайшемъ будущемъ—это несомнѣнно!

Ея ударъ окажется ужаснымъ, неисчислимыми явятся ея послѣдствія!

Революція 1905 года потрясла русское государство до основанія—но оно уцѣлѣло; она вырвала изъ жизни ряды вѣрнѣйшихъ царскихъ слугъ, безконечная цѣпь которыхъ десятками лѣтъ можетъ проходить на страницахъ книгъ «Русской Скорби», не давая возможности подвести погибшимъ конечнаго итога, она вписала намъ на Востокѣ страницу позора въ безсмертныя страницы неувядаемой славы русскаго оружія, и, тѣмъ не менѣе, эта революція не была народной: народъ въ подавляющей массѣ своей явился первымъ и самымъ грознымъ ея противникомъ, задушивъ, изъ чувства инстинктивнаго самосохраненія, разгаравшееся пламя,

которое раздувалось почти исключительно евреемъ и русской «интеллигенціей», ставшей послушнымъ орудіемъ еврейскихъ вождѣленій. Гроза прошла, почти не задѣвъ народа. Увы! Сейчасъ насъ ждетъ другое!

Свободы манифеста 17-го Октября 1905 года, вынесенныя революціонной волной, благодаря летаргіи власти, далеко за границы ихъ допустимаго государственнаго предѣла, докатились до глубины Россіи, истолкователя ихъ явилась «интеллигенція», проводникомъ ихъ для взрослаго сельскаго населенія, безмѣрно съ 1905 года разплодившаяся на Руси, въ цѣляхъ пропаганды, еврейская пресса, а для подрастающихъ поколѣній—школа!

Евреи и „интеллигенція“ разобравшись въ событіяхъ смутныхъ годовъ, поняли въ чемъ коренилась причина ихъ пораженія и, взявшись за свое преступное дѣло къ подготовкѣ новой смуты, всѣ свои усилія направили теперь именно на обработку народныхъ массъ и на дѣло соотвѣтствующаго воспитанія подрастающихъ крестьянскихъ поколѣній, при помощи школьнаго учителя и школьной книги.

Нѣтъ необходимости быть прорицателемъ и ясновидящимъ, нужно только близко стоять къ жизни современной деревни для того, чтобы понять и точно опредѣлить время, когда долженъ сказаться въ Россіи результатъ этой преступной работы.

Что дѣлаетъ правительство для пресѣченія зла? Увы! Со слѣдствіями его борется то вѣдомство, которое не вправѣ вмѣшаться въ дѣло устраненія его причинъ, а тѣ, на обязан-

ности коихъ лежитъ эта отвѣтственная задача, молчатъ въ нѣмомъ оцѣпѣненіи!

Ибо, на самомъ дѣлѣ, развѣ законъ о борьбѣ съ хулиганствомъ и министерскіе циркуляры въ этой области не являютъ собою попытки борьбы правительства со слѣдствіемъ той дикой распущенности, причина коей коренится въ характерѣ современной русской народной школы, главнаго разсадника у насъ будущей революціи на казенный счетъ? А при такихъ *условіяхъ*, спрашивается, можетъ ли, въ правѣ ли честная власть преслѣдовать и карать преступниковъ, которые явились плодомъ ея собственной распущенности, ея попустительства, ея непониманія своего гражданскаго долга?

Къ кому обратиться при такихъ обстоятельствахъ. Кто можетъ подать руку помощи толкаемому въ пропасть великому и жизненному народу, на духъ коего безнаказанно, при полномъ бездѣйствіи власти, посягаетъ грязная орда разрушителей Россіи, посадившая въ школу народную учителя-проводника своихъ идей, исполнителя своей воли и, съ разрѣшенія учебной власти, искусно давшая крестьянскому ребенку преступную книгу, въ цѣляхъ воспитаніяего и выработки изъ него путемъ этой *книги героя революціонной* баррикады?

Къ кому обратиться за помощью, какъ не къ благородному русскому дворянству, этому неизмѣнному стражу русской государственности въ теченіи всего хода славной исторіи Россіи?

Возвысь же свой голосъ, передовое сословіе родной земли, хранитель ея историческихъ завѣтовъ. Встань, въ тѣсномъ единеніи съ право-

славномъ духовенствомъ, нелицемѣрный слуга твоихъ Государей, Церкви, Народа и Россіи, ударь въ набатъ Ивана Великаго, пусть гулко по всей необъятной шири нашего края раздастся твой властный призывъ, твое грозное требованіе защиты народнаго духа отъ натиска подпольныхъ и разрушительныхъ силъ, которыя въ тѣ часы, когда мы спимъ, зачарованные стройными рядами проходящихъ предъ очами нашими „потѣшныхъ“, работаютъ въ русской школѣ, не уставая, надъ растлѣніемъ души народной, по твердо намѣченной и неумолимо проводимой программѣ, уже духовно разрушившей Францію и твердо укрѣпившейся для тѣхъ же цѣлей у насъ, въ Россіи, преступной „Лиги Образованія!„

Владиміръ Пуришкевичъ.

Живой Родникъ.

I томъ.

Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составили: В. Ананьинъ, В. Гусаковъ, Г. Макаровъ, А. Насимовичъ, Н. Чернышевъ, Н. Чукаевъ.

Мин. Нар. Пр. допущено въ ученич. библіотеки низш. учеб. завед. Гл. Упр. воен. учебн. завед. допущ. въ приготовительныя школы.

Первая книжка, предназначенная для дѣтей 6—8 лѣтъ не имѣетъ въ себѣ какой либо ярко выраженной лѣвой тенденціи. Но если про нее нельзя прямо сказать, что она вредна, то нужно признать, что она — не полезна. Если-же судить не по отдѣльнымъ статьямъ, а познакомиться съ книгой въ ея цѣломъ, принять въ разсчетъ то впечатлѣніе, какое она производитъ на ребенка, только еще начинающаго размышлять, и главное, на какія мысли она наводитъ то книга несомнѣнно вредна. Она искусно подготовляетъ почву для насажденія идей, которыя уже ясно и опредѣленно развиваются, начиная со второй книги.

Всѣ четыре книги „Живого Родника“ рѣзко подчеркиваютъ противо—сословную тенденцію.

1) Въ первой книжкѣ, приноровленной для совсѣмъ маленькихъ дѣтей, совершенно упущенъ случай сказать что нибудь ребенку такого, что способствовало-бы развитію въ

немъ религіозности и возвышающихъ душу христіанскихъ идей. Въ книгѣ нѣтъ ни слова о Богѣ, о церкви, о молитвѣ. И въ текстѣ, и въ рисункахъ, даже слово «Богъ» не встрѣчается. Мораль г. г. составители, видимо, основываютъ на эгоизмѣ: кто мнѣ сдѣлаетъ добро, тому и я. Прощать надо не Христа ради, а по тому, какъ обидчикъ относится ко мнѣ. Примѣромъ служитъ глупѣйшій разсказъ «Жилетка». (стр. 69) Содержаніе его заключается въ томъ, что купецъ простилъ вора, ибо вспомнилъ, что когда самъ былъ бѣденъ, то этотъ самый воръ подарилъ ему жилетку.

2) Большинство статеекъ, рисунковъ и пословицъ подобрано такъ, что ребенку постоянно втолковывается и обращается его вниманіе на то, что есть богатые и бѣдные. Сами по себѣ разсказы, какъ будто совершенно невинные, но такъ какъ вся книга приспособлена къ бесѣдамъ по вопросамъ, къ такъ называемому пояснительному чтенію, то каждая статейка даетъ самый широкій просторъ учителю ставить вопросы въ извѣстномъ направленіи и проводить паралели и сравненія. (Надо помнить, что огромное большинство нашихъ народныхъ учителей— лѣвые.)

Возьмемъ примѣръ: «Колыбельная пѣсня» стр. 51. Извѣстно, что это стихотвореніе начинается такъ: «Спи, дитя мое, усни, сладкій сонъ къ себѣ мани. Въ няньки я тебѣ взяла, вѣтеръ, солнце и орла», и т. д. Подъ стихотвореніемъ рядъ вопросовъ: „Приходится ли вамъ няньчить маленькихъ братьевъ и сестеръ? Какъ вы ихъ забавляете?“ и проч. Конечно, учитель поставитъ рядъ вопросовъ и окажется, что только въ деревнѣ, по нуждѣ, дѣти няньчатъ дѣтей, а у богатыхъ господъ дѣтей няньчатъ наемныя, деревенскія няньки.

«Помощь отцу» стр. 52. Начинается разсказъ такъ: „Поздно вечеромъ вернулся отецъ съ работы. Онъ еле пе-

редвигалъ усталыя ноги! Сѣлъ у стола и тяжело вздохнулъ.“ „Что ты вздыхаешъ?—спросилъ маленькій сынъ,— «Очень усталъ, много работалъ.»—И все въ этомъ родѣ. Въ концѣ концовъ сынъ, жалѣя отца, собирается идти ему помогать работать. Опять учитель дѣлаетъ сравненія, ставить вопросы и изъ отвѣтовъ само собою вытекаетъ, что только дѣти бѣдняковъ—крестьянъ принуждены помогать отцамъ.

Въ такомъ же духѣ ведется цѣлый рядъ разсказовъ; Осеннія работы, Деревня и городъ и т. д. Вопросы ставятся такія, чтобы можно было сравнивать: «что дѣдѣлаютъ крестьяне?» «чѣмъ занимаются городскіе жители?» Во всѣхъ разсказахъ и стихотвореніяхъ умышленно сгущены краски тяжелаго крестьянскаго труда, который представленъ чуть ли не въ видѣ каторжныхъ работъ. Во многихъ разсказахъ слова: бѣдный, богатый, голодный поставлены ни къ селу, ни къ городу, видимо съ цѣлью усилить впечатлѣніе и поглубже зарубить въ дѣтскомъ мозгу представленія съ ними связанныя. Пословицы и поговорки также подобраны въ извѣстномъ духѣ: «Горе наше—гречневая каша, а поѣлъ бы и такой, да нѣтъ ни какой.» «Худо жить тому, у кого нѣтъ ничего въ дому.» «Мельница сильна водой, а человѣкъ—ѣдой.» Эта послѣдняя пословица положена въ основу всѣхъ четырехъ томовъ «Живого Родника» и составляетъ всю ихъ мораль.

Упорно, незамѣтно и очень прикровенно, на первый взглядъ, книга говоритъ ребенку одно грустное, возбуждаетъ жалость къ утѣсненнымъ, бѣднымъ крестьянамъ, незамѣтно подготовляя его къ возмущенію противъ утѣснителей. Въ слѣдующихъ книгахъ, постепенно, жалостные разсказы усиливаютъ впечатлѣніе и уже откровенно указываютъ на утѣснителей.

Живой Родникъ.

II томъ.

М. Н. Пр. допущено въ ученич. библіотеки низшихъ учебн. завед.

По духу второй томъ является точнымъ повтореніемъ перваго, но въ болѣе серьезной обработкѣ, имѣя въ виду дѣтей 10—11 лѣтъ.

1) Какъ и въ первой книгѣ, о Богѣ и духовной жизни человѣка ни одного слова. За то имѣется превосходный подборъ статей по естествовѣденію. Есть много прекрасныхъ научныхъ объясненій жизни животныхъ и явленій природы. Въ общемъ книга составлена въ узко раціоналистическомъ духѣ.

2) множество разсказовъ о тяжко трудящемся мужичкѣ подобрано тенденціонно и въ строгой послѣдовательности. Къ разсказамъ приставлены вопросы, дающіе возможность учителю фантазировать какъ угодно; характеръ разсказовъ— мрачный. Разсказъ „У тряпичника“ особенно типиченъ. (ст. 226) Начинается этотъ разсказъ въ ироническомъ тонѣ: „Хорошо зажилъ Илья съ дѣдушкой. Каждый день рано утромъ дѣдъ будилъ мальчика и оба, вплоть до вечера ходили по городу, сбирая тряпки, кости, рваную бумагу и проч.. Илья съ увлеченіемъ помогалъ старику рыться въ мусорѣ. Было очень интересно раскапывать палкой кучи разнаго хлама. Порой попадались хорошія вещи: жес-

тянки изъ подъ маринованной рыбы, поломанныя игрушки и т. п. „Больше же всего нравилось Ильѣ ходить на городскія свалки," и проч. и проч. Подъ разсказомъ поговорка: „Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ."

На стр. 232 цѣлая серія вопросовъ: „Городскія занятія" Кого называютъ черно-рабочими? Какія работы исполняетъ прислуга? Что дѣлаютъ чиновники?" и т. д.

„Лучъ въ темницѣ Разсказъ кисло-сладко-пошлый о томъ, какъ солнце посылало лучи. Одинъ лучъ сказалъ: „Я пойду во дворецъ." Другой сказалъ: „Я по хорошей улицѣ погуляю." Разобрали всѣ хорошія мѣста. А солнце говоритъ: „есть еще одно мѣсто, гдѣ бѣдный заключенный сидитъ," Лучи взмолились: „Въ темной темницѣ сыро, въ темной темницѣ грязно, съ темной темницѣ скверно пахнетъ, не хотимъ идти въ темную темницу!" Но солнце послало въ темницу одинъ провинившійся лучъ „хотя на пять минутъ." Лучъ пробылъ пять минутъ и вышелъ „кислый, злой сморщенный". „А бѣдному заключенному и то было за великій праздникъ."

Рисунки въ книгѣ невеселые. То согнувшійся надъ сохой мужикъ, то нищій съ клюкой, то оборванный мальчикъ—нищій, жадно заглядывающій въ дверь школы, гдѣ учатся болѣе счастливыя чѣмъ онъ дѣти. (см. 62)

Кстати сказать, этотъ нищій мальчикъ, стремящійся къ просвѣщенію, фигурируетъ во всѣхъ книгахъ для чтенія лѣваго направленія.

Живой Родникъ.

III томъ.

1) Полное отсутствіе религіозныхъ сюжетовъ. Между тѣмъ, интересно разсказанныя житія святыхъ и мучениковъ за христіанскую идею—были бы умѣстны и производили бы глубокое впечатлѣніе.

Половина книги посвящена различнымъ энциклопедическимъ свѣдѣніямъ. Эта часть составлена умѣло, есть много статей изъ явленій природы, міра животныхъ, географическихъ и т. п.

2) Разсказы въ этомъ томѣ почти всѣ подчеркиваютъ рѣзкую разницу между бариномъ и мужикомъ. Въ общемъ итогѣ этихъ разсказовъ и статей оказывается, что: мужикъ трудолюбивъ, несчастенъ, бѣденъ, а баринъ богатъ, бездѣльничаетъ и презираетъ мужика.

«На каникулахъ» разсказъ стр. 4. Гимназистъ пріѣхалъ въ деревню на каникулы. «Сильно тосковалъ Петя, круглое одиночество чувствовалъ въ большомъ барскомъ домѣ и тоскливо слонялся по комнатамъ, не находя никакихъ развлеченій.» Родители предлагали ему то то, то другое занятіе, но онъ только отвѣчалъ: «Здѣсь никакого дѣла нѣтъ». Потомъ онъ знакомится съ деревенскими мальчиками. Слѣдуетъ слащавая идиллія игръ его съ мальчишками. Петя счастливъ и доволенъ. „Ребятишки привыкли къ нему, стали называть просто Петькой, никакого почтенія къ

нему они теперь не чувствуютъ и вообще обращаются съ нимъ за панибрата».

Тюрьмѣ и ея обитателямъ отведено много мѣста. Тюрьма—жестокое наказаніе для людей невинныхъ, или слегка виновныхъ. Умиленію надъ бѣдными заключенными г. г. составители заставляютъ служить и нашихъ русскихъ классиковъ, выхватывая изъ ихъ произведеній, то, что считаютъ подходящимъ для подчеркиванія своей тенденціи. Такъ изъ Пушкина взято только одно стихотвореніе: „Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой. Вскормленный на волѣ орелъ молодой и пр.“ Изъ Достоевскаго взятъ отрывокъ изъ разсказовъ о каторгѣ. Въ острогѣ у каторжанъ завелся сначала козленокъ, потомъ орелъ. Каторжники сжалились надъ орломъ и выпустили его на волю.

„Вася и его друзья“ Глубоко возмутительный разсказъ Станюковича. Грубое восхваленіе арестантовъ. Тутъ же вылазки въ область антимилитаризма.

Содержаніе: Адмиральскій сынокъ Вася украдкой вылѣзаетъ черезъ окно дома въ садъ.

„Этотъ громадный садъ сіялъ чистотой, благодаря работѣ арестантовъ.“

Дальше:

„Вотъ къ этимъ то людямъ, отбывающимъ за свои вины суровое наказаніе, спѣшилъ Вася.“

Няня и родители говорили ему объ арестантахъ одно дурное, но когда Вася случайно познакомился съ ними въ саду, то убѣдился, что они простые, „по большей части добродушные люди, въ которыхъ не было ничего злодѣйскаго.“

Въ другомъ мѣстѣ:

„И чѣмъ ближе онъ узналъ ихъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что и няня, и мать рѣшительно заблуждаются, считая ихъ ужасными людьми; напротивъ, они были славные и добрые, и онъ только удивлялся, за что такихъ людей

обрили, надѣли на нихъ кандалы, лишивъ возможности бѣгать, какъ бѣгаетъ онъ.»

Конечно, Вася обратился съ вопросами къ старшимъ. Перваго спросилъ денщика Кириллу: за что эти люди попали въ острогъ?

„А за разныя дѣла, барчукъ, они вѣдъ всѣ изъ солдатъ и матросовъ. Долго ли до грѣха, при строгой то службѣ? Кои и за нехорошія вины... за воровство, ну, и избываютъ свой грѣхъ. А кои изъ за своего непокорнаго характера... Не стерпѣлъ, значитъ, утѣсненіевъ, ну, и сдерзничалъ начальству на службѣ, вотъ и арестантская куртка. А то и за пьянство попасть можно, всяко бываетъ."

Оканчивается разсказъ бесѣдой Васи съ арестантомъ:

– Ты что невеселый, Максимъ?— Веселья немного, панычъ, въ арестантахъ.—„Въ кандалахъ больно?"—Въ неволѣ погано, панычъ, на службѣ было тошно, а въ арестантахъ еще тошнѣй.

„Вася слушалъ Максима съ глубокимъ участіемъ и весь проникался желаніемъ какъ нибудь облегчить участь арестантовъ».

«На волю» разсказъ на стр. 10. (Баранцевичъ) Непосредственно поставленъ за разсказомъ объ арестантахъ, для болѣе удобнаго сравненія. Разсказывается какъ бѣдный мальчикъ Яша выпустилъ замореннаго «пухляка» изъ клѣтки. Яша съ восторгомъ и грустью смотрѣлъ птичкѣ вслѣдъ. „На волю, улетѣла на волю! шепталъ онъ и все вокругъ него шептало чудное слово: на волю!"

На сцену выступаетъ въ этой книжкѣ и рабочій вопросъ. Есть описаніе фабрикъ, кустарей, шахтъ и проч. Кстати и некстати ввертываются тенденціозныя поясненія.

„Кустари» стр. 169. Среди разсказа о работѣ кустарей втиснуто: «На большихъ фабрикахъ хозяинъ самъ не работаетъ. Здѣсь же, въ семьѣ, каждый хозяинъ — работникъ и каждый работникъ—хозяинъ.»

«На современной подмосковной фабрикѣ.» стр. 101. Разсказывается объ ужасахъ фабричнаго труда. «Лица озабоченныя, сумрачныя, говора не слышно.» Тутъ же немного ниже: «Прямо передо мною—хорошенькій домикъ директора.» И затѣмъ: «Фабрика имѣетъ свое сердце, паровую машину. Безъ нея фабрика мертва, не можетъ работать. Поэтому хозяинъ особенно заботливо ухаживаетъ за машиной. Она помѣщена въ особой свѣтлой, просторной пристройкѣ. Въ противоположность остальной фабрикѣ, здѣсь все блещетъ чистотой.»

«Подземныя работы» стр. 221. Описывается устройство шахтъ. Мрачная картина работъ въ копяхъ и дѣтскаго труда. «Съ утра до ночи тянутъ ребятишки тяжелыя тачки. Даже не удается имъ встать во весь ростъ; первый ползетъ на четверенькахъ по грязи, а задній толкаетъ телѣжку руками и головой. Острые обломки ранятъ ему босыя ноги. На тачкѣ навалено пудовъ 10.» Оканчивается разсказъ тѣмъ, какъ однажды управляющій, желая „отвадить“ хозяина лазить въ шахты для присмотра за работами, завелъ его въ такую щель, откуда его потомъ рабочіе насилу откопали. „Такъ и отбило у него охоту по своимъ копямъ ходить.“

Описывая народы, населяющіе Россію, составители книги расхваливаютъ финновъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Въ статьѣ же „Великорусы“ — безотрадная картина русской деревни, гдѣ грязь, бѣднота, неприглядность.

«Сибирская деревня» 262 стр. Описана сибирская деревня и поселки переселенцевъ. „Это новоселы, переселенцы, выгнанные нуждой и малоземельемъ изъ родныхъ мѣстъ. Ихъ зовутъ лапотонами, мѣстные крестьяне смотрятъ на нихъ презрительно, съ насмѣшкой, называютъ—голытьба“. У мѣстныхъ жителей: «коровы, лошади, сами выглядятъ хорошо, крѣпкій народъ». „Переселенецъ же почти ничего не имѣетъ: безъ скота и земли не много

обработаешь.“ „Въ каждой чертѣ его (переселенца) видна робость. Онъ постоянно говоритъ о своей нуждѣ и нѣтъ, нѣтъ, вспомнитъ о родной деревнѣ.“

Исторія. Въ концѣ книги—отрывки исторіи. Составлены довольно прилично до Годунова. Изъ царствованія Грознаго взятъ только Ермакъ покоритель Сибири. Самозванецъ описывается такъ: (стр. 404) „Онъ совсѣмъ былъ непохожъ на прежнихъ русскихъ царей. Тѣ были важные, недоступные народу, тяжелые на подъемъ. Этотъ же былъ простой, доступный народу и подвижной, къ нему всѣ шли во дворецъ, онъ всѣхъ выслушивалъ и часто самъ ходилъ по улицамъ, какъ простой человѣкъ заходилъ въ лавки, смотрѣлъ какъ работаютъ въ мастерскихъ, не обижался, если кто толкнетъ. Прежніе цари не любили иностранцевъ, въ особенности католиковъ, чурались ихъ и только свою православную вѣру считали истинной. Этотъ же царь привезъ съ собою много поляковъ и разрѣшилъ имъ совершать богослуженія. Новый царь самъ хотѣлъ жить свободно и весело и хотѣлъ, чтобы кругомъ него все веселилось, гуляло на свободѣ.“

Петръ I. Разсказывая о прежней нелюбви русскаго народа ко всему иностранному, составители прибавляютъ: „Такъ думали тогда русскіе люди, не просвѣщенные образованіемъ.“

Книга украшена большимъ портретомъ Толстого и оканчивается разсказомъ: «Въ школѣ Толстого» Умиленно повѣствуется какъ Толстой завелъ школу для крестьянскихъ дѣтей и лично обучалъ ихъ въ ней добру.

Большинство статеекъ и разсказовъ написаны Горькимъ, Рубакинымъ, Петрушевскимъ, Толстымъ, Кизеветтеромъ и Мережковскимъ.

Живой Родникъ.

IV томъ.

1) Среди массы энциклопедическаго хлама въ этой книгѣ какъ то затерялись два стихотворенія, говорящія о Богѣ. „Въ минуту жизни трудную“ и „Среди дубравы блеститъ крестами“ Есть еще очень хорошій разсказъ Гусева-Оренбургскаго, о томъ, какъ умиралъ столѣтній мужикъ и наставлялъ передъ смертью дѣтей. Надо думать, что и стихотвореніе, и разсказъ попали въ книгу случайно, ибо находятся въ полномъ несоотвѣтстіи со всѣмъ остальнымъ.

2) Вся книжка представляетъ, опять таки, искусный подборъ статей, стихотвореній и рисунковъ, подчеркивающихъ противо—сословную тенденцію. Мужикъ опять восхваляется со всѣхъ сторонъ; попутно живо рисуется его горестное положеніе и въ городѣ, и въ деревнѣ. Баринъ представленъ съ самой неприглядной стороны; тутъ же разсказывается о его привольномъ житьѣ.

„Коля и Колька“ стр. 76 Разсказъ Чирикова. Состоитъ въ томъ, что мальчикъ-ямщикъ Колька везетъ гимназиста Колю со станціи домой на Рождественскіе праздники. Сначала описывается путь, въ снѣгъ и мятель. Бодрый, энергичный Колька умѣло и весело правитъ лошадьми, борясь съ вьюгой.

„А въ саняхъ весь укутанный въ шубы, одѣяла и обложенный подушками сидитъ Коля.“

Дохлый гимназистъ зябнетъ, несмотря на это.

„Колька! — Чаво еще тебѣ? — „Подоткни мнѣ сбоку, дуетъ!“ — Тпру! — Колька слѣзаетъ съ облучка и подтыкаетъ одѣяло. — Зяблый ты! Ладно, что ли? Промерзъ? „Не твое дѣло, поѣзжай!“ — Носъ-отъ спрячь! Видишъ какой онъ у тебя красный!“

Ѣдутъ дальше. Коля мечтаетъ объ ожидающей его дома елкѣ, новомъ грамофонѣ и радуется. „А безтолковый Колька ничего не понимаетъ. Колѣ кажется, что Колька ни о чемъ не думаетъ; ничего не желаетъ, что ему все равно. Выбьетъ носъ, пощелкаетъ сапогомъ о сапогъ, похлопаетъ рукавицами и гнусаво закричитъ: „Ну, лихіе“!

Коля нетерпѣливо толкаетъ Кольку, чтобы ѣхалъ скорѣе. „Ну, и лошади у тебя! У насъ Савраско одинъ перегонитъ твою пару.“

— У васъ овесъ жретъ, а у насъ — сѣно. Ты, вотъ, тоже гладкій, поди все сахаръ сосешь?.. Бѣлу калабашку все ѣшь!

Слѣдуетъ, на протяженіи трехъ страницъ, діалогъ, изъ котораго ярко вырисовывается гнилое довольство Коли, основанное на бѣлой калабашкѣ и грамофонѣ, а съ другой стороны энергичная, веселая бѣдность Кольки, живописующаяся сморканіемъ въ руку и похлопываніемъ сапога о сапогъ.

Барченокъ подъѣзжаетъ къ дому. Его радушно встрѣчаетъ семья и онъ погружается въ радостную и сытую атмосферу домашняго очага. Колька остается ночевать въ кухнѣ. Дѣти интересуются мужицкимъ мальчикомъ и бѣгаютъ на кухню на него поглядѣть.

„Ты гдѣ ляжешъ? спрашиваетъ его маленькій Лева — На лавкѣ. — „А на чемъ?“ — На лавкѣ, говорю. — „А подушки у тебя нѣтъ?“ — А я валены-сапоги подложу.

Дальше описывается елка, новый грамофонъ. „Мамочка, позволь привести Кольку!“ — Зачѣмъ это? — „Мы ему покажемъ грамофонъ.“ — Натопчетъ, пусть сниметъ сапоги. —

Кольку приводятъ и начинаютъ его поражать разнымъ барскимъ великолѣпіемъ. Колька приходитъ въ восторгъ и вдругъ: „очистилъ носъ съ помощью пальцевъ.“ „Какъ только онъ это сдѣлалъ, мама состроила гримасу, переглянулась съ отцомъ и тронувъ Кольку за плечо сказала:—Ну, довольно иди!—„Мамочка, пусть побудетъ!“—Онъ ничего не понимаетъ, ему все равно—отвѣтила мать.

Кольку выпроводили. Уходя, онъ протянулъ руку барскому мальчику. „Прощай, барчукъ!“ Боря протянулъ было ему свою, но раздумалъ и закинулъ ее за спину,—„Съ мужиками нельзя за руку,—сказалъ онъ, наклоняя курчавую головку.“—А что же, съ ними за ногу, что ли!—тихо, съ усмѣшкой спросилъ Колька.—Ну, будетъ тебѣ тутъ разсуждать!—строго сказала барыня,—мужикъ, такъ и есть мужикъ! Невѣжа! Убирайся! — Колька опустилъ голову и вышелъ.

— Видно барыня у васъ злющая?—спросилъ онъ кухарку.—А что?—„Зря ругается. Песъ съ ней, мнѣ бы только прогоны получить,“

Лежа на лавкѣ, Колька смотритъ какъ приготовляютъ ужинъ господамъ. „Чаво поджариваешь?“—Зайца разогрѣваю— „Они все жрутъ... У насъ баринъ голубей жретъ, ей Богу!—

Изъ комнатъ доносятся музыка, смѣхъ.

— Эхъ, какъ зажариваютъ! Весело живутъ! А вѣдь, вотъ, на томъ свѣтѣ намъ лучше будетъ... и т. д.

Утромъ, получивъ прогоны, Колька уѣзжаетъ. „Онъ вспомнилъ Колю, Борю, машину, (грамофонъ) и когда воспоминанія его остановились на барынѣ, онъ крѣпко хлопнулъ кнутомъ и крикнулъ: „Но, лихіе!“

Дальше въ книгѣ помѣщены отрывки изъ русскихъ классиковъ. Преобладаетъ Толстой. Группировка отрывковъ явно тенденціозная. То, что служитъ въ осужденіе господамъ—

поставлено впереди, и тутъ же, за этимъ—отрывки, рисующіе или безъисходную нужду крестьянина, или поэтическое описаніе его трудовой жизни, или протестъ его противъ барина.

Гоголь. „Какъ поссорился Ив. Ив. съ Ив. Никиф.“ Взята одна страничка, а именно то мѣсто, гдѣ Ив. Ивановичъ иронически разспрашиваетъ у нищихъ не хотятъ ли они „мясца“, а потомъ, ничего имъ не подавши, уходитъ. „Мертвыя Души“. Конечно, взянъ Плюшкинъ и Чичиковъ, торгующій у него мертвыя души.

Гончаровъ. „День въ Обломовкѣ“ и „Два воспитанія“. (Ильюша и Штольцъ) Оба воспитанія поставлены рядышкомъ, для наглядности, какъ де, воспитываютъ, своихъ дѣтей русскіе господа и какъ—нѣмцы.

Толстой. «Левинъ на сѣнокосѣ» и «Въ семьѣ солдата». Извѣстный разсказъ объ умирающемъ въ госпиталѣ солдатѣ, въ то время какъ въ деревнѣ разоряется оставшееся безъ работника хозяйство. Старикъ отецъ горюетъ, что отдалъ сына на службу, для котораго «солдатство—было какъ смерть».

Чириковъ. «Утро жизни» стр. 244. Длинная повѣсть изъ жизни бѣдныхъ деревенскихъ дѣтей. Оканчивается тѣмъ, какъ голодная дѣвочка слушаетъ разсказъ отца про пироги, которые онъ ѣлъ въ городѣ и съ просонья жадно спрашиваетъ: «а съ чѣмъ пироги?»

Тургеневъ. «Муму» и «Бирюкъ». Извѣстно, что содержаніе перваго — жалостный разсказъ о крѣпостномъ, привязавшемся къ собакѣ, которую помѣщица велѣла утопить, а второй—разсказъ о порубщикѣ помѣщичьяго лѣса, котораго лѣсникъ отпускаетъ и прощаетъ ради его голодныхъ дѣтей.

Телешовъ. «Домой». Разсказъ о замѣчательно хорошемъ «дѣдушкѣ» бѣжавшемъ съ каторги. Къ «дѣдушкѣ» пристаетъ тоже бѣглый мальчикъ, переселенецъ. „Дѣдушку“

ловятъ и водворяютъ обратно на каторгу, а маленькій товарищъ его горько рыдаетъ о «добромъ дѣдушкѣ».

Григоровичъ. «Антонъ Горемыка».

Плещеевъ. «Солдатъ». Старуха, пожалѣвшая прохожаго «несчастненькаго солдатика».

Есть еще въ книгѣ длинный разсказъ который называется „Шемякинъ Судъ". Написанъ въ видѣ сказки. Рядъ бездарныхъ сценъ, изображающихъ судью Шемяку и какъ онъ бралъ взятки.

Есть и біографіи писателей.

А. С. Пушкинъ. Начинается біографія такъ: «На тринадцатомъ году Пушкина отвезли въ Лицей. Тогда молодые дворяне не могли похвалиться любовью и особымъ прилежаніемъ къ наукамъ «всѣ учились понемногу, чему нибудь и какъ нибудь». И Пушкинъ отъ другихъ не отличался".

Л. Толстой. Вся біографія—сплошное восхваленіе дѣятельности Толстого. Заканчивается такъ: «Левъ Николаевичъ осудилъ свою прежнюю жизнь и рѣшилъ отказаться отъ своего имущества, сталъ работать въ полѣ за сохой, вести простую, трудовую жизнь. Онъ сталъ писать книги для народа и положилъ начало хорошимъ и серьезнымъ книгамъ для народа. Въ этихъ книгахъ Толстой бесѣдовалъ о томъ, что нужно жить по божески, помня, что всѣ люди—братья. О религіозныхъ заблужденіяхъ Толстого—ни звука.

Среди писателей въ книгѣ есть разсказы Гаршина, Л. Андреева, Короленко.

С. Облеухова.

„Слово".

Сборникъ первоначальныхъ упражненій. Книжки 1-я и 2-а. Тулуповъ и Шестаковъ.

Минист. Н. Пр. допущено къ классному употребленію въ начальныхъ училищахъ.

Обѣ книжки предназначены для дѣтей младшаго возраста, почти неграмотныхъ и ограничиваются только прописями для списыванія и грамматическими примѣрами. Въ концѣ каждой книжки нѣсколько картинъ съ вопросами для устнаго разсказа.

По ограниченности матеріала, особенно сильно выраженныхъ либеральныхъ тенденцій не замѣчается, но считать книги хорошо составленными нельзя, ни въ какомъ случаѣ. Нельзя забывать, что въ младшемъ возрастѣ, гдѣ все безсознательно усваивается и воспринимается, требуется особая чуткость и осторожность въ обращеніи съ литературнымъ матеріаломъ. Примѣры и прописи въ названныхъ книжкахъ нагромождены одинъ за другимъ безъ всякаго разбора. Напр.: «Собакѣ — собачья и честь». «Овца безъ имени—баранъ». „Мужъ милѣй родного брата"., Это для дѣтей 5—6 лѣтъ, для которыхъ повидимому и предназначается сборникъ.

Конечно, вездѣ замалчивается и Богъ, и Царь, и Россія.

Относительно Бога, кромѣ двухъ-трехъ безтолково составленныхъ прописей, имѣется еще картинка: «Рождество

Христово». Эта картинка нарисована такъ, что ничего понять нельзя. На 1-мъ планѣ оселъ, собаки и пастыри, а Матерь Божія съ Младенцемъ гдѣ то глубоко вдали, такъ что только по догадкѣ можно рѣшить, кто въ рукахъ у Пресв. Дѣвы Маріи. Хотя внизу есть подпись: «Разскажите по картинкѣ о рожденіи Іисуса Христа», дѣтямъ почти невозможно это исполнить за неясностью изображенія. Между тѣмъ другія картинки составлены ясно и отчетливо.

Тенденція замѣчается и въ прописяхъ. „Самъ объѣдаешься, а другимъ дать не догадаешься“. „У Бога всѣ равны“. „Богачъ бѣдняку не товарищъ“. „Намъ бѣда да помѣха, а другимъ смѣхъ, да потѣха“.

О родинѣ говорится только въ перечнѣ нѣсколькихъ городовъ и рѣкъ Россіи, и затѣмъ въ слѣд. прописи: стр. 92: «Въ Турціи главный городъ Константинополь, въ Греціи — Аѳины, въ Англіи — Лондонъ, въ Россіи Петербургъ», Все остальное въ такомъ же родѣ и вообще обѣ книги „Слова“ совершенно не имѣютъ данныхъ быть рекомендованными.

Неужели не нашлось для дѣтскаго чтенія болѣе занимательныхъ и болѣе нарядныхъ сборниковъ? Неужели „ученый комитетъ“ вынужденъ былъ „допустить“ подобный вредный хламъ, за неимѣніемъ ничего хотя-бы сноснаго?

Л. Спицына.

„Слово".

III томъ.

(Тулуповъ, Шестаковъ).

Сборникъ первоначальныхъ письменныхъ работъ и для развитія устной рѣчи.

Половина книги занята прописями для чистописанія. Среди нихъ такія: „Не всякому хорошо на Божьемъ Свѣтѣ". „И отъ милости Божіей погибаютъ" и проч. Смыслъ послѣдней поговорки для ребенка, конечно, вовсе непонятенъ. За этими прописями, данными для отыскиванія прилагательныхъ, слѣдуютъ задачи на числительныя и мѣстоимѣнія. „Легко про войну слушать, да тяжело ее видѣть". Тѣмъ добро, что всѣмъ равно", и т. д. Какъ и во всѣхъ изданіяхъ Тулупова и Шестакова, каждая, взятая сама по себѣ статья, или пропись—совершенно не вредна и чаще всего правильна. Кто, напримѣръ, не согласится, что войну тяжело видѣть? Кто будетъ оспаривать, что не всѣмъ на свѣтѣ хорошо? Въ этой книгѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, составители стараются сконцентрировать вниманіе ученика на нѣкоторыхъ истинахъ, необходимыхъ имъ для дальнѣйшей пропаганды. Стоитъ только остановить вниманіе на однообразномъ под-

борѣ содержанія книгъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вотъ образцы для диктанта:

«Жница»—тяжелая картина женскаго труда въ деревнѣ. „Несжатая полоса". О заболѣвшемъ пахарѣ, который надорвался работой. «Пахарь»: разсказъ объ изнемогающемъ за сохой крестьянинѣ, который останавливаетъ лошадку, желая дать ей отдохнуть.

Вотъ задачи на глаголъ: Стихотвореніе «Новгородъ», всѣмъ извѣстное, какъ отняли у новгородцевъ колоколъ и распустили вѣче. Умышленно перевраны слова заключительной строфы и вмѣсто: „и поетъ съ любовью о минувшихъ дняхъ", поставлено: „о свободныхъ дняхъ". Вотъ отдѣль задачъ на письменныя работы «по личнымъ наблюденіямъ». Среди нихъ много темъ о городѣ и деревнѣ, городскихъ и деревенскихъ жителяхъ—для сравненія, попадаются темы вродѣ: «Опишите рекрутскій наборъ».

Остальная часть книги занята исключительно рисунками, для бесѣдъ учителя съ учениками. Большинство рисунковъ, а главное—группировка ихъ—тенденціозны, почти всѣ на тему бѣдные и богатые. Такъ (№ 36 и 37) стоятъ подрядъ два рисунка. Общее ихъ названіе: «Дѣтская жизнь въ городѣ и деревнѣ». На одномъ рисункѣ городскія нарядныя дѣти—барчата играютъ и возятся съ собачкой. На другомъ—три оборванныхъ деревенскихъ мальчика, видимо не въ урочное время, въ лаптяхъ, внимательно что то изучаютъ на классной доскѣ. Выводъ: барскія дѣти играютъ мужицкія—учатся.

№ 41 и 42. Изображенъ гимназистъ провалившійся на экзаменахъ. Мать плачетъ. На другой картинкѣ ставшей уже традиціонной у Тулупова оборванный мальчикъ нищій, тоскливо заглядывающій въ дверь школы. Выводъ: барское дитя можетъ, но не хочетъ учиться, мужицкое жаждетъ, но не можетъ, по бѣдности.

№ 62. Казарма. Одинъ солдатъ читаетъ письмо съ родины. Другой съ тоской его слушаетъ.

№ 63. Раненый солдатъ. Сидѣлка читаетъ письмо тоже съ родины. И все въ этомъ родѣ. Всѣмъ извѣстно, что солдаты на войнѣ умираютъ, а въ мирное время, находясь вдали отъ родной деревни вспоминаютъ ее и скучаютъ по семьѣ. Но г.г. составители книги умышленно не касаются главной стороны жизни солдата его высокаго, почетнаго призванія защищать отечество, не даютъ описанія геройскихъ подвиговъ русскаго солдата, а выбираютъ изъ его жизни все только грустное тяжелое, все, что неизбѣжно приводить къ выводу:

Зачѣмъ мучаютъ этихъ бѣдныхъ солдатиковъ, которые такъ ужасно тоскуютъ по своей деревнѣ? Зачѣмъ посылаютъ ихъ на войну, откуда они не возвращаются, или возвращаются калѣками?

№ 103. Василій Шибановъ посланецъ Курбскаго читаетъ Іоанну Грозному письмо. Изъ пронзенной царскимъ посохомъ ноги посланца льется кровь.

№ 115. Петръ I и Алексѣй царевичъ. Всѣмъ извѣстная картина. Бесѣда учителя о картинѣ неминуемо должна коснуться смерти этого царевича.

№ 117. Начало реформъ. Бояринъ съ остриженной бородой. Выводы изъ смысла этихъ картинокъ понятны сами по себѣ и усугубляются еще тѣмъ, что даютъ весьма благодарный матеріалъ для бесѣдъ учителей съ учениками.

С. Облеухова.

„Цвѣтничекъ.“

Хрестоматія малютка.

Изданіе Сытина.

Для самыхъ маленькихъ дѣтей, начиная отъ 4—5 лѣтъ. Книжка представляетъ дѣйствительно „Цвѣтничекъ“ интеллигентской пошлости и тупоумія, приправленнаго «освободительной» закваской. Книга разукрашена отвратительными рисунками въ декадентскомъ стилѣ.

Составитель книжки говоритъ въ предисловіи, что желаетъ „протоптать“, въ только что пробуждающемся сознаніи ребенка, «четыре дорожки». 1-я дорожка—дѣтская комната, вторая сказки, 3-тья—жизнь большихъ людей и 4-тая—жизнь за порогомъ дома.

Посмотримъ на эти дорожки.

Начинается книжка стихотвореніемъ «Боженька»

«По хрустальнымъ лѣсенкамъ.
Свѣтлыми дорожками,
Ангелочки бѣгаютъ
Маленькими ножками.

Дальше идетъ описаніе Боженьки, который встрѣчаетъ ихъ на „послѣдней пѣсенкѣ“.

Боженка весь бѣленькій,
Съ сѣденькими бровками,
Платьице застегнуто
Божьими коровками.
Упираясь въ лѣсенку
Палочкой—подпорочкой,
Кормитъ онъ воробышковъ
Теплой, вкусной корочкой.
Подбѣгаютъ ангелы
И цѣлуютъ ноженьки
Своего любимаго
Бѣленькаго Боженьки и т. д.

Заканчивается дѣло тѣмъ, что Боженька велитъ ангелочкамъ золотыми ломиками выковывать звѣздочки.

Вѣроятно это стихотвореніе относится къ «дорожкѣ сказокъ.»

„Событіе" Чехова. День въ дѣтской. Двое типичныхъ интеллигентскихъ дѣтей измышляютъ разныя шалости «когда мама занята, а папа въ кабинетѣ» Это время называется у нихъ «счастливымъ моментомъ». Милыя дѣтки узнаютъ, что у кошки есть котята и кричать на весь домъ: «кошка ощенилась!» Потомъ они рѣшаютъ, что у котятъ непремѣнно долженъ быть отецъ, а отца нѣтъ, и даютъ котятамъ въ отцы собаку Неро, которая и пожираетъ котятъ.

Красочки. Ангелочекъ и бѣсъ играютъ въ «красочки» съ цвѣтами. Ангелъ выбралъ незабудку, прижалъ ее „къ теплому крылышку и улетѣлъ." А бѣсъ выбралъ ромашку. „Вышла ромашка, протянула бѣлыя ручки. Пощекоталъ бѣсъ вертушкѣ желтое пузико, подхватилъ себѣ на мохнатыя лапки и убѣжалъ. „Бѣсъ и ангелочекъ разобрали, такимъ образомъ, всѣ цвѣточки и, усѣвшись на солнышкѣ, стали играть. Слѣдуетъ кошмарное описаніе игръ. Суть ихъ

та, что у ангела тихо и скучно, ангелъ все про грѣхи у цвѣтовъ спрашиваетъ и они отъ него одинъ за другимъ бѣгутъ къ бѣсу. У бѣса весело. Вотъ какъ описывается это веселье:

«Налѣво у бѣса такое творится, будь ты кисель киселемъ — и то разсмѣешься. Поджигалъ бѣсъ цвѣточки: самъ мордочку строитъ—цвѣточки мордочку строятъ; самъ дѣлаетъ моську -цвѣточки дѣлаютъ моську. Самъ рожицы корчитъ—цвѣточки рожицы корчатъ, мяукаютъ, кукуютъ, юлой юлятъ и такъ-то, и этакъ-то,—вотъ какъ!» Когда же отъ ангелочка всѣ цвѣты ушли къ бѣсу, „прибѣжали еще семь бѣсенятъ и еще семь, и такую возню подняли, такого рогача—стрекача задавать пустились, кувыркались, скакали, пищали, бодались, плясали, да такъ, что и сказать невозможно.“

Дѣло кончилось тѣмъ, что цвѣты захотѣли пить, а такъ какъ ангелочекъ позвалъ для нихъ дождикъ, котораго бѣсенята боялись, то всѣ цвѣточки убѣжали къ ангелочку. „А бѣсенята показали ангелочкамъ шишки и ускакали“.

«К у р и л к а» (Кота Мурлыки) Курилка, т. е. лучинка, которой дѣти поиграли и бросили въ уголъ, хвасталъ передъ игрушками, что онъ баринъ и былъ въ почетѣ у дѣтей. Надоѣвшаго болтуна курилку заперли въ буракъ подъ крышку, но онъ оттуда высовывался и кричалъ. „Вы всѣ тамъ господа меледа, чушь, глушь, огородники, сковородники, дрянь, шваль, гниль, плѣсень, толокно, чепуха, телятина, колбаса, труха, носки, колпаки, мѣшки“! Курилку выбросили за окно. „Вотъ теперь я страдаю за правду и прямо въ Сибирь!„ кричалъ курилка. Попавъ вмѣстѣ со щепками опять въ кухню, курилка подрался съ метлой и дровами. «Не смѣй возражать! ты простой мужикъ, я тебя сейчасъ посажу въ часть... Вы кухонная дрянь, дровяное дубье, а я князь, графъ, баронъ фишъ-фонъ-курилкиръ“.

Наконецъ курилку бросили въ огонь и онъ сгорая кричалъ: «Я иду въ огонь за честь отчизны! Берите съ меня примѣръ, какъ надо горѣть. Трахъ, пышь, тукъ, пшикъ!»

И отъ него осталась щепотка золы. Въ концѣ разсказа нравоученіе: «А знаешъ ли? курилки полезны, все-таки. Они удобряютъ землю своимъ прахомъ. И если тебѣ случится когда нибудь встрѣтить курилку, который всѣмъ надоѣдаетъ и ничего не дѣлаетъ, то знай, что это ничто иное, какъ ходячая машина для удобренія твоей родной земли. Вотъ и все!»

Дальше идетъ «Кузьма Остолопъ» «Учитель Карлъ Ивановичъ» Толстого, «Какъ мыши кота хоронили» и еще нѣсколько кошмарно нелѣпыхъ разсказовъ вродѣ «Красочекъ».

Бѣдныя дѣти! Какая только пошлость не вколачивается въ ихъ юный мозгъ разными подлыми людьми, взявшимися протаптывать въ ихъ душѣ свои грязныя „дорожки"!

С. Облеухова.

„Новь“.

ХРЕСТОМАТІЯ Тулупова и Шестакова, книги I, II, III.

Если мы станемъ разсматривать всѣ три книги «Нови» только въ отношеніи содержанія каждаго изъ помѣщенныхъ тамъ разсказовъ, то найдемъ сравнительно немного явно недопустимыхъ отрывковъ и разсказовъ.

Въ первой части тенденціозенъ разсказъ «Любовь брата», (стр. 67) въ которомъ готовность идти за брата въ солдаты выставляется, какъ величайшій подвигъ самоотверженія. Разсказъ этотъ написанъ для дѣтей младшаго возраста и тѣмъ болѣе возмутительна эта тенденція антимилитаризма, заставившая составителей книжки пугать малыхъ ребятъ солдатчиной былыхъ временъ, когда можно было отбывать воинскую повинность за другого и приходилось идти въ солдаты чуть не на всю жизнь. Приличнѣе было бы разъяснить малышамъ, что воинская повинность—это священный долгъ каждаго гражданина передъ родиной, что служба Царю и отечеству—это честь, а не величайшее бѣдствіе, неизвѣстно откуда сваливающееся на головы мирныхъ поселянъ.

Въ разсказѣ «Камень» (стр. 73) мы находимъ очень распространенное въ нашихъ хрестоматіяхъ противопоставленіе бѣдныхъ богатымъ, причемъ богатый обязательно является злодѣемъ, а бѣдный, наоборотъ, обязательно надѣленъ великодушіемъ и прочими добродѣтелями. Въ этомъ разсказѣ проводятся мысли, что ненависть можно питать только къ тому, кто богатъ и силенъ, а если этотъ-же человѣкъ, хотя бы за дурное дѣло, попадаетъ въ тюрьму, то онъ сейчасъ же становится достойнымъ сострадания и жалости.

Это противопоставленіе другъ другу различныхъ классовъ населенія приводится и въ нѣкоторыхъ другихъ разсказахъ, гдѣ всегда баринъ и барскія дѣти выставляются трусливыми, жалкими, безпомощными, (какъ примѣръ – отрывокъ «Масленица», ст. 140).

Во второй части надо раньше всего отмѣтить три разсказа Л. Н. Толстого—«Знаніе—лучшее богатство» (стр. 9), «Визирь Абдулъ» (стр. 48), и «Архіерей и разбойникъ» (стр. 55). Въ первомъ, подъ видомъ восхваленія знанія проводится мысль, что богатый обязательно долженъ вырости олухомъ и глупцомъ, а научиться чему нибудь и стать дѣльнымъ человѣкомъ можетъ только человѣкъ бѣдный. Прогрессивный учитель конечно не объяснитъ дѣтямъ, что авторъ разсказа, восхваляющій бѣдность и презирающій богатство самъ родился, жилъ и умеръ богатымъ человѣкомъ.

Во второмъ разсказѣ изображенъ добродѣтельный визирь, который, будучи потрепанъ бунтующимъ народомъ, уговорилъ Царя помочь бунтовщикамъ и не наказывать ихъ, а когда ему выдали тѣхъ, кто его трепалъ, то онъ въ свою очередь выдалъ ихъ тѣмъ, на кого они ему донесли. Подобные разсказы, внушая дѣтямъ симпатіи къ бунтовщикамъ и мысли, что лучшіе сановники тѣ, кто бунтовщи-

камъ мирволитъ, несомнѣнно сѣютъ въ дѣтскихъ душахъ сѣмена антигосударственности.

Въ третьемъ разсказѣ, фабула котораго экспропріирована Толстымъ у Виктора Гюго, проводится мысль, что воровъ и разбойниковъ надо исправлять кротостью и укрывательствомъ ихъ преступленій. Они-де тогда раскаются и обратятся на путь истины. Ученіе антигосударственное и несомнѣнно гибельное для всѣхъ честныхъ людей.

Разсказъ „Татарская дѣвочка и русскій офицеръ“ (стр. 63—69) интересенъ указаніемъ на ту роль, которую предназначаютъ учителямъ авторы хрестоматіи. Самъ по себѣ разсказъ очень простъ—въ немъ описывается, какъ татарская дѣвочка сжалилась надъ плѣннымъ русскимъ офицеромъ и помогла ему бѣжать изъ плѣна, но въ примѣчаніи учителю рекомендуется задать дѣтямъ слѣдующіе вопросы:

«Нравится ли вамъ Дина? Почему? Русская ли она была? А кому она сдѣлала добро?»

Изъ этихъ вопросовъ видно, какіе требуются отвѣты. Это уже отрицаніе націонализма и патріотизма и апологія государственной измѣны.

Далѣе, въ совершенно невинныхъ разсказахъ мы встрѣчаемъ отдѣльныя тенденціозныя фразы, которыми, надо полагать долженъ воспользоваться прогрессивный учитель для соотвѣтствующихъ разговоровъ и объясненій. Напримѣръ, въ описаніи весны (стр. 137) мы читаемъ: «Крестьянинъ—тотъ же воинъ, только не проливающій ничьей крови». Это очевидно легкое поползновеніе къ антимилитаризму. Въ „Страдѣ“ (стр. 179) находимъ: «трудами крестьянина кормится не одна его семья, а весь міръ: и я, и вы, и всѣ разодѣтые господа, хотя иные изъ нихъ и съ презрѣніемъ посматриваютъ на крестьянина». Это очень благодарная тема для учительскихъ разговоровъ о разодѣтыхъ господахъ.

Такимъ образомъ въ первыхъ двухъ частяхъ мы находимъ только нѣсколько разсказовъ тенденціознаго характера, да кое-гдѣ разбросанныя отдѣльныя фразы, могущія дать прогрессивному учителю благодарную тему для просвѣщенія учениковъ въ прогрессивномъ духѣ. Не надо забывать, что это книги для дѣтей младшаго возраста, которые сами не разберутся ни въ какихъ тенденціяхъ, а потому для нихъ безполезно заполнять всю книжку тенденціозными разсказами, обиліе которыхъ можетъ обратить на себя вниманіе даже полуслѣпаго «ученаго комитета». Съ прогрессивной точки зрѣнія гораздо цѣлесообразнѣе дать въ хрестоматіяхъ для дѣтей младшаго возраста всего лишь нѣсколько сомнительныхъ разсказцевъ, исполняющихъ роль канвы, на которой просвѣщенный учитель самъ вышьетъ нужные узоры. Такая система разумна, цѣлесообразна и, что очень важно,—осторожна.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что даже въ хрестоматіяхъ для дѣтей младшаго возраста имѣются болѣе чѣмъ ясные намеки на возбужденіе низшихъ классовъ противъ высшихъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ и народныхъ массъ противъ властей, съ прибавкой къ этому еще и пропаганды антимилитаризма. Все это, конечно, въ скромныхъ пока размѣрахъ, ибо нескромные были бы опасны для самихъ просвѣтителей, а на дѣтей младшаго возраста, пожалуй, не произвели бы должнаго впечатлѣнія.

Въ третьей части хрестоматіи, какъ предназначенной для старшаго возраста, пропаганда антимилитаризма и классовой розни ведется гораздо откровеннѣе, такъ что читатели получаютъ возможность впитывать въ себя эти идеи непосредственно, безъ помощи учителя. Въ этой части мы находимъ разсказъ Л. Н. Толстого «Солдаткино житье» (стр. 18—22), въ которомъ описывается бѣдствіе семьи, глава которой служитъ солдатомъ, и спасеніе отъ этихъ бѣдствій съ момента возвращенія солдата домой. Разу-

мѣется, разсказъ этотъ относится къ давно прошедшей эпохѣ, къ тѣмъ временамъ, когда въ солдаты сдавали за пьянство; но этимъ составители хрестоматіи не смущаются, тѣмъ болѣе, что для привитія дѣтямъ антимилитаризма особенно пригодны именно разсказы изъ временъ былой солдатчины.

Далѣе на стр. 47—50 помѣщенъ разсказъ Гаршина «На войнѣ», имѣющій яркую антимилитаристскую окраску. Цѣль помѣщенія этого разсказа въ дѣтской хрестоматіи ясна вполнѣ.

За этимъ разсказомъ (на 51 стр.) видимъ пацифистическое стихотвореніе еврея Струга «Свѣтлое будущее», тенденція котораго тоже совершенно ясна.

Недаромъ идетъ и сѣяніе вражды между отдѣльными классами населенія. Изъ сочиненій Гончарова вырвано только описаніе ученія Обломова и этотъ маленькій отрывокъ сопровождается длиннымъ рядомъ вопросовъ, которые должны привести ученика къ убѣжденію въ отрицательныхъ качествахъ баръ и ихъ дѣтей. Въ разсказѣ Гаршина „Сигналъ“ описывается притѣсненіе начальствомъ подчиненныхъ маленькихъ людей и въ уста героя влагаются, напримѣръ, такія слова:

«Коли всякую скверность на Бога сваливать, а самому сидѣть да терпѣть—это, братъ, не человѣкомъ быть, а скотомъ». Старшихъ служащихъ, т. е. начальство, Гаршинъ изображаетъ грубыми, несносными, а младшіе являются, наоборотъ, самоотверженными героями, словно это двѣ различныя породы людей.

Итакъ, мы видимъ въ хрестоматіи строгій, несомнѣнно хорошо проведенный, съ извѣстными цѣлями, подборъ матеріаловъ. Пропаганда классовой розни и антимилитаризма ведется сначала съ помощью учителя, разъясняющаго дѣтямъ не совсѣмъ понятные имъ разсказы, и только старшему возрасту начинаютъ откровенно и прямо говорить

въ книгѣ то, что раньше на словахъ разъяснялъ учитель. Система съ революціонной точки зрѣнія несомнѣнно правильная и, при «полусмѣнномъ» ученомъ комитетѣ, очень осторожная, слѣдуя которой нельзя сорваться и попасть подъ запрещеніе.

Подобныя книги, конечно, гораздо вреднѣе откровенно революціонныхъ произведеній, ибо подъ маской благонамѣренности вредныя идеи прививаются вѣрнѣе и легче, а подчасъ даже «рекомендуются» ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ историческомъ отдѣлѣ третьей части хрестоматіи. Усердно описывается Іоаннъ Грозный, какъ человѣкъ злой и жестокій, да притомъ еще и больной; особенное вниманіе удѣлено опричникамъ и распрѣ царя съ митрополитомъ Филиппомъ. Очень сочувственно изображается Самозванецъ, который, говоритъ хрестоматія, «оказалъ большой умъ, правилъ на славу, заботился о распространеніи образованія, но не понравился боярамъ, начавшимъ возстановлять противъ него народъ, который уже полюбилъ новаго царя». Тутъ-же объясняется, что царь дружилъ съ поляками, женился на польской паннѣ и этимъ-де воспользовались коварные бояре.

Далѣе хрестоматія говоритъ, что народъ не возлюбилъ «боярскаго царя» Василія и охотнѣе шелъ за новыми самозванцами. Еще далѣе читаемъ: «безправное состояніе низшихъ классовъ приводило въ отчаяніе и озлобляло русскаго человѣка, привыкшаго вообще къ терпѣнію... стремленіемъ голытьбы было устроить во всемъ государствѣ такое же вольное житье, какъ на Дону... она нападала на богатыхъ людей, раззоряла помѣщичьи усадьбы, но не трогала рабочій и бѣдный людъ».

Думаю, что этихъ выдержекъ достаточно для выясненія вопроса, что за исторія излагается въ хрестоматіяхъ «Новь», и всякіе комментаріи здѣсь излишни.

П. Барачъ.

Рѣчь.

М. Я. Говорухо-Отрока

(въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 6 марта 1913 года.)

Ваше Высокопревосходительство, г. г. Члены Государственнаго Совѣта. Конечно, возбужденное настоящимъ запросомъ дѣло не исчерпывается однимъ учебникомъ Тулупова и не объ одномъ учебникѣ, о которомъ идетъ рѣчь, мы, по моему мнѣнію, призваны разсуждать. Дѣло идетъ вообще объ Ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и о тѣхъ учебникахъ, которые онъ допускаетъ, рекомендуетъ и одобряетъ для употребленія въ народной школѣ. И вотъ здѣсь, въ противность только что высказанному мнѣнію, я долженъ тотчасъ же поправить предшествующаго оратора, что голосъ Кирсановскаго земства является вовсе не единственнымъ, а учебникъ Тулупова и Шестакова, принятый въ народной школѣ, является вовсе не единственнымъ въ числѣ тѣхъ, содержаніе коихъ мы, земскіе дѣятели, осуждаемъ. Съ вопросомъ этимъ мнѣ близко пришлось познакомиться по должности предсѣдателя губернской земской управы, въ которую я вступилъ тотчасъ же послѣ недоброй памяти освободительныхъ лѣтъ, когда, на ряду съ погромами нашихъ усадебъ, намъ пришлось видѣть и разгромъ того дѣла, которое мы въ теченіе

десятилѣтіи вели, и призадуматься надъ тѣмъ, правильно ли мы вели его до сихъ поръ, не сами ли мы виноваты во всемъ, тогда происходившемъ. По должности предсѣдателя губернской земской управы я завѣдывалъ, такъ называемымъ, земскимъ книжнымъ складомъ. Книжный складъ губернскаго земства это есть обширное, скажу коммерческое, предпріятіе, призванное снабжать этими вотъ самыми учебниками народныя школы уѣздныхъ земствъ, городскихъ управленій, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Чтобы судить объ оборотахъ этого склада, позвольте Вамъ привести коротенькую справку: напримѣръ, въ смѣтѣ Бѣлгородскаго уѣзднаго земства—а Бѣлгородское уѣздное земство это одно изъ самыхъ скромныхъ въ нашей губерніи по размѣру затратъ, -въ § 5, въ статьяхъ 6—10, вы изволите увидѣть, что на эти самые учебники одно Бѣлгородское земство тратитъ 9.472 р. и на пополненіе народныхъ библіотекъ 1.433 р. Итого одно уѣздное земство на эти книги тратитъ около 11.000 р. А такъ какъ такихъ земствъ въ Курской губерніи 15, то совершенно очевидно, что всѣ они тратятъ вмѣстѣ около 160.000 р. Цифру эту, конечно, надо было бы увеличить въ полтора раза, если принять во вниманіе, что этотъ же книжный складъ снабжалъ школы, содержимыя не только уѣздными земствами, но и городскими управленіями и т. д. Дѣйствительно, этотъ складъ имѣлъ оборотъ около 200.000 р. и товаровъ на складѣ около 100.000 р. Онъ занималъ цѣлый подвальный этажъ нашего дома. И вотъ, этотъ то складъ, эти товары и обороты мы приняли въ свои руки. Когда мы начали приглядываться къ тому товару который намъ отъ нашихъ предшественниковъ достался по наслѣдству и который по закону долженъ былъ состоять подъ наблюденіемъ чиновъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, то мы прежде всего натолкнулись тамъ на литературу не только тенденціозную, но и ярко, явно революціон-

ную, которую мы тотчасъ же изъ этого склада выбросили, потерпѣвъ убытка на нѣсколько тысячъ рублей. Вслѣдъ за этого сорта литературой намъ стала попадаться литература хотя и легальная, то есть разрѣшенная и допущенная цензурой, но почти столь же тенденціозная и революціонная. Эту литературу мы тоже выбросили на нѣсколько тысячъ рублей. А когда мы все выбросили и оставили только книги, на которыхъ написано: «Ученымъ Комитетомъ допущено или дозволено къ употребленію въ народныхъ училищахъ», мы думали, что мы обезпечили себя отъ грѣха снабжать народныя училища такими учебниками, которымъ мы нисколько не сочувствуемъ. Однако, мы ошиблись. Среди этихъ одобренныхъ учебниковъ мы нашли вовсе не однихъ «Тулуповыхъ и Шестаковыхъ», и я долженъ сказать, что «Тулуповы и Шестаковы» въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ихъ разсматриваемъ сейчасъ, являются не наиболѣе типичными и не наиболѣе по своей тенденціи яркими. Такимъ учебникомъ, который представляетъ собою типъ тѣхъ учебниковъ, которыми мы снабжали народныя школы, является книга г.г. Вахтеровыхъ. Она называется: «Міръ въ разсказахъ для дѣтей», книга для класснаго чтенія, и состоитъ изъ трехъ частей. Въ то время первыя двѣ части были допущены въ народныя школы, третья же еще не была допущена. Въ настоящее время допущена и третья. И вотъ, позвольте остановиться на содержаніи именно этой книги. Славу этого учебника составилъ отдѣлъ природовѣдѣнія, дѣйствительно умѣло и, скажу прямо, галантливо составленный. Тутъ есть все, и воздухъ и солнце, работа воды и льда, человѣческое тѣло, прекрасный подборъ географическихъ статей, ученье о клѣточкѣ и даже ученіе о первобытномъ человѣкѣ, почти что теорія Дарвина. Д. И. Багалѣй упрекалъ насъ въ томъ, что мы, подписавшіе запросъ, не приводили никакихъ цитатъ изъ этого учебника Тулупова и Шестакова. Позвольте мнѣ, взамѣнъ этого,

привести нѣсколько цитатъ изъ учебника г.г. Вахтеровыхъ Напримѣръ, относительно первыхъ людей говорится такъ: «первобытные люди были болѣе дики, чѣмъ самые дикіе изъ современныхъ дикарей. У первобытнаго человѣка не было такихъ зубовъ и когтей, какъ у хищныхъ звѣрей, и такого хобота, какъ у мамонта. Онъ учился у птицъ любить своихъ дѣтей, а у обезьянъ—охотиться большими обществами». Очевидно, что эта теорія дарвинизма, внушаемая крестьянскимъ мальчикамъ 10 и 12 лѣтъ, врядъ ли заслуживаетъ особаго одобренія. Но этимъ, конечно, не исчерпывается все то, что мы инкриминируемъ этому учебнику. Когда дѣло доходитъ до Россіи и исторіи, прежде всего, конечно, умалчиваются великія цѣнности, созданныя вѣковыми трудами въ области государственнаго творчества, умалчивается совершенно связь Россіи съ Православной вѣрой. Здѣсь вовсе нѣтъ упоминанія о Ярославлевой Правдѣ и Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, ничего, ни одного слова, не говорится о тѣхъ реформахъ и благодѣтельныхъ государственныхъ переустройствахъ, коимъ мы обязаны цѣлому ряду своихъ Монарховъ. Обойдены совершенно молчаніемъ Москва, Кіевъ, Севастополь, всѣ русскія святыни вовсе не упомянуты какъ таковыя. Относительно Іоанна Грознаго дѣло стоитъ конечно болѣе прочно, чѣмъ въ учебникѣ Тулупова и Шестакова. Приведенъ отрывокъ изъ Василія Шибанова; относительно взятія Казани въ нѣсколькихъ стихотворныхъ строкахъ говорится о томъ, что Царь приказалъ казнить тѣхъ поджигателей, которые должны были поджигать татарскіе пороховые погреба и опоздали съ этимъ. Наконецъ—разсказъ о томъ, какъ Малюта Скуратовъ задушилъ Митрополита Филиппа, и разсказъ о томъ, что Ермакъ Тимофѣевичъ былъ прежде всего воръ и разбойникъ. Петра I и Екатерины II авторы касаются только вскользь. Авторы также, вмѣсто реформъ Петра Великаго, на страницѣ 572 нашли удобнымъ помѣстить

описаніе ассамблеи, гдѣ Петръ I потѣшался, напаивая до пьяна приближенныхъ. Затѣмъ на страницѣ 587 помѣщенъ разсказъ, воспоминаніе помѣщика о крѣпостномъ правѣ, о народныхъ пѣсняхъ, которые не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что авторамъ конечно, было желательно внушить ученикамъ враждебное отношеніе къ потомкамъ такъ называемаго «барина». Затѣмъ на страницахъ, напримѣръ, 481 и 484 есть отдѣлъ, который будто бы посвященъ жизни рабочихъ. Тутъ приводится стихотворная выдержка такого рода: «стучи, рудокопъ, не противься судьбѣ, быть можетъ и выстучишь счастье себѣ». Рабочій, напримѣръ, на страницѣ 184, жалуется: «насъ не радость на пріискъ гонитъ, а неволя; съ нашихъ трудовъ купецъ раздувается. Ткутъ руки: подъ градомъ катится съ лица, въ грудь молотомъ сердце стучитъ, проклятыя нити ползутъ». Отношенія къ инородцамъ, населяющимъ Россію, самоѣдамъ, финнамъ и другимъ крайне благосклонное. Въ рядѣ разсказовъ про Финляндію одобряется, какъ бы недозволенная русскимъ, любовь къ родинѣ, напримѣръ, на страницѣ 388: «всѣ мы финны рады трудиться для Финляндіи, матери милой». Между тѣмъ въ статьѣ, почти единственной, посвященной Москвѣ, читаемъ: «всѣ сумрачны, однообразная опостылѣвшая работа кажется еще скучнѣе послѣ отдыха». Но отношеніе къ войнѣ является еще болѣе характернымъ. Здѣсь нѣтъ ни одного слова ни объ Ослябѣ, ни о Пересвѣтѣ, ни объ Архипѣ Осиповѣ, ни объ Агафонѣ Никитинѣ, ни о Суворовѣ, ни о Скобелевѣ, ни о Нахимовѣ. Ихъ въ этомъ учебникѣ совсѣмъ нѣтъ. Но здѣсь есть извѣстный разсказъ Гаршина о томъ, какъ онъ убилъ на войнѣ штыкомъ турка, страшный разсказъ «Смерть»; «Черный день пахаря», описывающій ужасы крестьянской семьи, когда ихъ сынъ уходитъ на войну. Затѣмъ, трогательный разсказъ о томъ, какъ братъ за брата идетъ на военную службу, но нѣтъ

ни слова о тѣхъ подвигахъ и о тѣхъ жертвахъ, которые приносили солдаты. Я долженъ еще отмѣтить то, что въ этой книгѣ есть такіе авторы, о которыхъ никто не слышалъ, напримѣръ: Кизеветеръ, Рунебергъ, Судержавскій, Сѣрошевскій, Кронціевскій. Казалось бы, это не тѣ авторы, съ которыми нужно знакомить русскихъ крестьянскихъ мальчиковъ въ хрестоматіи. Но изъять эту книгу изъ обращенія оказалось очень трудно. Во первыхъ, не было законныхъ къ тому основаній, ибо мы отказывали бы покупателямъ въ высылкѣ такой книги, которая была Министерствомъ допущена въ школы, во вторыхъ, этого товара закупили на десятки тысячъ рублей и, наконецъ, перемѣнить учебникъ, классную книгу въ школѣ составляетъ большія затрудненія, ибо каждая школа получаетъ ежегодно учебники въ извѣстномъ процентѣ, а перемѣнить учебники—это значитъ изъять изъ всѣхъ четырехъ классовъ школы книгу и на всѣ четыре класса сразу дать полный комплектъ новыхъ учебниковъ. Но мы не посмотрѣли на убытки и неудобства и эту книгу на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей изъяли изъ нашего склада. Кирсановское земство являлось не единственнымъ въ этомъ походѣ противъ этихъ вредныхъ учебниковъ. Большинство остальныхъ рекомендованныхъ учебниковъ было похоже на ту же книжку. Всѣ эти книжки, какъ напримѣръ: «Живой Родникъ», сборники Рубакина, Душечкина, Ананьина и т. п., всѣ они проводятъ нравственность утилитарно, даютъ одни реальныя знанія, проводятъ матеріалистическое міровоззрѣніе; запросы духа въ христіанскомъ пониманіи устранены, вовсе нѣтъ связи русской исторіи съ Православной Вѣрой, нѣтъ указанія, что жизнь и строительство русскаго государства шли по предначертанному русскими Государями пути, все то же отрицательное отношеніе къ войнѣ и завоеваніямъ и славѣ русскаго оружія. Могутъ намъ возразить: вѣдь никто не заставляетъ родителей дѣтей школь-

наго возраста или тѣхъ лицъ, коимъ ввѣрено ихъ обученіе, никто не заставляетъ покупать ихъ рекомендованные или допущенные учебники и всякому предоставляется право учить своихъ дѣтей такъ, какъ онъ думаетъ, и тому, во что онъ вѣритъ. Да, это вѣрно, эти доводы справедливы, но бѣда въ томъ, что русскій обыватель до сихъ поръ довѣрчивъ къ начальству. Вотъ, какъ примѣръ этой довѣрчивости, если дозволено мнѣ будетъ, я приведу слѣдующій характерный случай: Въ недавнее время пріѣхалъ въ С.-Петербургъ скромный провинціалъ по своимъ дѣламъ вмѣстѣ со своей дочкой, молоденькой барышней. Отправляясь хлопотать по своимъ дѣламъ, онъ въ теченіе дня оставлялъ ее въ номерѣ, боясь отпускать одну по незнакомому чужому городу. Барышня, сидя въ номерѣ, соскучилась и просила своего отца принесли что нибудь новенькое почитать. Отецъ отправился въ книжный магазинъ Вольфа, гдѣ услужливый приказчикъ, прежде всего, предложилъ «Ключи счастья» г-жи Вербицкой, но папаша хорошо зналъ, что это за «ключи» г-жи Вербицкой и отъ «ключей» отказался, а просилъ дать что нибудь посерьезнѣе и что нибудь такое, что гарантировало бы содержаніе книги. Тогда приказчикъ тотчасъ же предложилъ ему книжки, которыя лежатъ здѣсь, и названіе автора которыхъ я не желаю упоминать, не желая дѣлать ему рекламу, но на которыхъ написано: на первомъ томѣ: почетный отзывъ Академіи Наукъ на XVI конкурсѣ имени А. С. Пушкина, а на второмъ томѣ: почетный отзывъ Академіи Наукъ на XVII конкурсѣ имени А. С. Пушкина. Женское имя автора, славное имя Пушкина, рекомендація Академіи Наукъ,—все это, конечно, вполнѣ убѣдило бѣднаго провинціала, что это будетъ именно подходящее для молодой женской души чтеніе. Но когда барышня прочла эту книгу, показала отцу, а за ней прочелъ и отецъ, то впечатлѣніе было ужасно. Если мнѣ будетъ дозволено, я приведу нѣсколько вы-

держекъ изъ этой книги. Въ разсказѣ, напримѣръ, «Диспутъ» такого рода разговоръ: «ну что такое, напримѣръ, престолъ, что иконы, свѣчи, паникадилы, ну что это все какъ это все понимать надо?—говоритъ одинъ крестьянинъ. А чего понимать, это совсѣмъ не требуется, строго отвѣчаетъ Игнатъ Ивановичъ. Ты войди въ церковь, стань помолись, нечего по сторонамъ оглядываться.—Нѣтъ, это все не то, это все въ человѣкѣ быть должно, убѣжденно говоритъ Порфишка. Ну, какъ къ примѣру ты паникадило въ брюхо вопрешь. Опять какъ это назвать? не то шутя, не то серьезно говоритъ рыжій мужикъ съ шишкой во лбу.»... Я хотѣлъ этими примѣрами только показать, насколько довѣрчивъ россійскій обыватель и насколько въ самомъ дѣлѣ не слѣдуетъ вѣрить въ официальную рекомендацію. Вотъ также и мы были довѣрчивы къ рекомендаціямъ Ученаго Комитета, по отношенію къ приведеннымъ мною учебникамъ. Когда я самъ на опытѣ убѣдился, что въ теченіе многихъ лѣтъ мы снабжали наши народныя школы совершенно неподходящимъ матеріаломъ, мнѣ пришлось бесѣдовать по этому поводу съ однимъ опытнымъ педагогомъ, ближайшимъ моимъ сотрудникомъ по насажденію школьнаго образованія въ своемъ родномъ уѣздѣ. И вотъ я ему задалъ вопросъ—неужели правильно то, что мы проводимъ столь матеріалистическіе взгляды въ народныхъ школахъ, что мы ее устраняемъ отъ всѣхъ духовныхъ запросовъ? Онъ мнѣ не далъ на это положительнаго отвѣта, но призналъ, что такое направленіе существуетъ дѣйствительно въ современномъ школьномъ дѣлѣ и, повидимому, это направленіе раздѣляется и самимъ Ученымъ Комитетомъ. Эта новая теорія заключается въ томъ, что начальное образованіе должно основываться на фактахъ дѣйствительной природы и жизни и изъ курса ихъ должно быть изгнано все то, что представляетъ собою иллюзію. Итакъ, вода, воздухъ, жизнь растеній, ученіе о первобыт-

номъ человѣкѣ, ученіе о клѣточкѣ—вотъ то, чему мы должны учить десятилѣтнихъ крестьянскихъ мальчиковъ и тщательно молчать о Богѣ, Царѣ, народныхъ герояхъ и народныхъ святыняхъ, ибо все это называется иллюзіями. И вотъ, если это дѣйствительно такъ, въ чемъ я, по отношенію къ современнымъ руководителямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, сильно сомнѣваюсь, если все это признается учеными коллегіями, стоящими у власти, — иллюзіями,—позвольте намъ, простымъ обывателямъ, высказать передъ лицомъ ихъ свое твердое и глубокое убѣжденіе, что безъ этихъ иллюзій не можетъ существовать великій русскій народъ, что безъ нихъ погибнетъ и развалится та великая страна, которую мы еще до сихъ поръ называемъ Россіей.

Докладъ П. Б. Мансурова.

Моршанскому Уѣздному училищному Совѣту.

О книгѣ для класснаго чтенія: „Міръ въ разсказахъ для дѣтей" В и Э. Вахтеровыхъ.

„Наша начальная народная школа имѣетъ дѣло со своими воспитанниками нормально въ продолженіе трехъ лѣтъ, въ весьма еще юномъ возрастѣ. Можно ли ставить ей значительныя требованія, какъ въ смыслѣ образовательномъ, такъ и воспитательномъ? Требованія эти, однако, ставятся; школа призвана ихъ удовлетворять, и намъ слѣдуетъ поэтому возможно тщательнѣе слѣдить за тѣмъ, чтобы преподаваніе въ школѣ наиболѣе производительно использовало имѣющіяся у нея время и силы.

Что же для этого нужно?

Слѣдуетъ прежде всего отдать себѣ отчетъ въ томъ, что время пребыванія въ школѣ ребенка не есть періодъ его жизни, исчерпывающій всѣ воспитательныя на него вліянія. Онъ воспитывался такъ или иначе до поступленія въ школу и будетъ воспитываться подъ дѣйствіемъ разныхъ вліяній послѣ ея окончанія. Въ этомъ заключаются нѣкоторыя трудности для школьнаго вліянія на воспитанниковъ; съ другой стороны, однако, и единственная надежда на то, что краткое время, проведенное въ школѣ не пройдетъ безслѣдно, заключается въ томъ, если школа сумѣетъ развить и укрѣпить въ умѣ и сердцѣ воспитанниковъ тѣ изъ жизненныхъ, умственныхъ и нравственныхъ впечатлѣній, ко-

торыя являются желательными. Если бы представить себѣ, что воспитаніе даваемое въ начальной школѣ не находило никакой опоры въ жизни окружающаго ее народа, то врядъ-ли, можно было бы питать какую-либо надежду на сколько-нибудь ощутительное воспитательное ея вліяніе на ея воспитанниковъ. Необходимо поэтому возможно тщательнѣе сообразовывать школу съ народною жизнію, съ лучшими, конечно, сторонами послѣдней.

Вторымъ условіемъ полезной дѣятельности школы слѣдуетъ признать то, чтобы въ ней самой была цѣльность, чтобы усилія ея направлялись къ единой цѣли и не растрачивались на преслѣдованіе несогласованныхъ задачъ, чтобы эти усилія помогали, а не противодѣйствовали другъ другу.

Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія я считаю избранную для земскихъ школъ Моршанскаго уѣзда книгу для чтенія Вахтеровыхъ неподходящею и подлежащею изъятію.

Книга эта составлена, становясь на точку зрѣнія ея составителей, умѣло и съ любовію, но задачи, которыя послѣдніе себѣ поставили, не находятся на высотѣ тѣхъ требованій, которымъ призвана отвѣчать русская народная школа и во многомъ имъ даже противорѣчатъ.

Остановлюсь въ своемъ разборѣ, преимущественно, на третьей, завершительной пока книгѣ для 3-го года обученія.

Распадается она, по руководящимъ задачамъ, на двѣ части. Въ первой, занимающей не совсѣмъ треть книги, содержится, по выраженію авторовъ, нравственно воспитывающій матеріалъ, во второй—статьи, сообщающія реальныя знанія.

Первая часть состоитъ изъ 6 отдѣловъ. Содержаніе ихъ опредѣляется выставленными надъ ними слѣдующими эпиграфами:

I. Ученье—свѣтъ, а неученье—тьма.

II. Трудъ кормитъ, а лѣнь портитъ.

III. Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на мѣстѣ.
IV. Всякъ своему счастью кузнецъ.
V. Дружно не грузно, а врозь—хоть брось.
VI. Всѣ за одного, а одинъ за всѣхъ.

Въ отдѣлахъ этихъ изображаются отношенія человѣка къ семьѣ, къ ближнему, къ обществу, къ самому себѣ и къ труду, которыя опредѣляются авторами, какъ духовныя потребности человѣка.

Какъ говорятъ авторы въ замѣчаніяхъ для учащихъ (на внутренней обложкѣ 2-й книги), они имѣли въ виду, «чтобы книга дѣйствовала на сердце и волю ребенка, чтобы она воспитывала любовь къ добру и великодушныя чувства».

Статьи, помѣщенныя въ первой части 3-й книги въ осуществленіе задачи авторовъ, по своему характеру направлены къ развитію доброжелательныхъ чувствъ къ людямъ въ душѣ учениковъ. Особенною теплотою отличаются статьи, касающіяся семьи; превосходенъ, въ особенности, выборъ статей, изображающихъ чувства материнской любви.

Недостатки разсматриваемой части книги, однако, велики, какъ въ отношеніи объема охватываемыхъ ею отношеній, такъ и въ самомъ качествѣ будимыхъ выборомъ статей нравственныхъ чувствъ.

Выше перечислены были, со словъ авторовъ, тѣ нравственныя отношенія человѣка, которыя имѣлись ими въ виду. Укажу на нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ, которыя ими опущены. Въ самомъ отдѣлѣ, посвященномъ семьѣ, отсутствуютъ указанія на нравственныя бытовыя черты русской семьи, пренебреженіе къ которымъ свидѣтельствовало бы объ отчужденности школы отъ народной жизни. Въ книгѣ имѣются трогательныя описанія примѣровъ материнской любви изъ произведеній лучшихъ писателей, но по существу эти примѣры не отличаются отъ помѣщеннаго во 2-й книгѣ разсказа Тургенева: «Воробей». Конечно, трогательны

родительскія чувства воробья, но въ русской крестьянской и христіанской семьѣ есть другія, не вытекающія только изъ природныхъ связей, нравственныя требованія, съ исчезновеніемъ которыхъ эта семья, врядъ ли, сохранитъ свое нравственное значеніе.

Если наша школа сколько-нибудь жизненна въ хорошемъ смыслѣ, она призвана поддержать тѣ унаслѣдованныя народомъ чувства, которыя противодѣйствуютъ вліяніямъ, ведущимъ къ распаденію семьи, а что такія вліянія проявляютъ свое дѣйствіе извѣстно каждому; напомню хотя бы о, часто горькой долѣ, стариковъ въ собственной семьѣ. Чувствомъ, которое подлежало бы укрѣпленію со стороны школы, слѣдуетъ признать уваженіе къ старшимъ, которое находило бы себѣ въ русской семьѣ завершеніе въ благоговеніи передъ цѣнностію родительскаго благословенія. Семейная связь въ христіанскомъ народномъ пониманіи не порывается и смертію, и общеніе съ отошедшими въ иной міръ въ молитвѣ—одна изъ глубокихъ сторонъ народной вѣры. Объ этихъ существенныхъ и глубокихъ сторонахъ русской семейной жизни книга молчитъ.

Далѣе: Авторы въ замѣчаніяхъ «для учащихъ» говорятъ, какъ было упомянуто, что они имѣютъ въ виду изобразить отношенія человѣка къ «обществу». Объ отношеніяхъ къ какому-либо организованному обществу нѣтъ, однако, рѣчи въ книгѣ. Статьи въ ней касаются лишь отношеній къ отдѣльнымъ личностямъ. Имѣется одинъ лишь разсказъ безъ особаго нравственнаго значенія о догадливомъ судьѣ. Это слѣдуетъ признать недопустимомъ пробѣломъ. Нѣтъ рѣчи въ книгѣ прежде всего о крестьянскомъ обществѣ, къ которому принадлежатъ, за рѣдкими исключеніями, воспитанники сельскихъ школъ. Между тѣмъ первостепенное жизненное значеніе имѣло бы возбужденіе и укрѣпленіе сознанія долга по отношенію къ общественнымъ обязанностямъ, возлагаемымъ на крестьянъ участіемъ ихъ

какъ въ своемъ сельскомъ самоуправленіи, судѣ и управленіи, такъ и въ общегражданскихъ учрежденіяхъ.

Затѣмъ отсутствуетъ самое понятіе о долгѣ по отношенію къ отечеству. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ придется говорить о томъ, какой смыслъ придается во второй части книги понятію о родинѣ, могу поэтому пока здѣсь объ этомъ не распространяться. Замѣчу лишь, что такого примѣра нельзя встрѣтить въ школѣ какого либо другого государства. Русская школа грозитъ въ этомъ отношеніи стать, вѣроятно, единственнымъ исключеніемъ, которое иначе какъ уродливымъ назвать будетъ нельзя. Предоставляя себѣ, какъ я уже сказалъ, говорить еще въ другомъ мѣстѣ по этому предмету, считаю необходимымъ, однако, отмѣтить здѣсь, что если о долгѣ, по отношенію къ отечеству, въ книгѣ не говорится, то къ подрыву самаго элементарнаго изъ возлагаемыхъ этимъ долгомъ обязанностей—вооруженной защиты отечества въ первой части имѣется сгруппированный рядъ статей, а именно статьи. „Во время перемирія“ (стр. 86), „На полѣ сраженія“, „Сестра милосердія“, „Черный день пахаря“. Въ первой изъ нихъ изображаются проявленія чувствъ дружелюбія между русскими солдатами и французами въ Севастополѣ, прерываемыя начальствомъ, во 2-й безсмысленный процессъ и ужасъ убійства во время сраженія, въ 3-й скорбь умиранія на войнѣ (смыслъ этой статьи подчеркивается еще въ отдѣлѣ «вопросы» стр. 316), въ 4-й ужасъ рекрутчины. Никакого объясненія того долга, который вызываютъ эти жертвы, изложенныя не безъ преувеличенія, не дается. Стоитъ лишь вспомнить въ какомъ духѣ воспитываются наши сосѣди на Западѣ и на Востокѣ, какъ за послѣднее время стараются поднять воинственный духъ въ школахъ даже такой страны, какъ Англія, чтобы отдать себѣ отчетъ въ безуміи такой постановки дѣла въ русской школѣ. Земская школа—школа государственная,

которая и содержится на обязательные платежи населенія, взыскиваемые при содѣйствіи государства. Странное зрѣлище видѣть государственную школу, подготовляющую гибель своего государства.

Наконецъ, нѣтъ въ нравственномъ ученіи, содержащемся въ 1-й части книги, никакого упоминанія о высшемъ видѣ человѣческаго общества: религіозномъ. Этимъ, конечно, опредѣляется полная отрѣшенность книги отъ положительныхъ сторонъ русской жизни и ея безсиліе принести послѣдней пользу.

Я перечислилъ тѣ пробѣлы, которые мною усмотрѣны въ 1-й части книги. Перехожу къ характеру нравственнаго ученія, которое въ немъ проводится.

Изъ приведенныхъ выше эпиграфовъ, которые, какъ выражаются авторы, призваны служить стержнями каждаго изъ отдѣловъ 1-й части книги, виденъ кругъ и направленіе нравственныхъ интересовъ, нашедшихъ въ ней выраженіе. Эпиграфы эти говорятъ о жизни людей бодрыхъ въ трудѣ и благожелательныхъ другъ къ другу. Настроеніе, которое въ нихъ проводится, отличается ясностію, но при этомъ, какъ слѣдуетъ признать, и крайнею нетребовательностію. Требованія нравственности, нашедшей себѣ выраженіе въ книгѣ, сводятся почти только къ трезвымъ началамъ обыденной житейской мудрости басней Крылова, которыми авторы обильно и пользуются. Исключеніемъ является все то, что касается науки; въ этомъ случаѣ авторы доходятъ до значительной степени одушевленія. Предоставляю себѣ говорить объ этой сторонѣ при разборѣ второй части книги. Отмѣчу лишь другое исключеніе въ статьяхъ, касающихся материнской любви, о чемъ было говорено выше. Ясность настроенія нарушается кромѣ того въ тѣхъ статьяхъ, о которыхъ я говорилъ, а именно въ тѣхъ, которыя имѣютъ

отношеніе къ воинской повинности. Это нужно было, конечно, по самой цѣли статей.

Каковъ уровень нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ авторами къ человѣку, видно изъ отдѣла, который по ихъ мысли, посвященъ отношеніямъ человѣка къ себѣ самому. Отдѣлъ эпиграфомъ имѣетъ пословицу: «всякъ своему счастью кузнецъ». Мнѣ трудно, конечно, привести здѣсь все, что въ немъ помѣщено. Для характеристики его возьмемъ помѣщенныя въ концѣ статей пословицы. Привожу ихъ всѣ (за исключеніемъ оговоренныхъ ниже): «Горе горюй, а руками воюй». И крута гора, да забывчива, и лиха бѣда да сбывчива. Горе да бѣда, съ кѣмъ не была. Бѣлый свѣтъ не клиномъ сошелся. Не тужи: перемелется, все мука будетъ. Гдѣ горе, тамъ и радость. Послѣ ненастья ведро. Все идетъ въ свой чередъ. Не все ненастье, проглянетъ и красное солнышко. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Послѣ грязи—ведро, послѣ горя—радость. Бояться несчастья—счастья не видать. Дождикъ вымочитъ, а красное солнышко высушитъ».

Вотъ рядъ пословицъ, которыя объединяются общею мыслію и общимъ настроеніемъ, равно какъ и соотвѣтствующія имъ статьи. Призывъ къ бодрости, который въ нихъ слышится, весьма, конечно, полезенъ, но довольно мало имѣетъ отношенія къ нравственности. Въ серьезныхъ случаяхъ (какъ напр. смерть) онъ останется безсиленъ. Для христіанина ближе были бы слова поэта: чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды; чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ...

Вслѣдъ за приведенными пословицами идутъ пословицы, касающіяся пьянства, противъ которыхъ я не имѣю ничего возразить. Возраженіе мое въ этомъ случаѣ касается того, что соотвѣтствующихъ статей несоразмѣрно мало (двѣ) сравнительно со значеніемъ этого порока въ народной жизни. Теперь на очереди вопросъ о борьбѣ даже съ дѣтскимъ

алкоголизмомъ. Страшныя цифры обнародованы анкетой въ школахъ Московской губерніи, а невѣроятное повышеніе дѣтской и юношеской преступности въ связи съ алкоголизмомъ является бичомъ всего западно-европейскаго цивилизованнаго міра.

Слѣдуютъ пословицы, касающіяся двухъ пороковъ, противъ которыхъ христіанство ведетъ свою смертельную борьбу,—гордости и лжи. Вотъ какъ они представлены въ приведенныхъ авторами пословицахъ: «Сама поетъ, сама слушаетъ и сама хвалитъ. Въ хвасти нѣтъ сласти. Спесь не умъ, чванство не умъ, а недомысліе. Спесивый высоко мостится, да низко ложится. Не съ вѣтру говорится, что лгать не годится».

Нельзя не признать, что эти два смертельные грѣха человѣчества представлены какъ въ пословицахъ, такъ и въ соотвѣтствующихъ имъ статьяхъ съ одной поверхностной, смѣшной стороны. При нѣкоторой долѣ сдержанности и лицемѣрія или даже при усиленіи степени порока они никакого смѣха не возбуждаютъ, а могутъ на многихъ производить внушительное и даже подавляющее впечатлѣніе. Не говорю о гордецахъ, заливавшихъ кровью міръ или возмущавшихъ умы милліоновъ, но даже Павелъ Ивановичъ Чичиковъ производилъ на окружавшихъ его самое благопріятное впечатлѣніе своею солидностію. Въ крестьянской средѣ дерзость и ложь могутъ быть вовсе не смѣшными явленіями, а источниками великихъ несчастій въ семейной и общественной жизни.

Послѣднія двѣ пословицы: «Всякъ по своему живетъ, — у всякаго своя повадка, что кому сладко»,—можетъ быть, и имѣютъ, по мысли авторовъ, какое либо особое отношеніе къ вопросу о нравственности, но я его не уловилъ.

Опредѣленный смыслъ имѣетъ, однако, пословица, которая помѣщена не въ ряду съ приведенными выше, а въ концѣ всей части книги, посвященной этому вопросу. Сви-

таю полезнымъ присоединить ее, какъ завершительное слово авторовъ. Пословица эта: «послужи на меня, а я на тебя» — ясно вскрываетъ утилитарную, а не христіанскую точку зрѣнія на нравственность разбираемой книги.

Помѣщенныя въ отдѣлѣ, изъ котораго приведены пословицы, статьи и стихотворенія вращаются въ кругу невысокихъ требованій житейской мудрости пословицъ.

Можно ли признать, что въ нихъ дается сколько нибудь достаточный отвѣтъ на нравственные запросы человѣческаго духа? Я не нашелъ въ отдѣлѣ ни разу приведеннымъ слово: совѣсть. Несомнѣнно, что проводимая авторами мораль неизмѣримо ниже того уровня, на которомъ держится нравственное міровоззрѣніе русскаго народа, насколько оно отразило воспринятую послѣднимъ христіанскую истину.

Въ дѣйствительности, можетъ ли облегченная, пониженная нравственность книги дать рѣшимость на борьбу со страстями, гнѣздящимися въ сердцѣ человѣка или силу на преодолѣніе его слабостей? Достоинъ ли человѣка вообще и великаго христіанскаго русскаго народа въ частности идеалъ мелкой внѣшней порядочности, приводимой въ книгѣ?

Не таково нравственное пониманіе русскаго народа. Онъ сознаетъ трагическое положеніе человѣка между великой силою грѣха, влекущею его къ гибели, и нравственнымъ идеаломъ святости. Онъ знаетъ, что ради его спасенія пролита Божественная кровь, и знаетъ поэтому, гдѣ искать помощи въ жестокой, непрестанной внутренней борьбѣ. Никакой пониженной нравственности при этомъ пониманіи мѣста найти нельзя. Такая нравственность будетъ для человѣка мелкимъ самообманомъ, недостойнымъ его и для него безполезнымъ.

Чтобы оказать вполнѣ справедливость разбираемой книгѣ возьмемъ стихотвореніе Плещеева, которымъ закан-

чивается вся 1-я часть книги: «Всѣ люди братья». Названное стихотвореніе завершаетъ заключенное въ этой части книги ученіе о нравственности и по серьезности тона превосходитъ общій уровень помѣщенныхъ въ ней статей.

Самая задача стихотворенія, съ точки зрѣнія христіанина, вполнѣ достойна, чтобы служить завершеніемъ ученія о человѣческой нравственности внѣ непосредственныхъ религіозныхъ цѣлей. Можно признать благимъ порывъ поэта, но обосновать свою мысль ему не удалось, такъ какъ онъ не имѣлъ подъ собою сознательной христіанской почвы.

„О, какъ бы онъ счастливъ былъ, свѣтъ этотъ старый
Да люди другъ друга понять не хотятъ!
Къ сосѣду сосѣдъ не придетъ и не скажетъ:
Вѣдь люди всѣ братья,—дай руку мнѣ, братъ!
Зачѣмъ мы разладъ и вражду не покинемъ,
Зачѣмъ не составимъ одну мы семью?
Одинъ бы другому сказать могъ съ любовью:
Приди! мы всѣ братья, дай руку свою.
Тебѣ ненавистны измѣна и подлость,
Но правды законъ тебѣ дорогъ и святъ;
Я тоже любовью къ добру пламенѣю,
Приди, мы всѣ братья, дай руку мнѣ, братъ!
Ни сильный, ни слабый тобой не обманутъ,
За слово свое, какъ и ты, я стою,
Не то же ль, что я, называешь ты счастьемъ?
Мы братья съ тобою,—дай руку свою.
Ты матерью нѣжно, глубоко любимъ былъ,
Моя и жила, и дышала лишь мной.
Пускай мы стоимъ на различныхъ ступеняхъ,
Но руку подай мнѣ мы братья съ тобой!
Мы любимъ вечерняго солнца сіянье;
Всего намъ дороже родимый нашъ край,—
И жизнь для борьбы послана намъ обоимъ;

Мы братья, такъ братски мнѣ руку подай!
Грозитъ ужъ обоимъ намъ хилая старость,
И смерть неизбѣжная ждетъ насъ за ней;
И оба мы въ темную ляжемъ могилу.
Да! люди всѣ братья... Дай руку скорѣй!

Свой призывъ поэтъ обосновываетъ на двухъ началахъ: на общемъ стремленіи людей къ добру и счастью. Что такое, однако, добро и что такое счастье, стихотвореніе не только не выясняетъ, но вызываетъ даже по отношенію къ нимъ противоположныя желанію поэта представленія. Добро поэтъ видитъ въ двухъ отрицательныхъ условіяхъ: въ одинаковой ненависти предполагаемыхъ братьевъ къ измѣнѣ и подлости и въ вѣрности ихъ своему слову. Члены итальянской каморры, ненавидящіе доносчиковъ изъ своей среды и Иродъ, исполнившій свою клятву Иродіадѣ, подошли бы подъ эти условія братства. Относительно счастья можно сказать, что поэтъ, перечисливъ нѣкоторыя отдѣльныя дѣйствительныя его проявленія, совершенно разрушаетъ самъ это обоснованіе своими заключительными стихами, въ которыхъ, какъ о послѣднемъ условіи братства людей говорится:

„Грозитъ ужъ обоимъ намъ хилая старость,
И смерть неизбѣжная ждетъ насъ за ней;
И оба мы въ темную ляжемъ могилу.
Да люди всѣ братья...

Несомнѣнно болѣе достойное и серьезное отношеніе къ вопросу о нравственности въ этомъ стихотвореніи свидѣтельствуетъ, однако, о безсиліи дать всему вопросу сколько нибудь достаточное обоснованіе. Для христіанина братство людей вполнѣ естественное послѣдствіе ихъ общаго сыновства по отношенію къ неизреченно возлюбившему ихъ Творцу и Небесному Отцу; и добро, и вѣчное блаженство, а не только счастіе, заключаются въ живомъ общеніи съ нимъ. Если авторы для характеристики своего

пониманія братства людей высшей точки, до которой доходитъ ихъ нравственное ученіе, могли обосновать его съ одной стороны лишь на общей ненависти предполагаемыхъ братьевъ къ одному, произвольно и безъ ясной мысли выхваченному отрицательному явленію, и съ другой на общемъ пониманіи счастья, которое, въ дѣйствительности, гораздо болѣе похоже на несчастье, то противорѣчія этого обоснованія служатъ опроверженіемъ всего ихъ нравственнаго ученія.

Несомнѣнно, что неудача авторовъ вытекаетъ изъ ихъ стремленія отмежеваться отъ высокихъ требованій христіанской нравственности. Вотъ что по этому поводу пишетъ отецъ русской педагогіи Ушинскій: «необходимо также чтобы лица, принимающіяся за воспитаніе, особенно простого народа, были не только хорошіе педагоги, но и истинные христіане по своимъ стремленіямъ и убѣжденіямъ, на сколько убѣжденія человѣка доступны взору другихъ людей. Какъ только мы захотимъ отдѣлить непроходимою гранью преподаваніе Закона Божія отъ преподаванія другихъ предметовъ, то хотя преподаваніе различныхъ предметовъ, и останется, но воспитаніе исчезнетъ. Современная педагогика исключительно выросла на христіанской почвѣ. и для насъ *не христіанская* педагогика есть вещь немыслимая *безголовый урод*ъ и дѣятельность безъ цѣли предпріятіе безъ побужденія позади и безъ результатовъ впереди».

Вторая часть книги, по мысли авторовъ, посвящена сообщенію реальныхъ знаній. Эта часть вдвое обширнѣе первой и, несомнѣнно, занимаетъ первенствующее мѣсто въ интересахъ авторовъ. Въ основныхъ своихъ отдѣлахъ, излагающихъ ученіе о природѣ, она составлена съ любовію и умѣніемъ. Изъ этого ученія, какъ изъ центра, освѣщается проводимое въ книгѣ міровоззрѣніе.

Ученіе о природѣ, изложенное въ книгѣ—цѣнный вкладъ

ъ нашу педагогическую литературу. [1]Это ученіе, однако, по мыслямъ авторовъ, не одинъ изъ предметовъ въ кругѣ школьнаго обученія, а призвано служить самодовлѣющимъ міровоззрѣніемъ для воспитанниковъ, безъ всякой помощи со стороны другихъ источниковъ человѣческаго просвѣщенія. Въ основу его полагается достаточность всеобъемлющаго, будто бы, по своей природѣ человѣческаго знанія, а конечною цѣлью пріобрѣтеннаго знанія, признается исключительно внѣшняя польза.

Въ началѣ книги (стр. 7) помѣщена пословица. Наукой свѣтъ стоитъ, ученіемъ люди живутъ. На стр. 16 стихотвореніе: Солнце и знаніе—заканчивается стихами:

Пусть же въ сердцѣ твоемъ
Все, что изъ книгъ ты узналъ,
Яснымъ засвѣтитъ лучомъ.
Солнышкомъ правды согрѣтъ,[1]
Возненавидишь ты зло:
Знанье приноситъ намъ свѣтъ
Знанье даетъ намъ тепло.

На стр. 18 говорится: «Но не все еще люди узнали изъ того, что есть на свѣтѣ. Когда нибудь о н и в с е у з н а ю т ъ [1]), обо всѣмъ догадаются».

Это въ началѣ книги. Въ концѣ научной ея части (стр. 276 и 277), имѣется такой диѳирамбъ успѣхамъ человѣческой культуры: «первобытный человѣкъ не зналъ, гдѣ ему ночевать, у него не было пристанища; и онъ не повѣрилъ бы тому, что его потомки построятъ огромные города съ двадцатиэтажными домами, съ высокими храмами, башнями и пр., построятъ заводы и фабрики. Онъ не повѣрилъ бы тому, что его правнуки всю землю покроютъ желѣзными дорогами и будутъ ѣздить не только быстрѣе оленя

[1]) Курсивъ мой.

и козъ, но быстрѣй птицы и вѣтра... Первобытный человѣкъ боялся воды и моря, но теперь онъ овладѣлъ моремъ его суда плаваютъ по океану, а вода рѣкъ вертитъ его мельничныя колеса. Человѣкъ сталъ господиномъ надъ водяными парами и т. д...»

«Первобытный человѣкъ не умѣлъ ни читать, ни писать, а теперь люди разгадали многія тайны земли и неба. Человѣкъ поднялся на неизмѣримую [1]) высоту. Конечно, и теперь еще много зла на свѣтѣ: много голоду и холоду, есть войны, есть преступленія, но теперь все же лучше, чѣмъ было прежде, когда существовало людоѣдство, затѣмъ рабство и пытки. Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что жизнь идетъ впередъ. Когда видишь, какъ человѣкъ изъ ничтожества сталъ царемъ земли, ея гордостью и славою, вѣнцомъ и чудомъ природы, мы можемъ смѣло смотрѣть въ будущее. Мы можемъ вѣрить, что наша жизнь станетъ еще лучше. Не даромъ поэтъ говоритъ: «Много въ свѣтѣ силъ великихъ, но сильнѣе человѣка нѣтъ въ природѣ ничего».

Какъ мы видимъ изъ приведенныхъ мѣстъ то, къ чему сводятъ авторы свое изложеніе въ научной части, касается внѣшняго устроенія жизни. Этому внѣшнему устроенію придается рѣшающая цѣнность. Запросы человѣческаго духа изъ круга зрѣнія авторовъ отсутствуютъ.

Мы видѣли, что въ 1-й части книги проводилась нравственность чисто утилитарная. Теперь мы видимъ, что вполнѣ отвѣчаетъ ей и ученіе второй части. Но то, и другое противорѣчитъ евангельскому ученію о томъ, что никакой пользы нѣтъ для человѣка пріобрѣсти весь міръ, а потерять душу свою, и что человѣку нечего дать въ замѣнъ души своей.

Если таковъ взглядъ авторовъ на человѣческую жизнь, то слѣдуетъ предположить, что самъ человѣкъ существо не особенно высокаго сорта, для котораго жить въ двадцатиэтажныхъ домахъ (хотя бы неврастеникомъ, алкоголи-

комъ, сифилитикомъ) есть, дѣйствительно, подъемъ «на неизмѣримую высоту».

Таковъ и есть взглядъ авторовъ на человѣческую природу. На стр. 275 говорится, что предки человѣка были животными; изъ среды послѣднихъ они выдѣлились, когда они стали говорить и когда имъ удалось открыть огонь. До этого: «предки (человѣка) умѣли только либо визжать, либо рычать». Конечно, если въ этомъ видѣть указаніе на происхожденіе человѣка, согласное теоріи Дарвина, какъ то будетъ понято многими, то это вопросъ «вѣры» авторовъ. Это, однако, не вѣра христіанской школы, согласно ученію которой человѣкъ созданъ по Образу и подобію Божію. Это и не наука, потому что наука за 50 лѣтъ, прошедшихъ послѣ трудовъ Дарвина, не могла еще найти данныхъ для подтвержденія гипотезы о происхожденіи человѣка отъ какого либо животнаго. Правда, «Русскія Вѣдомости» чуть ли не каждый мѣсяцъ сообщали съ торжествомъ о томъ, что найдены кости искомаго «звена», но первый ихъ же авторитетъ въ этихъ вопросахъ, предсѣдатель общества естествознанія проф. Анучинъ въ № 1-го января заявилъ, что за 50 лѣтъ отысканы лишь два зуба на нижней челюсти и часть теменной кости какого то животнаго на о. Явѣ, которыя подаютъ надежду на нахожденіе частей желаннаго нашего предка. Всѣ прочія безчисленныя находки оказались несостоятельными.

Значитъ, осторожнѣе повременить еще сообщать воспитанникамъ нашихъ земскихъ школъ эту радостную вѣсть.

Можетъ быть, не слѣдуетъ искать въ словахъ авторовъ указанія на теорію трансформизма по отношенію къ человѣку. Остаются, однако, ихъ слова, что предками человѣка были животныя, которыя «умѣли только либо визжать, либо рычать». Но это опять дѣло личнаго пониманія авторовъ, которое земская школа не призвана навязывать своимъ воспитаникамъ. Бюхнеръ въ свое время заявлялъ, что ду-

ша дикаря отстоитъ дальше отъ души европейскаго ученаго, чѣмъ отъ того, что онъ называлъ душою у высшихъ породъ животныхъ. Такія воззрѣнія въ корнѣ противорѣчатъ христіанству и на практикѣ вели къ защитѣ рабовладѣнія въ Америкѣ и, вѣроятно, такъ же оправдываются теперешнія жестокости европейцевъ въ африканскихъ колоніяхъ.

Пониженный взглядъ авторовъ на природу человѣка стоитъ въ связи съ огромными недостатками общаго міровоззрѣнія, проводимаго въ книгѣ.

Раньше были приведены слова авторовъ, что первобытные люди *стали* говорить, что имъ *удалось* открыть огонь. Въ этихъ словахъ авторы желаютъ передать то, что они выдаютъ и, вѣроятно, считаютъ просто за научные факты. Интересно, однако, выяснить, какой смыслъ заключаютъ въ себѣ слова: *стали* и *удалось*. Простота этихъ словъ прикрываетъ труднѣйшіе вопросы. Постараемся найти имъ объясненіе въ общемъ ученіи авторовъ.

На стр. 145 авторы излагаютъ свое такое наиболѣе общее ученіе о развитіи органическаго міра.

«И дубъ, и береза, и трава, и всякое растеніе вырастаетъ изъ одной клѣтки. Изъ одной клѣтки вырастаетъ и рыба, и птица, и быкъ, и всякое другое животное. Всякое растеніе и всякое животное начинается съ одной клѣтки. Вездѣ зародышъ состоитъ изъ одной клѣтки. Эта клѣтка раздѣляется надвое—и станутъ двѣ дочери-клѣтки каждая изъ нихъ еще надвое, а тамъ еще и еще... и станетъ клѣтокъ цѣлые милліоны.

Когда клѣтка живетъ одиноко, ей приходится одной исполнять всѣ работы: и двитаться, и хватать добычу, и переваривать ее, и сторожить, не грозитъ ли ей какая опасность. Такъ жилъ и Робинзонъ, но трудно приходилось ему. Онъ долженъ былъ одинъ дѣлать всѣ работы: и плотничать, и огородничать, и шить и охотиться, и защи-

щаться отъ враговъ, и доить козъ, и топить печи, и стряпать. Плохо приходится и одной клѣткѣ. Но когда милліоны клѣтокъ живутъ сообща и составляютъ одно большое животное или растеніе, всѣ эти милліоны клѣтокъ подѣлятъ между собою работы. Однѣ клѣтки составятъ крылья и станутъ двигаться, когда птицѣ надо летѣть. Другія клѣтки составятъ глаза и станутъ сторожить. Третьи клѣтки составятъ уши и будутъ слушать. Пятыя составятъ желудокъ и будутъ переваривать пищу и т. д. Каждая клѣтка будетъ работать на всѣхъ. Вѣдь крылья носятъ всю птицу; желудокъ перевариваетъ пищу для всѣхъ клѣтокъ, изъ которыхъ составлена птица. Всякая клѣтка будетъ получать услуги и помощь отъ всѣхъ остальныхъ клѣтокъ. Каждая клѣтка работаетъ на всѣхъ, а всѣ клѣтки вмѣстѣ работаютъ на каждую».

Мы видимъ, что клѣтки дѣйствуютъ согласно изложенію авторовъ, весьма цѣлесообразно. Кажущаяся простота разсказа и въ этомъ случаѣ, въ дѣйствительности, очень загадочна и, несомнѣнно, способна возбудить въ умахъ воспитанниковъ такіе вопросы, на которые ученіе авторовъ лишено возможности дать отвѣтъ. Ученіе это держится на почвѣ и въ ограниченномъ кругу данныхъ науки, по крайней мѣрѣ, въ пониманіи ея авторами. Характеръ такого изложенія вполнѣ пригоденъ для университета, гдѣ слушатели должны знать, чего они ищутъ, обращаясь къ наукѣ, а именно освѣщенія фактовъ, доступныхъ наукѣ въ данную минуту. Для этихъ слушателей открыты всѣ другіе источники для объясненія того, по отношенію къ чему слышится отвѣтъ великаго ученаго: ignoramus et ignorabimus. Они вольны ограничить свои запросы временно или всецѣло тѣмъ, что можетъ дать имъ наука или искать въ искусствѣ, жилософіи и религіи отвѣтовъ на выходящіе изъ области науки вопросы.

Условія начальной школы другія. Она имѣетъ дѣло съ пробудившимися къ сознательной жизни человѣческими умами, которые въ силу достоинства человѣческаго разума въ правѣ требовать, а школа не въ правѣ не давать посильнаго въ данныхъ условіяхъ отвѣта на его всесторонніе и глубокіе запросы. Извѣстно какіе серьезные, основные вопросы ставятъ дѣти. Начальная школа не въ правѣ отмежевать себѣ, на подобіе высшей, одну область научнаго знанія и такимъ образомъ насильственно заглушатъ законные запросы духа, которые въ этой области не умѣщаются, не говоря уже о томъ, чтобы направлять ихъ на ложные или недостаточно освѣщенные пути. Въ данномъ случаѣ наука не въ состояніи отвѣтить на естественный вполнѣ, дѣтскій и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ законный, вопросъ, откуда клѣтки получили первоначально способность производить все то, что приписывается имъ въ книгѣ? Авторы послѣдней вполнѣ правы съ научной точки зрѣнія, когда они объ этомъ умалчиваютъ. Не только они, но и великій ученый и вѣрующій христіанинъ Пастеръ, котораго они прославляютъ за нѣсколько страницъ до разсказа о клѣткахъ, не могъ бы сказать этого, какъ ученый, онъ сказалъ бы, однако, объ этомъ какъ христіанинъ. Наука не въ состояніи, можетъ быть, придти на своихъ путяхъ къ Богу, Творцу міра, но она безсильна объяснить происхожденіе послѣдняго помимо Него. Въ бывшихъ у меня французскихъ учебникахъ лаической морали, устранившихъ ученіе о Христѣ, ученіе о Богѣ въ природѣ все-таки сохранено.

Для задачъ спеціально научныхъ полезно искусственно выдѣлять вопросы съ цѣлью спеціально научной ихъ обработки, въ жизни, однако, такой спеціализаціи не существуетъ. Вотъ слова нашего гласнаго, академика В. И. Вернадскаго: «отдѣленіе научнаго міровоззрѣнія и науки отъ одновременно или ранѣе происходившей дѣятельности че-

ловѣка въ области религіи, философіи, общественной жизни или искусства—невозможно. Всѣ эти проявленія человѣческой жизни тѣсно сплетены между собою и могутъ быть раздѣлены только въ воображеніи.... Только въ абстракціи и въ воображеніи, не отвѣчающемъ дѣйствительности, наука и научное міровоззрѣніе могутъ довлѣть сами себѣ, развиваться помимо участія идей и понятій, разлитыхъ въ духовной средѣ, созданной инымъ путемъ». (Ст. О научномъ міровоззрѣніи).

Начальная народная школа имѣетъ дѣло съ цѣльною человѣческою личностью и призвана посильно удовлетворять всѣ законные духовные запросы послѣдняго. Отмалчиваться, какъ дѣлаютъ авторы разбираемой книги, тамъ, гдѣ наука не даетъ отвѣта, пріемъ ложный. Это есть непониманіе жизненныхъ задачъ христіанской народной школы. Эта школа не призвана быть исключительно научной, а должна давать отвѣтъ въ духѣ христіанскаго просвѣщенія и истины во всѣхъ случаяхъ, когда смыслъ ея преподаванія этого требуетъ.

Слѣдуетъ признать, что весь научный отдѣлъ книги проникнутъ извѣстною теплотою чувства авторовъ. Но это чувство вызвано не однимъ законнымъ уваженіемъ къ наукѣ, оно вызвано иллюзіями авторовъ, въ которыхъ наука, конечно, неповинна. Наука не обѣщаетъ и не въ состояніи дать ни достаточнаго для человѣка міровоззрѣнія, ни той нравственной основы для жизни, которыхъ ищутъ въ ней авторы. О первомъ свидѣтельствуютъ вышеприведенныя слова академика В. И. Вернадскаго. Въ той же статьѣ онъ говоритъ: „научное міросозерцаніе не есть научно истинное представленіе о Вселенной—его мы не имѣемъ“. Въ это міровоззрѣніе входятъ, по его словамъ, только какъ часть отдѣльныя извѣстныя намъ научныя истины, но вообще „опредѣленіе, какія черты научнаго міросозерцанія истинны, нерѣдко трудно и почти безнадежно“.

Что касается того, что на этомъ пути нельзя найти нравственныхъ основъ для жизни людей, это понималъ и человѣкъ съ такимъ minimum'омъ христіанскаго сознанія какъ Л. Толстой. Онъ говоритъ: «нравственность христіанская не можетъ быть основана на языческомъ пониманіи жизни и не можетъ быть выведена ни изъ философіи, ни изъ науки не христіанской; не только не можетъ быть выведена изъ нихъ, но не можетъ быть даже согласована съ ними.

Такъ и понимала это всегда, всякая серьезная и строгая, послѣдовательная философія и наука: „не сходятся наши положенія съ нравственностію, тѣмъ хуже для нея" совершенно правильно и продолжаютъ свои изслѣдованія.

Этическіе трактаты, не основанные на религіи, и даже лаическіе катехизисы пишутся и преподаются, и люди могутъ думать, что человѣчество руководится ими, но это кажется только потому, что люди руководятся въ дѣйствительности не этими трактатами и катехизисами, а религіей, которую они всегда имѣли и имѣютъ; «трактаты-же и катехизисы эти только поддѣлываются подъ то, что само собой вытекаетъ изъ религіи.

Предписанія лаической нравственности, основанныя не на религіозномъ ученіи, совершенно подобны тому, что сдѣлалъ бы человѣкъ, который, не зная музыки, сталъ бы на мѣсто капельмейстера и началъ бы размахивать руками передъ исполняющими привычное дѣло музыкантами. Музыка по инерціи и потому, чему научились музыканты отъ прежнихъ капельмейстеровъ, продолжалась бы еще нѣкоторое время, но, очевидно, что маханіе палочкой не знающаго музыки не только не было бы полезно, но непремѣнно со временемъ спутало бы музыкантовъ и разстроило бы оркестръ. Такая же путаница начинаетъ происходить и въ умахъ людей нашего времени вслѣдствіе попытокъ руко-

водителей преподать людямъ нравственность, основанную не на той высшей религіи, которая начинаетъ усваиваться и отчасти уже усвоена христіанскимъ человѣчествомъ.

Попытки основать нравственность помимо религіи подобны тому, что дѣлаютъ дѣти, которыя, желая пересадить нравящееся имъ растеніе, отрываютъ отъ него не нравящійся имъ и кажущійся имъ лишнимъ корень и безъ корня втыкаютъ растеніе въ землю. Безъ религіозной основы не можетъ быть никакой настоящей, непритворной нравственности, точно такъ же какъ безъ корня не можетъ быть настоящаго растенія».

Все ученіе авторовъ не имѣетъ связи съ христіанскими идеалами русскаго народа и съ русскою жизнію вообще. По требованіямъ школьной программы авторамъ volens nolens приходится, однако, коснуться Россіи въ двухъ отдѣлахъ: въ ея описаніи и исторіи, но характеръ книги выдержанъ и въ этихъ отдѣлахъ.

Отдѣлъ «по родной землѣ» (стр. 186) открывается стихотвореніемъ «на Сѣверъ».

Птицы весной пролетали надъ пальмой,
Пальма въ раздумьи качала главой:
«Чѣмъ привлекаетъ ихъ сѣверъ печальный?
Чѣмъ имъ не нравится югъ золотой?
Блещетъ всегда красотою могучей
Вѣчно цвѣтущій, ликующій югъ...
Южное солнце не прячется въ тучи.
Нѣтъ ни морозовъ, ни гибельныхъ вьюгъ...
Что же влечетъ ихъ?..» А въ небо высоко
Странницъ отважныхъ звучатъ голоса:
«Въ край ненастномъ, суровомъ, далекомъ
Родина наша, родные лѣса!

Припомнимъ полный «птичій» параллелизмъ въ отношеніи авторовъ къ семьѣ. Нельзя ничего возразить противъ того, чтобы упомянуто было о первичной при-

родной основѣ связи человѣка какъ съ семьею, такъ и съ родиною. Но для человѣка этого недостаточно. Мы видѣли, что авторы въ отношеніи семьи опустили коснуться нравственныхъ и религіозныхъ ея связей. То же они дѣлаютъ и по отношенію къ отечеству, къ духовнымъ съ нимъ связямъ. Всѣ тѣ нравственныя цѣнности, которыя созданы вѣковыми трудами и страданіями народа въ области его историческаго духовнаго творчества, оставлены авторами безъ вниманія. Возьмемъ напр. такой центръ исторіи церкви, государства, просвѣщенія и художества, какъ Москва; обо всѣхъ памятникахъ этой исторіи книга молчитъ. Есть одна только статья, посвященная Москвѣ, жизни «на подмосковной фабрикѣ»; о характерѣ этой статьи мнѣ придется сказать дальше.

Общею схемою отдѣла можно признать ту, что книга тѣмъ менѣе посвящаетъ вниманія отдѣльнымъ частямъ Россіи, чѣмъ ближе и значительнѣе было участіе каждой изъ нихъ въ созиданіи русскаго государства и просвѣщенія. При самомъ описаніи опускается все, что имѣетъ какой либо русскій историческій, религіозный, государственный или народный бытовой интересъ (при описаніи Нижняго не упоминается Мининъ, среди статей о Малороссіи нѣтъ статьи о Кіевѣ и его святыняхъ, при значительномъ количествѣ статей о Крымѣ не упоминается о Севастополѣ). Менѣе всего отведено въ отдѣлѣ мѣста Великороссіи, а въ Великороссіи ея историческому средоточію. Не говорю уже о томъ, что такія значительныя для исторіи и быта русскаго народа центры, какъ Троице-Сергіева и Кіево-Печерская лавры, какъ Соловецкій и другіе чтимые и вносящіе въ народную жизнь свое просвѣтительное вліяніе монастыря обойдены молчаніемъ. И тутъ, какъ и въ другихъ отдѣлахъ сказывается у авторовъ полное отсутствіе пониманія христіанскаго русскаго просвѣщенія.

Другое отношеніе замѣтно у авторовъ къ окраинамъ. Если русскій и въ особенности великорусскій народъ не имѣетъ дара привлечь вниманіе и сочувствіе авторовъ, то самоѣды, и кавказскіе горцы, и киргизы объемлются ихъ любовію. Особенною горячностію отличаются ихъ чувства, однако, къ финляндцамъ. Въ рядѣ статей о Финляндіи мы видимъ, даже, что пониманіе нравственной связи съ отечествомъ дѣлается доступнымъ авторамъ; говоримъ, конечно, о преданности, которую, по словамъ ихъ, питаютъ къ Финляндіи финляндцы. Путешественникъ въ одной изъ статей передаетъ слова стараго финляндца.

„Наша страна учитъ насъ труду, выводитъ насъ въ люди. И мы любимъ ее, крѣпко любимъ". Я сказалъ, что мнѣ очень понравилась Финляндія, что я любовался ея лѣсами, озерами. «Ваша Финляндія —настоящая красавица», сказалъ я. Старику, видимо, понравилась моя похвала, и онъ сказалъ дочерямъ, чтобы онѣ спѣли для меня его любимую пѣсню. Свѣжіе, молодые голоса дѣвушекъ затянули пѣсню, старикъ подтягивалъ своимъ дрожащимъ голосомъ. Я записалъ слова этой пѣсни. Вотъ она въ русскомъ переводѣ:

«Всѣ рады мы, финны, свой трудъ отдавать Финляндіи, матери милой: глубь водъ ея мѣрить и пашни пахать, ей быть рукодѣльною силой; и вѣрность и честь на службу ей несть, чтобъ въ мирномъ привольѣ могла она цвѣсть, чтобъ мать не нуждалась, жила безъ скорбей и честно питалась работой дѣтей. Всѣ рады мы, финны, свой трудъ отдавать Финляндіи, матери милой».

Приведемъ при этомъ, какъ описывается трудъ русскихъ людей въ единственной статьѣ, посвященной Москвѣ: «къ фабрикѣ съ трехъ сторонъ стекаются непрерывныя вереницы людей... старики крестятся, молодежь зѣваетъ... лица озабоченныя, сумрачныя... всѣ сумрачны... послѣ краткаго воскреснаго отдыха, спросонокъ, однообразная, опостылѣв-

шая работа кажется еще скучнѣе чѣмъ обыкновенно и т. д.».

Въ концѣ описанія Финляндіи говорится: «Въ деревнѣ я нанялъ телѣжку, и черезъ 1/4 часа сытая лохматая лошадка мчала меня къ городу по гладкой, какъ полъ, дорогѣ. По краямъ дороги бѣжали отъ столба къ столбу проволоки телеграфа, соединяя деревню съ деревней и деревню съ городомъ. Вездѣ были школы, библіотеки, вездѣ были книги, газеты, вездѣ были грамотные люди. Я вспомнилъ наши глухія деревушки и глубоко вздохнулъ. Мнѣ стало грустно, но черезъ минуту мнѣ стало стыдно своей грусти. Скоро-скоро и наша деревня будетъ жить человѣческой жизнью!»

И такъ, по взгляду авторовъ, русская деревня не жила еще человѣческою жизнію.

Вспомнимъ другое пониманіе этой жизни.

Эти бѣдныя селенья!
Эта сѣрая природа!
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной!
Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Что намъ дается въ идеальномъ образѣ у Тютчева, то въ совершенно реальныхъ чертахъ изображается Некрасовымъ во „Власѣ“ и И. Аксаковымъ въ «Всенощной въ деревнѣ». Эти черты христіанскаго духа и христіанскаго, а

поэтому и высшаго человѣческаго просвѣщенія для авторовъ книги не существуютъ.

Кончается книга историческимъ отдѣломъ. Этотъ отдѣлъ занимаетъ въ книгѣ незначительное по объему и по смыслу своему мѣсто. Его слабость зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что онъ не находится въ органической связи съ общимъ содержаніемъ книги. Мы видѣли, что, какъ ни судить о послѣдней, она имѣетъ достоинство единства руководящей мысли. Эта мысль въ исторической части могла проявить себя лишь отрицательно тѣмъ, что лишила эту часть присущаго ей смысла, не введя въ нее никакого другого содержанія.

Авторы сдѣлали, правда, попытку связать историческій отдѣлъ съ содержаніемъ остальныхъ частей, помѣстивъ въ него введеніе подъ заглавіемъ: о первобытномъ человѣкѣ. Введеніе, состоящее изъ трехъ длинныхъ статей на десяти страницахъ, можно считать гораздо скорѣе заключеніемъ научнаго отдѣла книги, чѣмъ частью историческаго. Связи между введеніемъ и главною частію отдѣла по смыслу нѣтъ. Въ введеніи господствуетъ естественно историческая точка зрѣнія на человѣка, вполнѣ отвѣчающая остальному содержанію книги; въ главной части эта точка зрѣнія, конечно, непримѣнима. Не установлено и отношенія между русскими славянами и тѣмъ первобытнымъ человѣкомъ, который предположительно жилъ на той же территоріи и о которомъ говорится въ введеніи. Послѣднее, впрочемъ, имѣетъ гораздо болѣе въ виду представить всемірный ходъ развитія человѣчества, чѣмъ освѣтить спеціально происхожденіе русской славянской культуры. Собственно историческій отдѣлъ начинается поэтому внѣ связи съ введеніемъ въ него.

Относительно самаго отдѣла должно отмѣтить его безсистемность. Руководящая мысль въ немъ затерялась и сказалась лишь въ отрицательномъ видѣ. Прежде и важнѣе всего требуетъ вниманія то, что въ статьяхъ отдѣла

не выясняется общечеловѣческое христіанское, проникающее русскую исторію начало, вслѣдствіе чего она лишается своего высшаго смысла и свѣта.

Въ разсказахъ о первобытномъ человѣкѣ авторами дается нѣкоторая общая подпочва для исторіи всего человѣчества. Но вліяніе этой подпочвы, вліяніе доисторическое; она даетъ лишь самую первичную, сравнительно бѣдную по смыслу связь единства первоначальныхъ человѣческихъ потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія. Интересный предметъ для науки, она въ исторіи и въ современной народной жизни сказывается уже неясно, не ею опредѣляется главное ихъ содержаніе. Въ книгѣ Вахтеровыхъ разсказывается объ опытѣ надъ ростомъ дерева; при помощи этого опыта было выяснено, что на четыре пуда вѣса дерева только нѣсколько золотниковъ было получено отъ земли; дерево выросло главнымъ образомъ подъ воздѣйствіемъ и при помощи солнца, воды и воздуха.

Подобно дереву человѣческое общество нуждается не только въ питательныхъ элементахъ изъ своей подпочвы. Еще болѣе, чѣмъ нужны дереву солнце, вода и воздухъ, ему необходима по высотѣ своей природы помощь разныхъ, въ особенности, духовныхъ началъ жизни. Относительно исторіи и просвѣщенія русскаго народа можно, во всякомъ случаѣ, сказать, что значительно меньшая часть ихъ сложилась изъ мѣстныхъ природныхъ и этнографическихъ элементовъ. Воспринявъ христіанство, русскій народъ воспринялъ общечеловѣческое міровое начало просвѣщенія. Обходя его, авторы разбираемой книги потеряли пониманіе и всего духовнаго содержанія русской народной жизни.

Въ разсказахъ изъ русской исторіи трудно усмотрѣть ясный планъ. Въ одномъ, однако, видна у нихъ послѣдовательность, а именно въ стараніи устранить то, въ чемъ проявлялась связь съ христіанскою православною вѣрою. Въ поученіи Владиміра Мономаха исключа-

ются напр. всѣ религіозныя черты. Авторы говорятъ, что изъ поученія мы знаемъ, какъ самъ Владиміръ смотрѣлъ на жизнь; при ихъ передачѣ воспитанники, конечно, этого не узнаютъ. Въ жизнеописаніи Александра Невскаго опущенъ также религіозный элементъ. Не говорится о значеніи въ дѣлѣ объединенія Россіи Московскихъ Святителей Петра, Алексія, Іоны. Не говорится о духовномъ и государственномъ дѣлѣ преп. Сергія и его учениковъ. Пять статей имѣютъ предметомъ царствованіе Іоанна IV. Благодаря Іоанну, есть въ числѣ ихъ и разсказъ о митрополитѣ Филиппѣ, но затѣмъ уже не говорится о патріотической дѣятельности и мученической кончинѣ патріарха Гермогена.

Такимъ образомъ и послѣдній историческій отдѣлъ въ этомъ отношеніи поддерживаетъ общій характеръ книги.

Заключаю свой разборъ словами Ушинскаго: «древняя православная религія съ ея всемірно-историческимъ значеніемъ, религія, превратившаяся въ плоть и кровь народа, вотъ что должно проявиться въ народности русскаго воспитанія, если оно хочетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ выраженіемъ народной жизни, а не насильственнымъ, чуждымъ народности подражаніемъ: не растеніемъ безъ корня, которое, безпрестанно увядая, безпрестанно должно искусственно подновляться и вновь пересаживаться съ чуждой почвы, пока наша вновь его испортитъ». Продолжаемъ словами того же великаго педагога: «знаемъ, что для многихъ наша народная религія, какъ необходимый элементъ воспитанія, кажется требованіемъ излишнимъ и стѣснительнымъ; но тѣмъ не менѣе, считая святою обязанностію каждаго въ такомъ великомъ дѣлѣ, каково народное воспитаніе, выражать свои глубочайшія убѣжденія, мы скажемъ, что уже по одной народности этой религіи не только всякій воспитатель юныхъ поколѣній, но даже всякій, кто не хочетъ показать, что онъ не любитъ и не уважаетъ своего народа,

долженъ, если, уже не съ любовью, то по крайней мѣрѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ прикасаться къ тѣмъ его убѣжденіямъ, которыя для него такъ святы и дороги и съ которыми неразрывно срослось все, что есть лучшаго въ его природѣ. Если, воспитывая дитя, мы должны съ уваженіемъ приближаться къ душѣ его, то во сколько разъ должно быть больше это уваженіе къ душѣ народа, когда мы принимаемся за дѣло его воспитанія.

Напрасно мы хотимъ выдумать воспитаніе: воспитаніе существуетъ въ русскомъ народѣ столько же вѣковъ, сколько существуетъ самъ народъ —съ нимъ родилось, съ нимъ выросло, отразило въ себѣ всю его исторію, всѣ его лучшія и худшія качества. Это почва, изъ которой выростали новыя поколѣнія Россіи, смѣняя одно другое. Ее можно удобрить, улучшить, приноровившись къ ней же самой, къ ея требованіямъ, силамъ, недостаткамъ; но пересоздать ее невозможно. И слава Богу! Какой странный хаосъ, какія враждующія противорѣчія, какія нелѣпицы, кажущіяся намъ разумными сегодня и крайне глупыми завтра, появились бы въ воспитаніи русскаго народа, если бы оно было послушнымъ воскомъ въ нашихъ рукахъ. Всякая цѣльность въ народѣ исчезла бы навсегда, и та его долговѣчность, въ которой жизнь отдѣльнаго человѣка является минутою, а жизнь цѣлаго поколѣнія однимъ днемъ, имѣющимъ свои мимолетныя слабости, прихоти и увлеченія, была бы навсегда разрушена. Мы безумно подкопали бы корень вѣкового растенія и разсыпались бы потомъ сами, какъ разсыпаются листья съ изсохшаго дерева. Нѣтъ, позаботимся о томъ, чтобы дерево росло лучше, но не дерзнемъ коснуться его вѣковыхъ корней».

„Міръ въ разсказахъ для дѣтей."

Книга для класнаго чтенія въ начальныхъ училищахъ,

III и IV годъ обученія

В. и Э. Вахтеровы.

Въ нашихъ начальныхъ школахъ много обращается книгъ для чтенія, въ педагогическомъ отношеніи откровенно разбойничьяго, такъ сказать, типа. Таковы, напримѣръ, творенія г.г. Рубакина, Душечкина, Городецкаго и многихъ другихъ. Нагло и откровенно стремясь вытравить изъ дѣтской души вѣру, монархическія чувства и національную гордость, и замѣнить все это озлобленнымъ анархическимъ „пролетарскимъ" міросозерцаніемъ, учебники этого сорта изукрашаютъ свои страницы полукощунственными разсказцами г.г. Короленки, Горькаго и Толстого, антимилитаристскими повѣствованіями Гаршина, параллелями между обжирающимся помѣщикомъ Пѣтухомъ и жестокимъ и скупымъ епископомъ Гаттономъ съ одной стороны и изнемогающимъ въ трудахъ крестьяниномъ или фабричнымъ—съ другой, и прочимъ ярко „освободительнымъ" содержаніемъ.

Книга Вахтеровыхъ не принадлежитъ къ числу подобныхъ простодушно-наглыхъ „товарищескихъ" произведеній. Она гораздо умнѣе ихъ. Г.г. Вахтеровы гнушаются прямолинейныхъ методовъ борбы г.г. «товарищей». Они не нападаютъ ни на вѣру, ни на монархическое чувство, ни

на чувство національной гордости и стремяться только лишь къ одному: развить въ своемъ маленькомъ читателѣ «научное», «естественноисторическое» міросозерцаніе, вполнѣ справедливо разсуждая, что сіе „научное“ міросозерцаніе, уложенное въ душу полуобразованнаго человѣка, не вѣдающаго какъ узки и тѣсны предѣлы науки, автоматически даетъ именно то, чего съ такимъ шумомъ и скандаломъ добиваются учебники «товарищескія». Словомъ, по сравненію съ учебниками г.г. Рубакиныхъ, Душечкиныхъ и иныхъ подобныхъ, учебникъ г.г. Вахтеровыхъ—ка-дэкскій. И, какъ таковой, сей учебникъ естественно столь же легко обошелъ учебники «пролетарскіе», какъ на политической аренѣ г.г. ка-дэки легко обошли своихъ простодушныхъ друзей слѣва. Въ то время какъ учебники Рубакиныхъ, Душечкиныхъ и Городецкихъ выдерживаютъ 3—5 изданій, а порой даже подвергаются «изъятію» (кажется это случилось съ наиболѣе наглымъ изъ нихъ — Рубакинскимъ) мудрый и прозорливый учебникъ г.г. Вахтеровыхъ благополучно выдержалъ уже 19 изданіе, а обложка его украшена не только шаблоннымъ: „Ученымъ Комит. Мин. Народн. Просв. допущена къ классному чтенію въ начальныхъ народныхъ училищахъ“, но и почетнымъ: «Учебнымъ комитетомъ Собств. Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрена въ качествѣ пособія для младшихъ классовъ».

Надо-ли прибавлять, что именно сія мудрость и «умѣренность» произведенія г.г. Вахтеровыхъ, въ сопоставленіи съ тѣмъ, что конечныя ихъ „педагогическія“ цѣли ничѣмъ не разнствуются отъ Рубакинскихъ, и дѣлаютъ этотъ учебникъ однимъ изъ вреднѣйшихъ...

Избравъ „научный“ методъ воздѣйствія на ребенка г.г. Вахтеровы естественно отводятъ громаднѣйшую часть своей книги популярно—научнымъ очеркамъ. Въ книгѣ «третій годъ обученія» распредѣленіе матеріала, напримѣръ, таково:

отрывки изъ русскихъ и иностранныхъ классическихъ и не—классическихъ (по преимуществу г.г. Короленко, Бальмонтъ, Гавриловъ и др.) писателей—126 страницъ, популярно—научные очерки—151 страница, историческіе разсказы 36 страницъ. Въ книгѣ «четвертый годъ обученія»: литературные образцы 130 страница, популярно научные очерки 210 страницъ, историческіе—40 стр.

Эти популярно-научные очерки представляютъ изъ себя частью обрывки, частью даже болѣе или менѣе искуственно законченные курсики физіологіи человѣка, животныхъ и растеній, бактеріологіи, гистологіи и морфологіи, космографіи, астрономіи, геологіи, антропологіи и этнографіи, химіи, физики и метеорологіи. Очерки эти составлены довольно интересно, (описаніе опытовъ, рисунки) но имѣютъ одну особенность—всѣ они преслѣдуютъ совершенно опредѣленную цѣль служитъ «развитію» ребенка, но не даютъ ему абсолютно никакихъ практическихъ свѣдѣній. Ребенокъ узнаетъ о томъ, какъ жилъ до-историческій человѣкъ, „предки котораго умѣли только либо визжать, либо рычать“, о сцѣпленіи въ каплѣ воды, о ледникахъ, (авторы почему то особенно много посвятили мѣста этому вопросу: здѣсь и распредѣленіе ледниковъ въ Европѣ въ ледниковый періодъ и теорія «бараньихъ лбовъ» и описаніе измѣненій, которые производило движеніе ледниковъ на поверхности земли) найдетъ обстоятельный чертежъ о циркуляціи углекислоты и кислорода въ отдѣльномъ легочномъ пузырькѣ, освѣдомится что сдѣлается съ голубемъ, если ему вырѣзать большой мозгъ и что, если вырѣзать мозжечекъ, (имѣются даже рисунки голубей, подвергшихся этимъ операціямъ) познакомится съ теоріей лейкоцитовъ и узнаетъ, что «лучезарныя молніи-мысли всецѣло зависятъ отъ большого или меньшаго количества у человѣка красныхъ кровяныхъ тѣлецъ, о сравнительномъ удѣльномъ вѣсѣ серебра, висмута, аллюминія и т. д. Но ни одного

изъ этихъ свѣдѣній къ чему либо полезному въ жизни примѣнить не будетъ въ состояніи.

Изъ почти 400 страницъ, посвященныхъ этимъ популярно-научнымъ очеркамъ въ двухъ книгахъ «Міръ въ разсказахъ для дѣтей» (3-ій и 4-ый годъ обученія) положительно таки можно сказать, что напримѣръ, практическую полезность для крестьянскаго мальчика имѣетъ лишь очеркъ „Нивидимки—земледѣльцы“, гдѣ разсказывается о добываніи нѣкоторыми видами бактерій азота изъ воздуха и попутно указывается, что такія бактеріи живутъ у корней клевера и бобовыхъ растеній и что поэтому посѣвъ этихъ растеній полезенъ для почвы. Всѣ остальные очерки только „разовьютъ“ ребенка.

Какое „равитіе“ дастъ эта невѣроятная мѣшанина изъ цѣлаго ряда кусочковъ наукъ, преподаваніе которыхъ не предусмотрѣно программами начальныхъ школъ, и которыя авторы книги внѣдряютъ въ эти программы, такъ сказать, явочнымъ порядкомъ—можно себѣ представить. Если сплошь да рядомъ, даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, получившіе среднее образованіе юноши, имѣющіе по своему развитію большую возможность оцѣнить сравнительно скромную .роль научныхъ теорій и гипотезъ въ объясненіи всей суммы жизненныхъ явленій (въ особенности въ области духа) усваиваютъ себѣ, на время, подъ ихъ вліяніемъ, нигилистическое міровозрѣніе, то что сказать о вліяніи подобной научной мѣшанины на крестьянскаго мальчика 12—13 лѣтъ, мальчика, отъ котораго авторы книги искусственно отрываютъ такую громадную область жизни духа, какъ религіозную (о вѣрѣ и христіанствѣ въ книгахъ нѣтъ ничего). Авторовъ книги однако видимо не только не озабочиваетъ этотъ вопросъ, но они всѣми мѣрами стремятся усилить отрицательное вліяніе на ученика своихъ научныхъ очерковъ и для этого трактуютъ всѣ научныя теоріи и гипотезы чрезвычайно

догматично—въ качествѣ какихъ то непреложныхъ аксіомъ, которыя де въ своей суммѣ все объясняютъ и во всемъ могутъ руководить человѣка. Для этого, во первыхъ, изъ книги „3-й годъ“ и въ книгѣ „4-й годъ“ предполагается отдѣлъ литературныхъ образцовъ „Ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“ который по правдѣ сказать можно было бы перенести также въ популярно-научные очерки и разсматривать ихъ вступленіе къ нимъ. Въ этомъ отдѣлѣ съ невѣроятнымъ пафосомъ трактуются, какъ какое то откровеніе, изобрѣтатели. Стефенсонъ, Пастеръ, Фультонъ и друг. неизмѣнно величаются „великіе благодѣтели человѣчества“, „безсмертные“. Бруно и Галилей—„мучениками“ и т. д. Вообще науку и ея дѣятелей авторы книги всячески стремятся въ глазахъ дѣтей почти обожествить.

Такъ что смѣло можно сказать, что авторы совершенно сознательно идутъ, перегружая книгу научнымъ матеріаломъ, въ походъ противъ религіознаго міросозерцанія и искусственно стремятся выдать за совершенно равноцѣнныя абсолютныя истины и законъ тяжести, и гипотезу о „визжащихъ и рычащихъ“ предкахъ человѣка.

Не довольствуясь однако симъ «научнымъ» методомъ воздѣйствія на душу ребенка, авторы книги «Міръ въ разсказахъ для дѣтей» пересыпаютъ мѣстами свои научные очерки солью, которая въ значительной мѣрѣ сближаетъ эту книгу съ твореніями г.г. Рубакиныхъ, Душечкиныхъ и Городецкихъ.

Разсказывая, напримѣръ, объ открытіи Архимедомъ удѣльнаго вѣса тѣлъ, поясняется: „царей въ то время часто окружали мошенники и казнокрады“ (4-ой годъ стр. 141).

Помѣщенъ очеркъ о сокахъ растеній, а за нимъ Пушкинскій «Анчаръ», излюбленное стихотвореніе у нашихъ современныхъ составителей учебниковъ—о томъ, какъ царь, цѣной жизни своихъ рабовъ добывалъ ядовитую смолу.

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.
А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

Разсказывается о первобытномъ человѣкѣ и его охотѣ на мамонта и сюда же вкрапляются такіе миленькіе morceau:

„Въ прежнія времена такія находки невѣжественные люди считали костями богатырей и иногда служили по нимъ панихиды. Но теперь, благодаря ученью, мы хорошо знаемъ кому принадлежали эти кости"...

Такими, не особенно таки умѣстными отступленіями, многіе изъ научныхъ очерковъ преизукрашены изрядно.

Что касается историческаго отдѣла то, какъ выше уже упоминалось, онъ настолько въ книгахъ кургузъ, что положительно является подозрѣніе, что и введенъ то онъ въ нее, чтобы въ ученомъ комитетѣ признали «Міръ въ разсказахъ для дѣтей» именно за книгу для чтенія, а не за сквернную энциклопедію естественныхъ наукъ.

При этомъ и подборъ статей въ этомъ отдѣлѣ довольно своеобразный. Изъ 36 страницъ историческаго отдѣла 3-го года обученія, охватывающихъ время до Петра включительно, 17 посвящено Іоанну Грозному и Лжедимитрію при чемъ относительно перваго подобраны такія вещи: „Василій Шибановъ", „народная пѣсня при покореніи Казани (описывается, какъ царь хотѣлъ, ни за что, ни про что казнить пушкарей), «Филиппъ митрополитъ» (надругательство надъ нимъ и убійство его опричниками), Ермакъ, Л. Толстого ...«Строгановы купцы еще сильнѣе разбогатѣли и мало имъ стало той земли на 140 верстъ. Захотѣли они еще больше земли... Къ Успенью пришли къ Строганову

казаки—человѣкъ 600 съ атаманомъ Ермакомъ Тимофеичемъ. Напустилъ ихъ сначала Строгановъ на ближайшихъ татаръ.

Казаки ихъ побили. Потомъ, когда нечего было дѣлать, стали казаки по округу ходить и грабить»... И т. д. Что касается сравнительнаго обилія матеріала о Лжедимитріи, то объясняется это, нужно думать, тѣмъ, что авторамъ книги онъ очень нравится:

„Новый царь выказалъ большой умъ и способности къ государственнымъ дѣламъ и правилъ царствомъ на славу. Онъ отмѣнилъ нѣкоторые стѣснительные законы, старался уничтожить взяточничество и злоупотребленія чиновниковъ, задумывалъ разныя перемѣны на Руси и особенно помышлялъ о распространеніи образованія... Въ народѣ очень полюбили новаго царя..."

Въ книгѣ для 4-го года столь же маленькій исторический отдѣлъ гласитъ главнымъ образомъ о реформахъ Екатерины II и Александра II.

Хотя отдѣлъ литературныхъ образцовъ также невеликъ, но авторы, по мѣрѣ силъ своихъ, все таки постарались оказать нѣкоторое вліяніе на развитіе у ребенка „сознательно" представленія о государствѣ и семьѣ (о царѣ ничего нѣтъ—видно авторы помѣстивъ въ научномъ отдѣлѣ „Анчаръ" и сентенцію, что и царей въ то время часто окружали мошенники и казнокрады, считали этотъ вопросъ исчерпаннымъ). По вопросу о государствѣ вниманіе авторовъ книги привлекъ, главнымъ образомъ, вопросъ о развитіи положенія, что преступленіе—результатъ темноты и невѣжества, и что надо строить не остроги, а школы.

Для сего приведено стихотвореніе В. Гюго „Послѣ посѣщенія тюрьмы":

„Ребенка обучи—дашь міру человѣка
„Среди преступниковъ, сыновъ позорныхъ вѣка,

„Нашелъ я семьдесятъ неграмотныхъ изъ ста.

. . . . . .

Да, школа—вотъ алтарь, какъ Божій храмъ священный.
Тамъ азбуку учи, смыслъ жизни сокровенный
Ребенокъ учится впослѣдствіи понять...

Это стихотвореніе авторы сопровождаютъ выдуманной ими самими русской пословицей: «кто открываетъ школу, тотъ закрываетъ тюрьму»

Слезная, восторженная біографія тюремнаго филантропа доктора Гааза и разсказъ Станюковича «Человѣкъ за бортомъ» подкрѣпляетъ это положеніе. О религіи авторы, какъ уже упоминалось, избѣгаютъ говорить и поэтому ограничиваются тѣмъ, что приводятъ послѣ одного изъ стихотвореній русскую пословицу (тоже, кажется ими выдуманную) «не строй церкви, пристрой сироту».

Впрочемъ, благотворительность вообще, и въ отношеніи тюремныхъ сидѣльцевъ въ особенности, авторами кажется рекомендуется, главнымъ образомъ, только какъ замѣна вѣры, ибо въ своемъ научномъ отдѣлѣ они уже учатъ ребенка:

«Огородникъ истребляетъ маленькіе цвѣты, а природа истребляетъ тѣхъ, кто слабѣе и менѣе приспособленъ къ жизни».

Въ отношеніи семьи достопримѣчателенъ разсказецъ «Какъ мальчикъ ухаживалъ за татоіі» (по Амичису). Маленькій мальчикъ отправляется посѣтить въ госпиталѣ своего отца. Ему по ошибкѣ указываютъ другого больного, страдающаго рожей на лицѣ и мальчикъ начинаетъ, считая его за отца, усердно за нимъ ухаживать. Такъ проходитъ нѣсколько дней. Внезапно мальчика встрѣчаетъ выздоровѣвшій и собирающійся выписываться больной и зоветъ ѣхать домой. Но мальчикъ не хочетъ, ибо онъ уже

привыкъ къ чужому больному, котораго нѣсколько дней считалъ за отца. Выводъ конечно тотъ, что родственныя чувства даже и отца къ сыну—дѣло простой привычки.

Нѣсколько анти-милитаристическихъ разсказчиковъ и довольно большой разсказъ Додэ «Послѣдній урокъ», представляющій горячій протестъ противъ нѣмцевъ-побѣдителей, пытающихся ввести государственный языкъ въ школахъ Эльзаса, дополняетъ морально-государственно-правовое развитіе ребенка. Несомнѣнно, что всего этого мало, чтобы обезпечить полную сознательность школьника въ будущемъ, но авторы видимо надѣются, что эта сравнительная бѣдность прямой популяризаціи ученія о «сознательности» будетъ восполнена тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который вложитъ въ ребенка популярно-научный отдѣлъ.

Въ заключеніе, какъ курьезъ, можно отмѣтить, что авторъ книги «Міръ въ разсказахъ» не прочь при случаѣ довольно строго процензуровать произведенія нашихъ классиковъ, которые они у себя приводятъ. Такъ, напримѣръ, приведено довольно большое стихотвореніе гр. А. Толстого «Богатырь» (о пьянствѣ). Въ серединѣ приведенныхъ 96 стр. стихотворенія пропущено четыре строчки:

«Стучатъ и расходятся чарки
«Питейное дѣло растетъ.
«Жиды богатѣютъ, жирѣютъ
«Бѣднѣетъ, худѣетъ народъ.

А затѣмъ стихотвореніе усѣчено на разсказѣ о выгнанномъ за пьянство повытчикѣ, который . . . «крестьянамъ на сходкѣ читаетъ подложный указъ: лукаво толкуетъ свободу и бочками водку сулитъ; нѣтъ болѣе оброковъ, ни барщинъ; того де законъ не велитъ» и рекомендуетъ крестьянамъ «чтобы лучше спорилось дѣло» взяться за топоры и ножи.

Трудно отгадать, что именно напугало здѣсь авторовъ книги: невольно напрашивающаяся аналогія между этимъ пропойцей-агитаторомъ и современными «товарищами», или послѣдующія строфы:

«За двѣсти милліоновъ Россія
«Жидами на откупъ взята—
«За тридцать серебряныхъ денегъ
«Они же купили Христа.

Такъ-то! Даже и передъ маленькимъ подлогомъ не остановились г.г. Вахтеровы въ своей книгѣ, чтобы обезпечить въ душѣ ребенка торжество «научному естественно историческому миросозерцанію».

Н. Тихменевъ.

„Букварь и первый курсъ внѣшкольнаго образованія“.

Г. Казанцевъ. Изданіе 6-е Москва, 1907 г.

Авторъ въ предисловіи говоритъ такія прекрасныя слова:

«Первый курсъ по внѣшкольному элементарному образованію предназначается для неграмотныхъ и для лицъ, которыя едва только научились читать и писать и могутъ совсѣмъ не знать цифръ... Работать съ такой группой лицъ чрезвычайно трудно, такъ какъ не имѣется подходящихъ учебниковъ и руководствъ».

Противъ этихъ словъ спорить трудно. И сейчасъ же далѣе авторъ переходитъ къ разъясненію значенія чтенія, которое онъ признаетъ однимъ изъ важныхъ элементовъ въ дѣлѣ развитія человѣка.

«Мысли о взаимныхъ отношеніяхъ людей—говоритъ авторъ, — должны возбудить вопросы о человѣкѣ—какъ индивидуумѣ, и какъ членѣ общества. Человѣкъ – какъ индивидуумъ—представляетъ собою организмъ. Рядъ статеекъ на эту тему долженъ дать нѣкоторое представленіе о жизнедѣятельности человѣческаго — организма и объ условіяхъ здоровой дѣятельности. Человѣкъ — какъ членъ общества

прежде всего работникъ. Рядъ статеекъ на послѣднюю тему долженъ дать представленіе, главнымъ образомъ, по исторіи культуры».

И противъ этого спорить нельзя. Взглядъ вполнѣ педагогичный и вполнѣ правильный.

«Объемъ статеекъ — говоритъ далѣе авторъ, умышленно взятъ «минимальный», чтобы у учителя имѣлось достаточно времени на бесѣду, по возникающимъ при чтеніи вопросамъ. Чтеніе только тогда можетъ имѣть образовательное значеніе, когда оно вызываетъ читателя на размышленіе, и когда читателю имѣется возможность лично или при участіи другого (въ данномъ случаѣ—учителя) всесторонне разобраться въ предметахъ статьи... Онъ (учитель) долженъ смотрѣть на статейки, какъ на исходный пунктъ бесѣды; ученикъ же будетъ смотрѣть на эти статейки, какъ на конспектъ бесѣды учителя. Чтобы бесѣда была планомѣрна и продуктивна, учитель долженъ разработать свои бесѣды въ видѣ подробныхъ конспектовъ».

И съ этимъ можно вполнѣ спокойно согласиться. Все это совершенно правильно и вполнѣ согласно съ основами педагогики. Не должно поражать и то, что въ дальнѣйшемъ авторъ рекомендуетъ провѣрку усвоенія статьи, причемъ совѣтуетъ „останавливаться особо на объясненіи того понятія, какое учениками могло быть усвоено превратно, или недостаточно полно". Для этого въ букварѣ, во многихъ статьяхъ, ставится выраженіе: „поговорите съ учителемъ".

Придавая такое большое значеніе сознательному отношенію учениковъ къ чтенію, г. Казанцевъ съ этой же точки зрѣнія смотритъ и на письмо и рѣшительно требуетъ отъ преподавателей необходимости добиваться сознательности въ письменныхъ работахъ перваго курса воскресной школы. Но и въ письмѣ г. Казанцевъ не ограничивается цѣлью пріучить ученика писать правильно орфо-

графически. Занимаясь съ нимъ синтаксическими упражненіями, онъ старается добиться не изученія грамматики, „что недостижимо и нераціонально на этой ступени грамотности", а стремится „заложить нѣкоторый опытъ формулированія мысли".

Равнымъ образомъ и въ области преподаванія ариѳметики г. Казанцевъ старается развить въ своихъ ученикахъ сознательность.

„Для задачъ, говоритъ авторъ—предлагаются статистическія данныя, такъ какъ умѣніе разбираться въ нихъ—одно изъ самыхъ видныхъ отличительныхъ качествъ образованнаго человѣка. Кромѣ того, статистическій матеріалъ самъ по себѣ представляетъ громадный интересъ".

Со всѣми этими взглядами и пріемами г. Казанцева, какъ преподавателя, можно вполнѣ согласиться и, повидимому, въ нихъ нѣтъ ничего вреднаго. Взгляды эти вполнѣ педагогичны и разумны. Но здѣсь невольно обращаетъ на себя вниманіе особенное значеніе, которое авторъ букваря придаетъ развитію дѣтской души въ области сознательности. Само по себѣ сознательное развитіе заслуживаетъ величайшаго уваженія, но важно вмѣстѣ съ тѣмъ и то, какъ и съ какими цѣлями оно проводится. Очевидно, что, гораздо важнѣе для государства имѣть сознательныхъ грамотныхъ гражданъ, т. е. людей мыслящихъ и разсуждающихъ, а не попугаевъ, задолбившихъ нѣсколько словъ, фразъ и положеній. И если-бы г Казанцевъ добивался этой сознательности въ ученикѣ, внѣдряя въ то же время въ его душу и умъ твердыя положенія о любви къ отечеству, о цѣнности народнаго благосостоянія, о достоинствахъ личнаго самосознанія, какъ гражданина Россіи, о важности богатства духовныхъ силъ для каждаго вѣрующаго человѣка, о высокой чистотѣ христіанской религіи и, наконецъ, о великомъ значеніи существующаго самодержавнагостроя для Россіи, то тогда никто не признавалъ бы букварь

г. Казанцева книгой вредной, каковой она является въ томъ ея видѣ, въ какомъ она издана. Но дѣло въ томъ, что г. Казанцевъ составилъ этотъ букварь въ такой степени возмутительно подло, съ такимъ предвзятымъ, мерзкимъ стремленіемъ исказить самыя чистыя, правильныя понятія о святыхъ истинахъ въ душѣ ребенка, что кромѣ вреда этотъ букварь ничего принести не можетъ, и если, пройдя этотъ курсъ, ученикъ г. Казанцева станетъ сознательнымъ гражданиномъ, то несомнѣнно изъ типа тѣхъ, которые ненавидятъ свою родину, завидуютъ всякому чужому благосостоянію и высшей справедливостью признаютъ тѣ положенія, когда они сами превращаются въ эксплоататоровъ, кулаковъ, міроѣдовъ и когда они сами, съ бомбами въ карманѣ, выйдя изъ рядовъ русскаго народа, превращаются во всемірныхъ анархистовъ, для которыхъ существованіе чужой собственности вещь нестерпимая, а проявленіе чужой воли невыносимо.

Правъ я или нѣтъ, видно изъ дальнѣйшаго.

Прежде всего надлежитъ отмѣтить, что г. Казанцевъ на всѣхъ 112 страницахъ своего букваря, ни единымъ словомъ не обмолвливается о Богѣ. Даже слово: «Богъ“, „Божество“, „Божественный Промыселъ“, „Православная вѣра“, „Церковь“, „Священникъ“ и т. д. нигдѣ не упоминаются. Можно подумать, что ученики принадлежатъ къ тому населенію, которое никакой религіи не знаетъ и даже не подозрѣваетъ о ея существованіи. Только въ двухъ мѣстахъ, на стр. 7, мы находимъ слово „попъ“. Въ то-же время, развивая сознательность въ своихъ ученикахъ, г. Казанцевъ считаетъ необходимымъ ознакомить ихъ съ вѣрованіями язычниковъ и весьма подробно описываетъ въ статейкѣ для чтенія, какъ самоѣды молятся своему божку, „маленькому деревянному или глиняному болванчику и передъ охотой мажутъ ему губы саломъ, чтобы онъ послалъ удачу“.

Такъ какъ г. Казанцевъ рекомендуетъ вызывать при чтеніи статеекъ бесѣды, развивающія умъ и душу ученика, то вполнѣ легко понять, какого рода собесѣдованія могутъ вестись между такимъ преподавателемъ и его учениками, если религія вообще будетъ представлена въ каррикатурномъ видѣ, основываясь на вѣрованіяхъ самоѣдовъ—язычниковъ, и при полномъ умалчиваніи о вѣрѣ православнаго русскаго народа. Можно легко себѣ представить, какія бесѣды и сравненія будутъ вызывать со стороны учителя вопросы пытливаго ученика о Единомъ Богѣ, о Господѣ Іисусѣ Христѣ, о храмѣ Божьемъ, объ иконахъ, объ обрядахъ и т. д.

Но пойдемъ далѣе.

Вытравляя совершенно изъ понятія ученика здоровое чувство вѣры въ Божественный промыселъ, г. Казанцевъ съ неменьшей рѣшительностью стремится изгнать изъ его самосознанія и исторически-бытовой взглядъ русскаго человѣка на своихъ исконныхъ государей. О русскихъ царяхъ и государяхъ говорится только въ статейкахъ для чтенія на историческія темы, но говорится такъ, что въ понятіи ученика не можетъ сложиться представленіе объ этихъ верховныхъ хозяевахъ земли русской, какъ о великихъ ея печальникахъ и охранителяхъ. Даже слово „царь“ употребляется только одинъ разъ, на стр. 79, и то только при описаніи, какъ Царь Іоаннъ IV „распоряжался въ своемъ царствѣ“. Вотъ подлинный текстъ этой исторической статейки, предназначенной давать молодому поколѣнію правильное представленіе объ отечественной исторіи и о характерѣ бывшихъ верховныхъ правителей земли русской:

„Іоаннъ IV рѣшилъ совершенно уничтожить бояръ, бывшихъ совѣтниковъ государя, и окончательно убить въ народѣ всякую самостоятельность. Наступило время ужасныхъ казней. Царь окружилъ себя отрядомъ въ 6.000 человѣкъ самыхъ отчаянныхъ разбойниковъ (опричниковъ) и съ ними мучилъ, вѣшалъ, травилъ звѣрями всѣхъ, на кого

дѣлали опричники доносъ. Русскимъ людямъ пришлось терпѣть насиліе, потому что пожаловаться было некому, а самому вступиться за себя—ему не приходило въ голову".

Легко представить, на какія мысли о царскомъ правленіи можетъ навести пытливый умъ ребенка подобное изложеніе фактовъ отечественной исторіи.

Разсказывая такимъ-же языкомъ о Петрѣ Великомъ, котораго кстати сказать, г. Казанцевъ, какъ и Екатерину Великую, нигдѣ не титулуетъ этимъ историческимъ титуломъ, авторъ букваря говоритъ, что при Петрѣ Великомъ „никто въ Россіи и не заботился объ улучшеніи жизни народа". Про царствованіе-же Екатерины Великой г. Казанцевъ говоритъ, что „простому народу и при ней жилось очень плохо. Не даромъ, то въ той, то въ другой сторонѣ поднимался народный бунтъ". Про царствованіе Императора Александра I г. Казанцевъ высказываетъ такія мысли:

„При Александрѣ I русское правительство зорко стало слѣдить, чтобы до народа настоящее образованіе не доходило. Оно учредило строгую цензуру, т. е. поставило такихъ людей, которые не пропускали-бы въ народъ свободныхъ мыслей или свободомыслія. Правительство полагало, что народныя волненія, подобныя тѣмъ, которыя были въ то время за границей и у насъ при Екатеринѣ II, возникаютъ отъ того, что въ народъ проникаетъ вредная мысль".

Царствованіе Императора Николая I, тѣсно связанное съ крымской кампаніей, совершенно замалчивается авторомъ букваря. Разсказывая объ ужасахъ крѣпостной жизни при Императорѣ Александрѣ II, г. Казанцевъ говоритъ слѣдующее:

«Вотъ почему онъ и рѣшилъ освободить крестьянъ отъ власти помѣщиковъ, къ тому-же онъ боялся, что крестьяне рѣшатся силой добиться свободы... Но вскорѣ были введены такіе порядки, что отъ «воли» ничего не осталось».

Освѣщая съ этой точки зрѣнія царскій періодъ русской исторіи, г. Казанцевъ и про княжескій періодъ повѣствуетъ въ строгой послѣдовательности, явно стремясь представить русскую исторію въ совершенно извращенномъ видѣ

По мнѣнію автора: «князья дань собирали и себя не забывали». При Андреѣ Боголюбскомъ «Кіевъ былъ разграбленъ и сожженъ русскими-же, какъ чужеземнымъ непріятелемъ, войсками великаго князя». При Ярославѣ Мудромъ «кровавая месть стала, наконецъ, казаться русскимъ жестокостью, судъ князя произволомъ». Напротивъ того, князь Владиміръ Красное Солнышко «не гнушался и крестьяниномъ—Ильею Муромцемъ и сажалъ его съ собою за столъ». Говоря-же вообще о власти удѣльныхъ князей, г. Казанцевъ, на стр. 69, говоритъ, что въ началѣ Русской исторіи, при первыхъ князьяхъ, «власть князя была ограничена властью народа».

Очевидно, эти времена начала русской исторіи, когда власть князя была ограничена властью народа, г. Казанцевъ признаетъ золотымъ вѣкомъ Россіи.

Ознакомивъ такимъ образомъ своихъ учениковъ «съ правильнымъ» взглядомъ на русскую исторію и на ея дѣятелей, по методу г. Казанцева, учитель долженъ, какъ можно ярче, въ бесѣдахъ съ учениками, подчеркнуть весь вредъ единодержавія и особенно царской власти. Все, что дѣлалось на Руси хорошаго, дѣлалось или само собой, или подъ вліяніемъ народныхъ требованій, въ большинствѣ случаевъ завершавшихся возмущеніями; все-же худое и гормозившее развитіе государства, происходило по иниціативѣ правительства, и, главнымъ образомъ, верховной власти. Не удивительно, что просвѣтившись, при помощи подобныхъ методовъ и подобныхъ освѣщеній совершившихся фактовъ, ученикъ народной школы будетъ презирать свое отечество, ненавидѣть власть и удивляться, чего еще ждетъ

народъ и почему онъ не свергнетъ царей, чтобы самому воцариться.

Не оставляя ни одного вопроса дѣтскаго пытливаго ума безъ отвѣта, г. Казанцевъ, уничтоживъ въ концѣ уваженіе къ отечеству и власти, вполнѣ послѣдовательно стремится насадить и развить въ душахъ своихъ учениковъ самые алчные взгляды на народную собственность, самые нетерпимые взгляды на неравенство состояній, самые острые взгляды на нужду, богатство, привилегіи и т. д. Почти на каждой страницѣ его букваря мы читаемъ такія фразы:

„Плотники брали плату по рублю. Плата оказалась мала: работа тяжела. Просили полтора рубля. Имъ отказали".

Это на стр. 9, для читающихъ еще по складамъ.

„Пусть будемъ мы бѣдны и въ постоянной нуждѣ, но по знанію мы можемъ стать на одну высоту съ лучшими людьми... Послѣдніе будутъ первыми".

Это на стр. 19, тоже для читающихъ по складамъ.

Цитируя пословицы, г. Казанцевъ особенно напираетъ на подобныя:

„Подлые люди вымещиваютъ обиды на слабыхъ".

„Подлые люди всегда за добро платятъ зломъ".

„Безъ лапотника не было-бы и бархатника".

„Кто богатъ, тотъ и правъ".

Рисуя бытъ русскаго крестьянина и его соціальное положеніе, г. Казанцевъ никогда не упускаетъ случая сравнить этотъ бытъ съ условіями жизни заграничныхъ рабочихъ и земледѣльцевъ. Послушать его, такъ за границей всѣ рѣки текутъ медомъ и все населеніе сплошь блаженствуетъ. На стр. 38 ученикъ читаетъ:

„Мясная пища питательнѣе постной. Нашъ крестьянинъ питается почти однимъ хлѣбомъ, да картофелемъ. Рабочій человѣкъ за границей имѣетъ вдоволь мяса и хлѣба".

Очевидно, авторъ совершенно забылъ, или даже совсѣмъ

не знакомъ съ гороховой колбасой нѣмцевъ и съ голодной смертью среди англійскихъ рабочихъ, не говоря уже о вѣчномъ голоданіи итальянскихъ лаццарони.

На стр. 15 ученикъ по складамъ читаетъ:

„Иностранцы почти всѣ грамотны. За границей и крестьяне выписываютъ газеты и журналы".

Зато на стр. 39 для списыванія дана такая фраза: „Наступило обновленіе".

На стр. 44 ученикъ читаетъ слѣдующія слова великой, неопровержимой истины:

„Въ квартирѣ бѣдный человѣкъ проводитъ почти всю свою жизнь. Онъ растетъ въ ней ребенкомъ, взрослымъ работаетъ съ ранняго утра и до поздней ночи, лежитъ дряхлымъ старикомъ".

На стр. 49, въ статейкѣ о возрастахъ, говорится:

„Юноша всѣмъ увлекается: въ немъ кровь „бродитъ", какъ молодое пиво. Юношѣ многое можно простить. Юноша не погибнетъ, если есть кому поддержать его. Взрослый человѣкъ работаетъ, „какъ волъ". Рабочій человѣкъ имѣетъ право на покойную старость".

И сейчасъ-же слѣдомъ, послѣ этихъ высокопоучительныхъ изреченій рекомендуются для списыванія такія невинныя фразы:

„Острые ножи сточились".

„Сосѣдніе помѣщики разорились".

„Теперь топоръ сталъ орудіемъ работника".

Статейку о машинномъ производствѣ г. Казанцевъ съ невиннымъ видомъ заканчиваетъ слѣдующими словами:

„Чѣмъ больше становится станковъ и машинъ, тѣмъ меньше становится работниковъ. Работникъ остается безъ работы. Куда будутъ дѣваться рабочія руки"?

Особенно интересна, въ смыслѣ сопоставленія условій жизни, статейка „Удобства жизни" на стр. 56. Вотъ нѣкоторыя ея фразы:

„Богатый европеецъ можетъ имѣть большія удобства въ жизни. Для обѣда богачъ можетъ выписать изъ-за тысячи верстъ рѣдкую дичь, рыбу, дорогое вино. Въ своемъ домѣ онъ можетъ ежедневно купаться, гулять между благоухающими деревьями... Безъ денегъ мы живемъ хуже дикаря. Бѣднякъ во всемъ подчиненъ богачу. Бѣдняку даже умереть спокойно нельзя гдѣ-нибудь подъ заборомъ".

На стр. 62, для списыванія, рекомендуются такія предложенія:

„Повинности велики у селенія".

И затѣмъ фразы изъ словъ:

„Безземельнымъ жить плохо".

Подчеркивая такимъ образомъ, чуть не на каждой страницѣ букваря, необходимость трудиться, г. Казанцевъ, на стр. 99, вдругъ для диктовки рекомендуетъ такія фразы:

„И мать, и отецъ мнѣ говорили: не будь лакеемъ. Я помню это завѣщаніе. Лакейство возбуждаетъ во мнѣ стыдъ, гнѣвъ и отвращеніе. Позоръ вамъ лакеи!!"

Вдалбливая въ голову ученика неравенство соціальныхъ положеній, г. Казанцевъ, на стр. 111, въ такихъ выраженіяхъ разбираетъ вопросъ о земельныхъ отношеніяхъ и явно наталкиваетъ своихъ учениковъ на усвоеніе вполнѣ соціальной программы этого вопроса, при чемъ, конечно, не считаетъ необходимымъ сообразовываться съ истиной и правдой:

„На первомъ мѣстѣ стоитъ въ Россіи земледѣліе. Земледѣліемъ занимаются крестьяне и крупные землевладѣльцы. На каждый дворъ крестьянина приходится отъ 1 до 25 десятинъ, смотря по мѣстности. Малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ становится годъ отъ году все больше и больше. Справедливость требуетъ, чтобы земля не пріобрѣталась въ частную собственность, а принадлежала-бы всему трудящемуся люду. На каждаго землевладѣльца приходится въ среднемъ около 700 десятинъ".

Слѣдуетъ замѣтить, что защищая въ этой статейкѣ земледѣліе, г. Казанцевъ въ то-же время въ цѣломъ рядѣ предыдущихъ статеекъ, касающихся описанія Россіи, въ отношеніи ея почвы и климата, говоритъ, что въ Россіи земледѣліемъ заниматься самое невыгодное и самое трудное дѣло. Очевидно, у г. Казанцева проводится мысль убѣдить своихъ учениковъ, что они обречены на самую тяжелую жизнь и работу въ будущемъ, на жизнь впроголодь, тогда какъ богачи будутъ нѣжиться въ городахъ и пользоваться всѣми выгодами своихъ условій жизни, созданныхъ исключительно трудомъ рабочаго люда.

Укажемъ еще, что во всемъ букварѣ нѣтъ ни одной статейки или даже фразы, способной поднять геройскій духъ въ молодежи, при ознакомленіи съ историческими примѣрами прошлыхъ нашихъ войнъ, съ условіями современнаго военнаго быта и со святостью того долга, который можетъ выпасть на долю нашей арміи въ будущіе годы. Напротивъ того, если и упоминается что-либо о военномъ дѣлѣ и вообще объ арміи, то исключительно въ самомъ пессимистическомъ и отрицательномъ направленіи. Напримѣръ, рекомендуются для списыванія такія фразы:

«Молодой солдатъ застрѣлился. (стр. 45(

«Солдатъ измученъ». (стр. 52)

«Солдатъ спасся. Какъ?» (стр. 57)

Такъ какъ чтеніе этихъ статей и вообще всѣхъ этихъ фразъ должно вызывать обмѣнъ мнѣній, то, очевидно, если бесѣда коснется военнаго дѣла и русской арміи, представленіе о воинахъ, какъ защитникахъ отечества, составится у учениковъ болѣе чѣмъ извращенное, каждое же слово, относимое къ геройскому прошлому нашей арміи, къ ея славѣ, мужеству и непобѣдимости, будетъ встрѣчено учениками съ нескрываемымъ недовѣріемъ. Рѣчи о любви къ арміи при такомъ воспитаніи, очевидно, и быть не можетъ, и сама мысль о необходимости впослѣдствіи встать въ

ряды арміи не только не можетъ быть пріятна такому подрастающему поколѣнію, но даже прямо нестерпима.

Безъ вѣры въ Бога, безъ любви къ Царю, безъ готовности положить жизнь свою за отечество, будущее Россіи не можетъ быть ни заманчиво, ни утѣшительно.

Кстати, отмѣтимъ еще одинъ фактъ, съ какимъ іезуитствомъ г. Казанцевъ, не говоря вполнѣ точныхъ словъ и прямыхъ выраженіи, не ставя точекъ на «і», въ то-же время весьма ловко разрушаетъ въ дѣтскихъ душахъ всякую даже иллюзію вѣры.

На стр. 86, для чтенія предлагается статейка «Земля» и въ сжатыхъ, краткихъ выраженіяхъ разъясняется, что представляетъ изъ себя наша земля, ея годовое и суточное движеніе, причины и условія образованія временъ года и т. д. Сама по себѣ статейка совершенно невинная. Но надо имѣть въ виду, что она предлагается малограмотнымъ юнцамъ крестьянскаго населенія, у которыхъ, конечно, уже существуютъ кое-какія понятія объ образованіи земли по единому слову Господа Бога, какъ о томъ повѣствуется въ Ветхомъ Завѣтѣ. Г. Казанцевъ съ подобнымъ міровоззрѣніемъ крестьянскихъ дѣтей на мірозданіе согласиться не можетъ, но, не смѣя выступить съ этимъ открыто, не рискуя заявить прямо, что земля по Божьему слову не создавалась, онъ сейчасъ-же послѣ этой статьи задаетъ своимъ ученикамъ подъ видомъ диктовки такой невинный вопросъ:

«Вѣришь-ли ты въ чудо?»

Имѣя въ виду, что всѣ чтенія, всѣ письменныя работы обязательно связаны съ бесѣдой, ради наилучшаго пониманія и вполнѣ сознательнаго отношенія ученика и къ дѣлу ученія, и къ понятіямъ, являющимся предметомъ ученія, для каждаго очевидно, что и этотъ невинный вопросъ, послѣ только что прочитанной статейки объ образованіи земли, внесетъ въ понятіе ребенка смуту и вызоветъ дополнительные вопросы для выясненія сомнѣнія: во что-же, собственно

говоря, по настоящему надо вѣрить: въ чудесное-ли созданіе міра по слову Божьему или вполнѣ естественное математическое объясненіе?

Иллюзія дѣтской вѣры, вѣра въ Божественное всемогущество поколеблена. Если къ этому еще прибавить, что въ началѣ букваря, на стр. 13, нѣсколько разъ совѣтуется ученикамъ «спрашивайте», не стѣсняйтесь», больше откровенности, успѣшнѣе пойдетъ грамота», «всегда говорите, если объясняютъ вамъ непонятно», то вполнѣ ясно, что за вопросами пытливаго ума дѣло не станетъ, а со стороны учителя не будетъ задержки въ объясненіяхъ такихъ истинъ, которыя окончательно вытравятъ изъ дѣтской души всякое представленіе о религіи и вѣрѣ.

Выше мы говорили, что при преподаваніи ариѳметики г. Казанцевъ рекомендуетъ сознательное отношеніе къ дѣлу, т. е., иначе говоря, рекомендуетъ преподавать ариѳметику такимъ образомъ, чтобы въ данномъ случаѣ въ душу ребенка можно было забросить сѣмена невѣрія, неуваженія религіи и властей, презрѣнія своей родины, сознаніе ея ничтожности передъ иностранными государствами. Для чего все это—ясно. Вѣдь отравленный элементъ народной массы самый благопріятный матеріалъ для образованія Панурговыхъ стадъ и пушечнаго мяса, а на спинахъ и на крови этихъ стадныхъ массъ легче всего пробраться и къ власти, и къ деньгамъ.

Для своихъ задачъ г. Казанцевъ пользуется преимущественно статистическимъ матеріаломъ, такъ какъ этотъ матеріалъ, по его-же словамъ, «самъ по себѣ представляетъ громадный интересъ. Но дѣло только въ томъ, что, комбинируя статистическія цифры въ своихъ задачахъ, г. Казанцевъ каждый разъ не упускаетъ случая подчеркнуть, въ видѣ окончательнаго рѣшенія каждой самой простой, невинной задачи, что Россія и бѣднѣе, и невѣжественнѣе прочихъ государствъ, что средства ея, сравнительно со

средствами прочихъ государствъ, гратятся менѣе раціонально, безъ стремленія ослабить нужду народную, а напротивъ того, съ ясно выраженной цѣлью истощить народныя средства на покрытіе такихъ расходовъ, какъ содержаніе арміи, которая окончательно дискредитирована въ глазахъ учениковъ г. Казанцева его попутными объясненіями и бесѣдами, что торговля и промышленность въ Россіи стоитъ на низкой степени, сравнительно съ оборотами иностранныхъ государствъ, и т. д. Равнымъ образомъ, въ задачахъ, неукоснительно проводится мысль о первенствѣ общественнаго положенія и о первенствѣ траты денежныхъ средствъ разными сословіями россійскаго государства. Такъ, на страницѣ 64, приводится интересная задача, сколько денегъ получаетъ и тратитъ въ годъ управляющій желѣзной дорогой, сколько проживаетъ за границей и въ своемъ имѣніи дворянинъ, сколько наживаетъ подрядчикъ на попостройкѣ каждаго дома и т. д. На стр. 67 приводится задача, въ которой указывается, какъ неравномѣрна убыль офицеровъ, сравнительно съ убылью нижнихъ чиновъ во время сраженія, а на стр. 108 приводится невинная задача на время, въ которой ученику даются цифровыя данныя рожденія и кончины Императора Александра II.

Такъ какъ и по поводу задачи г. Казанцевъ рекомендуетъ собесѣдованія съ учениками, то очевидно, упомянувъ о днѣ кончины Государя, «сознательный» учитель воспользуется этимъ случаемъ и попутно разскажетъ ученикамъ, какъ скончался Императоръ Александръ II и чѣмъ была вызвана его мученическая кончина, при этомъ, конечно, не упуститъ случая помянуть добрымъ словомъ всѣхъ цареубійцъ вообще, какъ героевъ, пожертвовавшихъ своею жизнью, «ради всего русскаго народа». Казалось-бы, что для задачи на время можно выбрать совершенно иныя темы, но какъ же г. Казанцеву не воспользоваться возможностью отравить души деревен-

скихъ ребятъ и не закинуть въ нихъ мерзкихъ сѣмянъ, ради кровавыхъ всходовъ будущей революціи!...

Было-бы слишкомъ долго перечислять всѣ задачи букваря, какъ задачи съ преднамѣренной цѣлью составленныя. Можно смѣло утверждать, что изъ каждой задачи ученикъ можетъ вывести самое неблагопріятное мнѣніе о Россіи, въ томъ или иномъ отношеніи. Буквально нѣтъ ни одной отрасли государственной и общественной жизни, которая не служила-бы темой этихъ задачъ, и уже при внимательномъ чтеніи ихъ, мало-мальски смышленный ученикъ не можетъ не усвоить себѣ то, или иное невыгодное представленіе о Россіи. Затронуты всѣ государственные вопросы: и подавляющее количество безграмотныхъ рекрутъ на тысячу, и ничтожное количество добываемаго золота, и ничтожное количество скота, и ничтожное количество почтовыхъ отправленій, и ничтожное количество университетовъ, и т. д. Однимъ словомъ, для каждаго ясно, что Россія такая страна, которой не только нельзя гордиться, но просто на просто должно быть стыдно быть ея гражданиномъ.

Какъ рабочій, русскій человѣкъ, сравнительно съ иностранцемъ —безсловесное животное и нищій; какъ земледѣлецъ—тоже; какъ солдатъ—мученикъ и страстотерпецъ; какъ культурный человѣкъ—невѣжа и дикарь; какъ сынъ своего отечества—потомокъ безсловесныхъ рабовъ, не сумѣвшихъ своевременно отвоевать себѣ свободу и господство...

Прекрасное, свѣтлое будущее открывается для того народа, дѣти котораго пройдуть школу г. Казанцева!... Анархисты, разбойники и развратники—вотъ, въ кого обратятся ученики г. Казанцева.

И подумать только, что это учебное пособіе безпрепятственно продается на всѣхъ книжныхъ рынкахъ и является чуть-ли не настольной книгой каждаго деревенскаго учителя!...

А. О.

„Наша рѣчь".

Хрестоматія для городскихъ 4-классныхъ и сельскихъ 2-классныхъ училищъ и для младшихъ классовъ ср.-уч. заведеній.
Составилъ Я. И. Душечкинъ. Издалъ И. Д. Сытинъ.

Сначала, не касаясь содержанія того, что помѣщено подъ каждой изъ рубрикъ, на которыя раздѣлены книги Душечкина, остановимся на самомъ планѣ изданія. Съ точки зрѣнія національной школы, планъ не выдерживаетъ критики. Въ «противопоставленіи» жизни помѣщиковъ и крестьянъ уже чувствуется стремленіе подчеркнуть сословныя и классовыя различія. Въ выдѣленіи же въ особыя группы городского простонародья и звучащаго въ книгѣ для дѣтей и подростковъ особенно дико слова «пролетаріата», а также и «интеллигенціи» (да еще величаемой передовыми людьми), нельзя не усмотрѣть тенденціи, весьма далекой отъ направленія національнаго.

Не лучше ли было бы дать широкую картину величія русскаго народа въ настоящемъ и прошломъ, выдвигая на первый планъ то, что имѣетъ общенародное значеніе?

Мы видимъ далѣе что въ то время, какъ для инородцевъ и иноземцевъ предусмотрительно отведены въ каждомъ изъ трехъ томовъ особые отдѣлы, русская „обще-

народная жизнь" втиснута въ одинъ отдѣлъ съ „жизнью общечеловѣческой"... Изъ дальнѣйшаго будетъ ясно, что тѣ статьи, которыя относятся къ русской жизни подобраны такъ, что преобладаетъ самое отрицательное освѣщеніе этой жизни.

Если бы мы имѣли русскую національную школу, тогда и по содержанію, и по плану своему подобнаго рода пособія для класснаго чтенія, надо думать, имѣли-бы цѣлью воспитать въ дѣтяхъ представленіе объ единствѣ и величавой мощи русскаго народа. Въ хрестоматіяхъ тогда на первый планъ поставлены были бы статьи и стихотворенія религіозно-нравственнаго содержанія, очерки исторіи Церкви и житій святыхъ, произведенія не только свѣтской, но и духовной словесности; затѣмъ—картины русской исторіи и русской дѣйствительности. Въ историческомъ отдѣлѣ особое вниманіе было бы обращено на подвиги нашихъ князей и царей, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, а также на побѣды, одержанныя въ разное время русскимъ оружіемъ. Въ отдѣлѣ современной жизни народа описывался бы преимущественно сельскохозяйственный бытъ, не только потому, что сельское хозяйство занимаетъ въ общенародной жизни первенствующее положеніе, но и потому, что бытъ этотъ наиболѣе близокъ тѣмъ, для кого подобныя книги предназначаются. Кромѣ того, содержались бы общеполезныя свѣдѣнья изъ области доступныхъ ученикамъ прикладныхъ знаній, напримѣръ ремеслахъ.

Книга для класснаго чтенія задавалась бы цѣлью внушить уваженіе къ Церкви, къ царской власти, къ арміи, къ начальству, къ старшимъ, къ семьѣ, къ русскому языку, къ честному труду. Что касается «городского быта», а равно и «инородческаго», то и тому и другому въ дѣйствительно народной русской школѣ слѣдовало бы удѣлять столь же мало мѣста; какъ и «общечеловѣческой жизни».

Къ величайшему несчастью, у насъ такой школы нѣтъ.

Теперешняя же народная школа погрязла въ массонскихъ идеяхъ, въ которыхъ воспитывается, поколѣніе за поколѣніемъ, наша разноплеменная, насквозь пропитанная іудействомъ интеллигенція.

Если сразу выдѣлить изъ этихъ трехъ книжекъ все то положительное, что въ нихъ заключается, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность заняться затѣмъ исключительно отрицательной ихъ стороной, я сказалъ бы преступной стороной, переходящей подчасъ всѣ границы терпимаго, —то придется ограничиться весьма немногимъ, заслуживающимъ нѣкотораго одобренія. Собственно говоря, можно указать въ этомъ смыслѣ лишь на довольно многочисленные отрывки изъ образцовой прозы Гоголя, Тургенева, въ особенности Аксакова и нѣкоторыхъ другихъ. Но это лишь описательные отрывки, сверкающіе роскошью языка и рисующіе, по большей части, картины русской природы или земледѣльческаго труда. Но наряду съ этими приведены другія мѣста изъ сочиненій тѣхъ же авторовъ. Тутъ все подобрано искусственно, съ нарочитымъ намѣреніемъ произвести впечатлѣніе, будто бы тѣ великіе писатели, которыхъ окургузили, являются единомышленниками маленькихъ людей, учинившихъ, по общеинтеллигентному рецепту школьнаго преслѣдованія, рядъ подлоговъ. Есть нѣсколько стихотвореній, проникнутыхъ религіознымъ и патріотическимъ духомъ: напр., «молитвы» Пушкина и Лермонтова или «Бородино». Но тутъ же рядомъ изложены такія возмутительныя мысли, что становятся очевидными побужденія г. Душечкина кое-что дѣйствительно доброе помѣстить, въ видѣ какъ бы прослойки, просто «для отвода глазъ», дабы труднѣе было обличить его агитаціонные порывы. Надо сказать, что составитель „Нашей Рѣчи“, въ предисловіи, опредѣляетъ свою задачу, какъ сообщеніе ученикамъ пресловутаго „общаго развитія“ для подготовки ихъ къ само-

стоятельному чтенію, и добавляетъ, что онъ всячески избѣгалъ, какой либо „узкой тенденціозности“... (стр. I).

По поводу послѣднихъ словъ, слѣдуетъ замѣтить, что конечно, направленіе направленію рознь и наличность въ книгѣ для школьника направленія національно-патріотическаго не только желательна, но съ культурной государственной точки зрѣнія совершенно необходима.

Дѣйствительно, мальчику, по большей части — деревенскому, „Наши Рѣчи“ говорятъ то про чувашей, то про акулу (по Гончарову), то про гор. Капштадтъ. Кругозоръ его отъ этого, винегрета клочковъ отнюдь не расширится, но напротивъ затемнится. Времени на ученье школьникъ тратитъ не очень много, да оно такъ и нужно, ибо дома его ждетъ иной трудъ—трудъ производительный и имѣющій великое, не только воспитательное, но и образовательное значеніе, ибо сынъ пахаря—а пожалуй, и всякій учащійся—значительно дальше шагнетъ по пути воспріятія полезныхъ знаній, если научится имъ на практикѣ, дома отъ родителей, пахать, боронить или молотить, чѣмъ когда онъ прочтетъ о нихъ въ книжкѣ, да еще на интеллигентномъ жаргонѣ. Поэтому, необходимо ограничиваться наиболѣе существеннымъ. Когда же мальчикъ убѣдится, что его отрываютъ отъ отвѣтственной домашней работы не для серьезнаго дѣла, а для того, чтобы болтать съ нимъ безъ всякаго смысла о томъ и о семъ,—въ немъ разовьется верхоглядство, остынетъ любовь и уваженіе къ знанію и труду.

Поверхностная энциклопедичность, безсистемность и безъидейность нашей школы есть первый шагъ къ развращенію молодежи. И этотъ шагъ, разумѣется, сдѣланъ и въ разбираемомъ пособіи „Наша Рѣчь“.

Такимъ образомъ можно по справедливости обратить въ сторону г. Душечкина всю силу приведеннаго въ его

произведеніи прекрасныхъ поговорокъ: „Знай одно ремесло, да блюди, чтобы хмелемъ не поросло“ и „не учи бездѣлью, а учи рукодѣлью“. (кн. I, стр. 290).

Если бы, однако, „Нашу рѣчь“ можно было упрекнуть лишь въ отсутствіи строгаго плана, въ расплывчатости, въ сообщеніи ученикамъ обрывковъ ничѣмъ не связанныхъ между собой знаній, и при томъ такихъ, которыя никогда не пригодятся имъ въ жизни, это было бы съ полбѣды. Но г. Душечкинъ вмѣстилъ въ „Нашу Рѣчь“ множество матеріала, далеко не невиннаго свойства и не безразличнаго въ нравственномъ и государственномъ отношеніи.

Ниже приводятся выдержки и дѣлаются ссылки, съ цѣлью показать, что пособіе Душечкина серьезно погрѣшило противъ всѣхъ устоевъ здоровой жизни народа: религіозныхъ, нравственныхъ, государственныхъ, семейныхъ и т. д.

I книга.

Стр. 259—пословица: „Не строй церкви—пристрой сироту“.

Стр. 330—„Судъ Божій надъ епископомъ Гаттономъ“. Выборъ характеренъ, ибо вообще въ сборникѣ — изъ Жуковскаго немного.

Стр. 339 — „клянусь четой и нечетой“ „Изъ подр. Корану“ Пушкина: «люби сиротъ и мой Коранъ дрожащей твари проповѣдуй» — совершенно излишне возвеличивать передъ учащимся чужую вѣру.

Стр. 232. „Антипъ Луневъ“ М. Горькаго. Раскольникъ изъ Керженца изображенъ мученикомъ за вѣру.—«Господи милостивый, прости ихъ—и, упавъ навзничъ, умеръ».—говоритъ онъ.

И рядомъ съ этимъ—полное отсутствіе отрывковъ и разсказовъ православно-церковнаго направленія. Ни стиховъ духовнаго содержанія, ни

жизнеописаній мучениковъ за истинную Вѣру и угодниковъ Божіихъ.

Стр. 269. Разсказъ Чехова „Ванька“. Описываются мытарства дерев. мальчика, отданнаго сапожнику („хозяйка взяла селедку и ейной мордой начала меня въ морду тыкать“ и. д.). Не запугивать учениковъ работой надо, хотя бы и у хозяина, а всячески поощрять къ труду.

Стр. 272.—Такое же значеніе запугиванія тѣхъ, кому, быть можетъ, придется работать «на сторонѣ», имѣетъ и рисунокъ: «Новичокъ», изображающій плачущаго мальчика ученика, сидящаго передъ ругающимъ его хозяиномъ или мастеромъ.

Стр. 278—284. Три отрывка изъ прекраснѣйшей книги Достоевскаго: «Нищіе», «Мальчикъ у Христа на елкѣ». Все то бодрящее и примиряющее, чѣмъ такъ богатъ великій писатель, здѣсь отсутствуетъ. Оставлено лишь то, что способно отнять у подростающаго поколѣнія вѣру въ жизнь и въ добро, что можетъ лишь озлобить его. Заканчивается отрывокъ „Нищіе“ такъ: „а еще люди богатые не любятъ, чтобы бѣдняки на худой жребій вслухъ жаловались, дескать, они безпокоятъ, они де назойливы. Да и всегда бѣдность назойлива; спать, что ли, мѣшаютъ ихъ стоны голодные!» Изъ чтенія Достоевскаго обрѣтаешь самыя христіанскія чувства. Здѣсь же умышленно такъ скоро поставлена точка, чтобы возбудить въ умѣ юнаго читателя протестъ, противъ подобнаго порядка вещей.

Стр. 340. «Орелъ и Воронъ» (калмыцкая сказка) можетъ вызвать такія же чувства и толковаться, къ тому же вкривь и вкось.—„Нѣтъ, братъ воронъ, чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой крови, а тамъ что Богъ дастъ!“ Какой просторъ здѣсь для комментаріевъ въ устахъ освободительнаго педагога!

Стр. 81. Отрывокъ изъ Достоевскаго: «Орелъ на волѣ»

Заправская воля, волюшка, «волю почуялъ», «слобода значитъ» и т. д. Словомъ «воля» спрягается по всѣмъ падежамъ.

Стр. 106.—Опять „гражданскій“ —элементъ въ стихотвореніи Апухтина.

Пусть тебя, Русь, одолѣли невзгоды,
Пусть ты унынья страна...
Нѣтъ, я не вѣрю, что пѣсня свободы
Этимъ полямъ не дана!

Стр. 239.—Разсказъ Гаршина „Сигналъ“. Описывается, какъ инженеръ обращается со сторожемъ. „Нѣтъ, братъ, не забуду“—говоритъ сторожъ товарищу—„поздно забывать. Видишь, онъ меня въ лицо ударилъ, въ кровь разбилъ. Пока живъ, не забуду, не оставлю такъ“. За что же инженеръ такъ обошелся со своимъ подчиненнымъ? Это видно изъ слѣдующихъ словъ инженера: „тутъ правительственная ревизія, такой сякой, а ты съ капустой лѣзешь!“

Стр. 304—305.—„Пѣсня рудокопа“ и „Пѣсня о трудѣ“, Некрасова, полная гражданской скорби.

321.—Тоже: „Колодники“ А. Толстого, „Узникъ“ Фета. Рисунки: „Владимирка“ (дорога въ Сибирь) и извѣстная картина Ярошенко: бѣдный «Узникъ» тянущійся къ оконцу.

Стр. 323. Тоже «Тоска по волѣ» Кольцова.

Стр. 354. „Ушкуйникъ“ А. Толстого. Укшуйникъ проситъ отца съ матерью: «Отпустите поиграть игры дѣтскія: шелъ обозы бить низовые купецкіе, багрить на морѣ кораблики урманскіе, да на Волгѣ жечь остроги басурманскіе!“

И это все для дѣтскаго чтенія!

Стр. 212. стих. неизв. автора о томъ, какія муки испытываетъ солдатъ: «Какъ на чужъ дальней сторонушкѣ, что ложился я, добрый молодецъ, на голыхъ доскахъ безъ постелюшки, умывался я, добрый молодецъ, что своими горячими слезами» и т. д. Тутъ же рисунокъ, изображающій раздирательную сцену: проводы солдатъ на войну ихъ семьями. (Савицкаго).

Стр. 209. Въ соотвѣтствіи съ этимъ рисункомъ разсказъ Григоровича: «Проводы рекрута». Старуха бросилась было за сыномъ, но ноги ея ослабли. Она упала на колѣни и простерла впередъ руки» и т. д.

Стр. 214—разсказъ Гаршина о мукахъ какія терпитъ «солдатъ».

Стр. 220—«Орина, мать солдатская» Некрасова: Какъ журавль, стоялъ на ноженькѣ, на одной—носокъ вытягивалъ. Крикнулъ „ваше благородіе", „ваше..." вижу—задыхается...

Стр. 302.—Пѣсни весьма удобныя для созданія антимилитаристскаго настроенія: «Какъ во садикѣ, во зеленомъ» и «Что вились-то мои русы кудри». Въ первой изъ нихъ солдатъ плачется матери: «Какъ состарила меня чужа дальняя сторонушка. Да разъѣзды были частые, караулы были крѣпкіе, и переходы были долгіе». Во второй повѣствуется о бѣгствѣ солдата со службы, при чемъ отъ начала и до конца все сочувствіе—на сторонѣ этого „добраго молодца": «Что большое ли невзгодьѣ, великое безвременьѣ: Что ужъ быть-то мнѣ, доброму молодцу, во солдатахъ, что стоять-то мнѣ, доброму молодцу, въ караулѣ; Пристоялись у добраго молодца мои скоры ноги. Какъ задумалъ я, добрый молодецъ, задумалъ бѣжати; Что бѣжалъ я добрый молодецъ, не путемъ-дорогой, а бѣжалъ я, добрый молодецъ, темными лѣсами. Во темныхъ лѣсахъ, добрый молодецъ, весь я ободрался; подъ дождемъ я, добрый молодецъ, весь я обмочился»...

Стр. 368. Еще двѣ „народныя пѣсни"—«Сторона ли ты моя сторонушка, сторона моя невеселая! Не самъ я на тебя зашелъ—заѣхалъ,—занесла меня, добра молодца, служба царская, государская»...

Какъ разъ подъ этими словами, для тѣхъ, кто могъ бы усомниться дѣйствительно ли такъ «невесело» нести „службу царскую", помѣщенъ снимокъ съ картины Верещагина: „Людоѣдъ". Львица, среди песковъ, терзаетъ трупъ пав-

шаго воина, кругомъ вьются орлы... А непосредственно подъ этимъ изображеніемъ—вторая пѣсня; содержаніе ея въ томъ, что всѣмъ хороша широкая долина, однимъ только „обезчещена“: „на курганѣ разосланъ ковричекъ а на ковричкѣ лежитъ добрый молодецъ, онъ избитъ, изстрѣлянъ, израненъ весь“.

И такія-то пѣсни выбираются для школьнаго сборника, когда народъ нашъ создалъ множество прекрасныхъ воинственныхъ пѣсней и про Ермака Тимофеича, и про взятіе Казани, и про иныя славныя ратныя дѣла.

Стр. 309—«Перевязочный пунктъ изъ Л. Толстого. Тяжелая картина страданій раненыхъ. «Рядовой такой-то, сложный переломъ бедра!—кричитъ докторъ, ощупывая разбитую ногу, переверни-ка его».—„О-ой, отцы мои, вы наши отцы!—кричалъ солдатъ, умоляя, чтобы его не трогали“. „Пробой головы,—говорилъ другой, ковыряя какимъ-то крючкомъ въ головѣ несчастнаго подполковника“. «Пробой груди... Впрочемъ, не пишите: умираетъ. Несите его—сказалъ докторъ, отходя отъ солдата, который, закативъ глаза храпѣлъ уже»...

На той же страницѣ, стихи Некрасова: «Внимая ужасамъ войны»...

Стр. 371. Здѣсь уже отдана дань необходимости вселить ужасъ не только къ сухопутной, но и морской службѣ. „Похороны на морѣ“ Чехова: „безсрочно—отпускные и команда крестятся и поглядываютъ въ сторону на волны. Странно, что человѣкъ зашитъ въ парусину. Священникъ посыпаетъ Гусева землей и кланяется. Поютъ вѣчную память, затѣмъ—«бултыхъ», пѣна покрываетъ трупъ и т. д.“

Стр. 374. Подборъ произведеній для чтенія настолько односторонній, что невольно заподозрѣваешь составителя въ желаніи использовать въ своихъ цѣляхъ и дивную Лермонтовскую «Родину». «Ни слава купленная кровью, ни полный гордаго довѣрія покой, ни темной старины завѣт-

ныя преданья не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья». Не будь этихъ четырехъ стиховъ—ясное дѣло, не было бы и «Родины» въ «Нашей Рѣчи».

Стр. 284.—«День бродячей жизни» изъ «Дневника писателя». Эта книга можетъ быть признана за настольную книгу для юношества. Но болѣе старшаго возраста и уже умственно развитаго. Это отнюдь не книга для дѣтей. Для нихъ сокровенный, подчасъ, смыслъ могучаго слова Достоевскаго, вовсе не раскрывается. Примиряющіе выводы изъ горестныхъ событій, имъ излагаемыхъ, не всегда доступны, особенно при варварскомъ отношеніи составителя хрестоматіи къ великому писателю, котораго онъ кромсаетъ съ тупою фанатическою злобою. Въ «Нашей Рѣчи» имѣется нѣсколько отрывковъ изъ «Дневника писателя»—и всѣ они должны почитаться для учащихся младшаго возраста рѣшительно неподходящими и просто вредными. Въ разсказѣ «День бродячей жизни» повѣствуется о бѣгствѣ изъ родительскаго дома 12 лѣтней дѣвочки съ тою цѣлью, чтобы не ходить въ школу и жить на улицѣ. Вернувшись, наконецъ, въ домъ матери, дѣвочка разсказываетъ о своихъ мытарствахъ: «Вышла я на Невскій проспектъ, иду около Гостинаго и совсѣмъ плачу. Вотъ думаю, прошелъ бы какой добрый человѣкъ, пожалѣлъ бы бѣдную дѣвочку, которой ночевать негдѣ. Я ужъ призналась бы ему, а онъ бы мнѣ сказалъ: пойдемте къ намъ ночевать». Выходитъ такъ, что если бы она такого добраго человѣка встрѣтила, то и не пошла бы домой, а къ нему. На дѣвочку имѣла вліяніе ея подруга, которая: «какъ выйдетъ изъ дому все ходитъ все ходитъ, а въ школу вотъ ужъ двѣ недѣли не показывается, въ окна въ магазины смотритъ, въ пассажъ ходитъ». Въ этомъ влеченіи къ праздношатанію для дѣтскаго ума мало поучительнаго. Такое чтеніе способно внѣдрить въ юныя души какую-то безотчетную тревогу и тянуть ихъ не въ семью, а изъ семьи.

Стр. 363. Чувство злобы къ отцу и матери ярко высказывается въ двухъ заключительныхъ строкахъ пѣсни: «Что вились мои русы кудри», Вотъ эти строки: «Ужъ возьмись, загоритесь вы, батюшкины хоромы! Ужъ ты сгинь—пропади, матушкино подворье!» Такъ восклицаетъ бѣжавшій со службы солдатъ, послѣ того, какъ мать не впускаетъ его въ домъ, «боясь государя»...

Когда читаетъ «Нашу Рѣчь» неискушенный житейскимъ опытомъ полуребенокъ, то ему должно представляться, будто все на Руси скверно, всюду—горе и отчаяніе. Прекрасныя стороны русской жизни, особенно величіе русскаго духа, воспитаннаго православіемъ, замалчиваются и подъ вліяніемъ безконечнаго нытья, раздающагося съ этихъ предательскихъ страницъ, вчерашній здоровый мальчикъ, вмѣстѣ съ жизнерадостностью способенъ безъ остатка потерять любовь къ Родинѣ и вѣру въ нее.

Такое мрачное нытье, не зная пощады для возраста, который, при желаніи такъ легко можно было бы возбудить къ радостному труду и воспитать для добраго подвига, звучитъ въ цѣломъ рядѣ образцовъ будто бы «гражданской», а на дѣлѣ—противонародной поэзіи: «Несжатая полоса» Некрасова (стр. 117), «Смерть крестьянина» его же съ картиной Перова, изображающей деревенскія похороны (132), «Деревенскій сторожъ», Огарева и «Пѣсня бобыля» Никитина (137), затѣмъ слѣдуетъ картина крайней нищеты, въ видѣ рисунка «Сиротка» худ. Лемаха (ж и д а—стр. 157).

Россія, въ итогѣ, изображена по отношенію къ крестьянству какой-то злой мачихой. Впрочемъ, самое правильное опредѣленіе ея, если слѣдовать самому духу «Нашей Рѣчи», мы сдѣлаемъ тогда, если приравняемъ ее къ громадному кладбищу.

Едва ли можетъ способствовать укрѣпленію среди учениковъ любви къ Родинѣ и описаніе того суроваго режима, который къ тому же давно уже не встрѣчается въ народ-

ной школѣ. Нарочито выхваченныя изъ аксаковской «Семейной хроники» истязанія, коимъ подвергались школьники, (стр. 178) должны дополнить въ представленіи учениковъ съ особою яркостью, картину дикости, произвола, гнета, лишеній и нищеты, воплощающихъ-де въ совокупности Россію.

Но особенно возмутительно помѣщеніе отрывка изъ «Дневника писателя» подъ названіемъ: «Добрый докторъ» (Разсказъ еврейской дѣвушки). Это извѣстный очеркъ Достоевскаго, въ которомъ Ѳ. М. излагаетъ полученное имъ письмо молодой іудейки о жизни, смерти и похоронахъ доктора Гинденбурга. Въ письмѣ человѣкъ этотъ представленъ въ полномъ смыслѣ слова святымъ.

У несомнѣннаго антисемита Достоевскаго данный очеркъ—одно изъ звеньевъ той цѣпи доводовъ и умозаключеній, которыми опредѣляется общій взглядъ его на жидовство. Но шаббесгой Душечкинъ и тутъ ставитъ точку самымъ воровскимъ образомъ, не давая мысли великаго автора докатиться до ея конечныхъ выводовъ. Получается какой-то апоѳеозъ еврейства, отъ чего съ ужасомъ отскочилъ бы покойный русскій писатель. Послѣдній, между прочимъ, нигдѣ не говоритъ, что Гинденбургъ—Еврей. Онъ не только протестантской вѣры, но какъ думаетъ авторъ, нѣмецъ по происхожденію. А читателямъ «Нашей Рѣчи» докторъ предлагается въ видѣ несомнѣннаго еврея.

Недурная картинка: русскій народъ всѣми доступными средствами и подъ всевозможными углами зрѣнія поносится, втаптывается въ грязь, а іудейскій представленъ, въ лицѣ этого мнимаго іудея-доктора, какимъ-то удивительнымъ праведникомъ.

«Наша Рѣчь» сильно погрѣшила противъ свѣтлыхъ страницъ родной исторіи тѣмъ, что обошла ихъ почти полнымъ молчаніемъ. Изъ произведеній, имѣющихъ отношеніе къ славному прошлому нашего отечества, можно назвать въ 1

книгѣ, лишь два, уже упомянутое выше «Бородино» и «Два великана» Лермонтова. «И ядрамъ пролетать мѣшала гора кровавыхъ тѣлъ»... Быть можетъ, составитель рѣшился украсить свой сборникъ «Бородинымъ» только потому, что въ этомъ стихотвореніи имѣются подобныя строки, рисующія ужасъ боя. Вдохновленный другимъ, представленнымъ въ его распоряженіе обильнымъ матеріаломъ, вселяющимъ страхъ передъ войной, учитель, конечно будетъ подчеркивать именно эти строки, преимущественно передъ другими. Если исключить «Бородино», то хотя историческимъ очеркамъ и стихотвореніямъ отведено въ книжкѣ [опредѣленное мѣсто, тщетно было бы искать въ ней повѣствованій о славныхъ подвигахъ нашихъ предковъ.

За то тенденціозные стихи Губера о новгородскомъ вѣчѣ—на лицо (стр. 355) и даже сопровождаются поясни-тельнымъ рисункомъ, изображающимъ колоколъ, окруженный толпой. Изъ царей же имѣется только портретъ Ивана Грознаго, для жестокостей котораго, разумѣется, нашлось необходимое мѣсто. Приведены соотвѣтственныя выдержки изъ «Кн. Серебрянаго» гр. А. Толстого: «Жизнь Ивана Грознаго въ Александровской слободѣ», «Слѣпые и царь Иванъ Грозный» (стр. 356—359). Въ нашемъ прошломъ умышленно подчеркивается все темное, тяжелое или роковое. Такъ, изъ „Полтавы", приведена только „Казнь Кочубея" (301).

Сначала „Ужасы крѣпостного права": стр. 8 „Сухое лѣто" Григоровича. „Едва мать припадала грудью къ губамъ младенца, голосъ старосты снова призывалъ ее къ работѣ: „Эй, бабы! Что-то ужъ больно часто бѣгаете! Покормили разъ-другой—и шабашъ!" и т. д.

Стр. 143. Тургеневская „Прачка Татьяна", которая „трепетала при одномъ имени барыни, хотя та ее почти въ глаза не знала".

Слѣдуютъ еще и другіе отрывки въ томъ же родѣ.

Вмѣстѣ съ вышеприведенными и подобными имъ стихами Некрасова и иныхъ, все это вмѣстѣ должно дать картину безконечной нужды и приниженности, достававшейся на долю крестьянъ...

И вотъ тутъ же рядомъ:

Стр. 144—„Село Никольское“ Аксакова. Описывается господскій домъ. „Изъ дворца англійскаго лорда я перелетѣлъ въ очаровательный замокъ Шехерезады“. И дальше: „Мы вошли въ огромную, великолѣпную залу. Граненый хрусталь, серебро и золото ослѣпили мои глаза“ и т. д. Что бы было чѣмъ нагляднѣе внушить дѣтямъ, сколь велика разница между жизнью крестьянъ и помѣщиковъ, изложеніе этого отрывка изъ Аксакова поясняется рисункомъ: грандіозный залъ съ роскошными люстрами, сильно напоминающій Георгіевскій залъ Кремлевскаго дворца.

Стр. 163.—А вотъ—„Воспитаніе Обломова“: „Чуть что покажется Илюшѣ не такъ, онъ поддаетъ Захаркѣ ногой въ носъ“. Какъ-только Илюша пошевелится, раздаются крики: „Куда? А Васька, Ванька, Захарка на что? Эй! Вотъ я васъ! Чего вы смотрите, разини?“

Далѣе: стр. 178. „Народное училище въ прежнее время“ Аксакова. Какъ обращались съ крестьянскими мальчиками въ старой школѣ, какъ разговаривали съ ними „звѣрскимъ голосомъ“, сѣкли прутьями и пр.—все это изложено весьма ярко.

Стр. 228.—„Жестокая потѣха“ Пушкина. Травля людей медвѣдями. Заканчивается разсказъ: „Таковы были благородныя увеселенія русскаго барина! На той же стр.—. „Пріѣздъ помѣщика въ свою деревню“ Тургенева. „Бурмистрова жена встрѣтила насъ съ низкими поклонами и подошла къ барской ручкѣ. Аркадій Павловичъ далъ ей нацѣловаться вволю“...

Черезъ нѣсколько страницъ: „Бурлакъ“ Никитина—

опять раздирательная картина горя и нужды (245). Снимокъ съ картины Рѣпина: „Бурлаки".

На стр. 263 и 264—описываются бѣдствія семьи Мармеладова изъ „Преступленія и наказанія" и вслѣдъ за тѣмъ—роскошная жизнь въ „Домѣ Предводителя" по Гончарову: Учителя, мамзели, приживалки... „Гостей вѣчный рой, слугъ человѣкъ 40; величавый чепецъ барыни" и т. д.—вотъ вокругъ чего вертится содержаніе послѣдняго отрывка.

Не оставляетъ своимъ вниманіемъ Душечкинъ и пресловутый городской пролетаріатъ".

Стр. 266. „Глухарь" Гаршина: „Въ котлѣ"—говоритъ одинъ изъ героевъ,—„и сидѣть нельзя: лежи на боку да подставляй грудь". Рабочихъ прозвали „глухарями", п. ч. отъ трезвона они часто глохнутъ.

Книга II.

Стр. 270.—„Монастырь въ индійскомъ лѣсу"—отрывокъ изъ „Наля и Дамаянти". Слишкомъ, сдается мнѣ, много два раза въ одной книгѣ останавливать вниманіе учащихся на буддійскихъ настроеньяхъ. Оканчивается отрывокъ на томъ, какъ царская дочь увидала „с в я т у ю обитель". Безспорно, поэма Жуковскаго прекрасна. Но умѣстно ли знакомить съ приведеннымъ кусочкомъ этой поэмы учениковъ, которымъ нигдѣ во всей книжкѣ ничего не говорится о святости истинной Вѣры?

Стр. 299. „Старовѣрческая пустынь" Щедрина вводитъ насъ уже въ идеализацію раскола: „Старецъ Астафъ подлинно чудный человѣкъ былъ" и т. д.

Спрашивается, гдѣ же наши старорусскіе старцы честные—Амвросій, Леонидъ, и прочіе оптинскіе подвиж-

ники? Гдѣ святые и прославленные угодники Божіи? Для кого этотъ учебникъ? Не для православныхъ ли, въ подавляющемъ своемъ большинствѣ дѣтей?

Стр. 150. „Горе“ Чехова. Грустная повѣсть о токарѣ, везущемъ въ земскую больницу жену; она по пути умираетъ, а мужъ ея съ отчаянія впадаетъ въ забытье и... тоже умираетъ (замерзаетъ). Крайне пессимистическія настроенія, несомнѣнно, удручающе должны вліять на душевный строй ребенка.

Чувство злобы къ жизни и людямъ должень внушить ученикамъ горьковскій разсказъ: „Дѣдъ Архипъ и Ленька“. Вотъ что говоритъ внуку дѣдъ о людяхъ, дающихъ милостыню. „Кусокъ хлѣба въ тыщу рублей цѣнятъ. Подаетъ, да и думаетъ, что ужъ ему сейчасъ же райскія двери отворятъ“.

«Ткнетъ тебѣ кусокъ,—продолжаетъ дѣдъ—ну, ему и не стыдно самому-то. «Сытый человѣкъ - звѣрь. И никогда онъ не жалѣетъ голоднаго». (стр. 109)

И это внушаютъ дѣтямъ!

Стр. 185. Со спеціальной цѣлью доказать, что рубить чужой лѣсъ весьма похвально, помѣщенъ тургеневскій «Бирюкъ». „Душегубецъ окаянный, пей христіанскую кровь!“—кричитъ лѣснику пойманный на мѣстѣ преступленія порубщикъ.

Стр. 218. „Коноваловъ“ М. Горькаго—разсказъ изъ жизни пекарей, способенъ вызвать отвращеніе къ труду и вселить страсть къ босячеству. „Давно здѣсь работаешь?—спрашиваетъ герой,—экая тюрьма! Выйдемъ на улицу“ и т. д.

Стр. 222. «Городская бѣднота» изъ ром. „Трое“ того же Горькаго. Взяты отрывки вродѣ слѣдующаго:

«Извозчикъ Макаръ лягался ногами и шлепалъ ребятишекъ по лицу мокрой тряпкой». и т. д. «Иногда били и просто такъ, отъ скуки» (стр. 225).

Стр. 233.—Опятъ Горькій—«Ѳома Гордѣевъ». Когда

мальчишка Ѳома былъ застигнутъ на мѣстѣ кражи и на него грозно прикрикнули, онъ, сжавъ кулаки, угрозой произнесъ: „Попробуй, тронь“.

Тутъ воришка—прямо герой, которому надо подражать!

Едва ли способствуютъ укрѣпленію въ подросткахъ уваженія къ порядку, къ закону и власти разсказы, какъ „Тюрьма“ Короленки (257), «Пѣсня» Сурикова (260). „Чу, кричитъ буревѣстникъ“ Надсона (328):—Особенно зловредны въ книгѣ для дѣтей. „Три пѣсни“ (изъ Уланда) (360): пѣвецъ обращается съ ними къ царю; 1 я пѣсня: „отца моего ты убилъ“, 2-я пѣсня: «бейся, убійца, со мной», 3-я пѣсня: «убійца поверженъ въ крови» (это уже послѣ того, какъ у царя—„голова пополамъ“. Недурна сопроводительная пословица: „Лучше умереть, чѣмъ неправду терпѣть“. Изъ стихотворенія не видно, чтобы цареубійца былъ наказанъ. Къ довершенію картины, слѣдуетъ еще сказать, что „Три пѣсни“ помѣщены непосредственно вслѣдъ за „Василіемъ Шибановымъ“, гдѣ, какъ извѣстно, описываются жестокости царя Ивана Грознаго...—

„Голодъ въ осажденномъ гор. Дубно“ (364); „Военный госпиталь въ 1854 году“ Л. Толстого (374); «Послѣ боя», его же)377); „Повѣсить его“ Тургенева (378) и тутъ же снимокъ съ картины Верещагина: «Побѣжденные»: священникъ служитъ панихиду на необозримомъ полѣ, усѣянномъ мертвецами. (380).

„Камни“ Горькаго (286) образъ „гонимаго“ жидка; „Еврейская мелодія“ Плещеева—(384) возвеличеніе іудейской націи и пробужденіе къ ней сочувствія; „Тучи“ Лермонтова (385) приведены вслѣдъ за „мелодіей“ очевидно, лишь для того, чтобы опоэтизировать „изгнанниковъ“.

Далѣе идетъ опять противопоставленіе голодной жизни крестьянина, сытой и раскошной жизни помѣщика, у котораго столъ ломится отъ явствъ. Снова гражданская поэзія, посты и жалкія слова о жизни „пролетаріата“. „Лѣтняя

страда“ (123); „Женская доля“ (125); „Нищіе“ Плещеева (136)—„Голоднаго, видно, не сытый, а только голодный пойметъ“; „Помѣщичій обѣдъ въ старое время“ (142)—„поеный 6-ти недѣльный теленокъ, до уродства откормленная свинья, жирные бараны“ и пр. и пр.; чтобы еще болѣе сгустить краски, показана картина Маковскаго „Свадебный пиръ“ (143),изображающая уже не помѣщиковъ 19 вѣка, а старыхъ московскихъ бояръ; „Именины Татьяны Лариной“ (144); Дѣвичья жизнь Матрены“ (145); „Горе“ Чехова (151); „Великосвѣтская свадьба“ Л. Толстого (155); „Деревенскій сторожъ“ Г. Успенскаго (163); „Лиговъ“ Тургенева (173); „Старый случай“ Никитина (190): „Радъ мой старикъ—и проворно на четверенькахъ ползетъ, „Стой!“—и онъ станетъ покорно, бровью сѣдой не моргнетъ“... „Барскую ножку цѣлуетъ: бей меня, батюшка, бей!“; „Бабуринъ“ Тургенева (195); „Извощикъ“ Успенскаго (206); „Растеряева улица“ его же (214); „Ночлежка“ Горькаго (217);

Какъ въ I-й книгѣ, такъ и здѣсь историческій отдѣлъ разсчитанъ не на то, чтобы возбудить въ дѣтяхъ любовь къ Царю и Родинѣ, а какъ разъ наоборотъ.

Всюду подчеркивается въ нашемъ прошломъ лишь немощь, безславіе, жестокость и одичаніе. „Плачъ Ярославны“, и „Побѣгъ Игоря Сѣверскаго изъ плѣна“ (342) въ обработкѣ Майкова—вотъ и все, что имѣется во II книгѣ, по части древней русской исторіи (вплоть до XVI вѣка); тутъ же, на стр. 343 приведенъ снимокъ съ Веснецова: „Послѣ побоища Игоря съ половцами“—опять трупы и орлы надъ ними. Словъ нѣтъ, прекрасенъ памятникъ нашего дружиннаго эпоса; много чистой поэзіи въ плачѣ Ярославны, которая „зигзицею рано кычетъ“; прекрасно и переложеніе „слова о полку Игоревомъ сдѣланныя Майковымъ. И все-таки характерно, что авторъ книжки, остановивъ вниманіе читателей на несчастномъ походѣ Игоря Сѣверскаго, ута-

илъ отъ нихъ бранные подвиги Святослава, Олега, св. Александра Невскаго или Дмитрія Донскаго".

Это произошло потому же, почему образъ русскаго Царя, на всемъ протяженіи исторіи московской и петербургской Руси, представленъ въ „Нашей Рѣчи" въ видѣ свирѣпаго Іоанна Грознаго, который освѣщенъ крайне односторонне, забыты историческія заслуги этого замѣчательнаго государя, забыта и дань народной къ нему любви, выраженная во множествѣ русскихъ пѣсенъ (о взятіи Казани и другихъ)... Необходимо замѣтить, что изъ древнихъ русскихъ вел. князей —ни о комъ нѣтъ ни звука: ну, какъ не вынесутъ ребята изъ чтенія книги впечатлѣнія, что всѣ правители Россіи были не люди, а какіе то звѣри?... Объ Иванѣ Грозномъ есть „Александровская слобода" (345), „Пиръ въ Александровской слободѣ", (350) „Опричники и юродивый (348) — въ послѣднемъ разсказѣ юродивый обличаетъ злодѣянія царскихъ опричниковъ.

Въ этихъ отрывкахъ изъ «Кн. Серебрянаго» гр. А. Толстого содержатся, между прочимъ, такія строки: „Эта милость не совсѣмъ обрадовала Серебрянаго. Іоаннъ, можетъ быть, не зналъ еще о ссорѣ его съ опричниками. Можетъ быть также (и это случалось часто), царь скрывалъ на время свой гнѣвъ подъ личиною милости, дабы внезапное наказаніе, среди пира и веселія, показалось виновному тѣмъ ужаснѣе. Какъ бы то ни было, С. приготовился ко всему и мысленно прочиталъ молитву (348), или:— „Никита-ста! Великій государь жалуетъ тебя чашею". Серебряный вздрогнулъ. За нимъ стоялъ, съ наглою усмѣшкой, Ѳедоръ Басмановъ и подавалъ ему чашу. Не колеблясь ни минуты, князь поклонился царю и осушилъ чашу до капли. Всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ; онъ самъ ожидалъ неминуемой смерти и удивлялся что не чувствуетъ дѣйствія отравы" (355); нѣсколькими строками выше (354) разсказывается, какъ тотъ же Басмановъ под-

носилъ чашу съ ядомъ старому боярину Василію; „Василій-су выпилъ чашу, челомъ бьетъ!“ донесъ опрячникъ Іоанну.—„Всѣ встали и поклонялись старику; ожидали себѣ и его поклона, но бояринъ стоялъ неподвижно. Дыханіе его сперлось, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Внезапно глаза его налились кровью, лицо посинѣло и онъ грянулся оземь.—Боярин пьянъ, — сказалъ Иванъ Васильевичъ:—вынести его вонъ!

На стр. 357 помѣщена извѣстная баллада того же А. Толстого „Василій Шибановъ“, гдѣ приводится содержаніе привезеннаго гонцомъ Шибановымъ посланія кн. Андрея Курбскаго Іоанну, съ обличеніемъ злодѣяній послѣдняго, при чемъ внимая чтенію этого посланія, „въ ногу Шибанова острый конецъ жезла своего онъ вонзаетъ“ и т. д.

Послѣ подобныхъ картинъ, долженствующихъ познакомить читателей съ тѣмъ, что такое «монархическій образъ правленія», Душечкинъ переходитъ къ очередному восхваленію «республиканскаго строя»: для этого онъ пользуется уже не новгородскимъ вѣчемъ, какъ въ I книгѣ, а «Запорожской сѣчью» Гоголя; на 362 стр., наприм., читаемъ: «Такъ вотъ она, Сѣчь! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! Вотъ откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!»

Во II книгѣ помѣщенъ «Полтавскій бой» Пушкина. Но въ слѣдующемъ же отрывкѣ «Ассамблея», подробно описывается, какъ Петръ заставлялъ провинившихся пить кубокъ большого орла. Можно было ожидать, что хотя Петра намъ представятъ дѣйствительно «Великимъ»—но впечатлѣніе, вслѣдствіе выбора именно этого отрывка, получается иное.

Къ счастью, Душечкинъ вообще не долюбливаетъ исторію и посвящаетъ ей довольно мало мѣста. И все же его по праву можно назвать «историческимъ гробокопателемъ» правда маленькимъ и безталаннымъ.

III книга.

Въ общихъ чертахъ сюда можетъ быть отнесено все сказанное о первыхъ двухъ книгахъ «Нашей Рѣчи».

«Набатъ» Л. Андреева (46) способенъ вселить въ юную душу тревожныя и мятежныя чувства и тѣмъ самымъ ослабить положительные нравственные устои; «Горе» Л. Толстого (55)—крайній пессимизмъ, совершенно непригодный для юнаговозраста, вредно вліяющій на нравственное чувство; «На танціи» М. Горькаго (71) –тоже. «Похороны Илюшечки» Достоевскаго (144) — пессимизмъ; «Палата № 6» Чехова (170)—тоже. Совершенно излишне останавливать вниманіе дѣтей на сибирскихъ воспоминаніяхъ ссыльнопоселенца и государственнаго преступника Короленко, какъ напр., «Послѣдній лучъ» (33) и „Морозъ въ Сибири". Въ отрывкѣ изъ Чехова „Интеллигентная семья" (49) замѣчается какъ разъ то самое, отъ чего было бы желательно всячески оберегать учащихся: «надо бороться»—говоритъ напр., героиня—„молодежь должна составить изъ себя сильную партію";—„Волостной судъ" (86) соч. нѣкоего отставного волостного писаря Астырева, судя по слогу не вполнѣ грамотнаго, совершенно не на своемъ мѣстѣ въ книгѣ для учащихся, и не только изъ-за стилистическихъ погрѣшностей. Отъ начала и до конца авторъ ведетъ разсказъ тономъ явнаго пренебреженія къ авторитету волостного суда, наиболѣе близкаго къ населенію и нуждающагося не въ посрамленіи со школьной каѳедры, а въ укрѣпленіи сознанія его значенія; выдвигается и отдѣльная сценка: старикъ-волостной сторожъ объявляетъ, что покойный предсѣдатель велѣлъ ему слушаться «только старшину да писаря», а „становыхъ, урядниковъ и прочую шушеру за начальниковъ не считать...— Въ «Ермилѣ Гиринѣ» Некрасова (101) описывается, между прочимъ, какъ «государевъ посланный къ народу рѣчь держалъ» (во время крестьян-

скаго бунта): „То руганью попробуетъ и плечи съ эполетами подыметъ высоко; То ласкою попробуетъ, да брань была тутъ лишняя, а ласка непонятная „Крестьянство православное! Русь-матушка! Царь батюшка!“ И больше ничего. Побившись такъ достаточно, хотѣлъ уже солдатикамъ скомандовать „пали“ и т. д.

Въ „Малыхъ ребятахъ“ Успенскаго (136) вновь задѣты—и весьма недвусмысленно—становые, исправники, словомъ - то деревенское начальство, которое настолько претитъ нашимъ „интеллигентнымъ“ анархистамъ, что они спѣшатъ привить съ малыхъ лѣтъ, подростающему поколѣнію ненависть къ этому начальству. „Подневольный трудъ“ изъ Достоевскаго (175) приведенъ съ цѣлью пробудить сочувствіе къ каторжникамъ.—«Орловъ» Достоевскаго (307) опять вводитъ читателя въ міръ каторжниковъ, который открывается передъ ними въ книжкѣ Душечкина то и дѣло. Въ разсказѣ идетъ рѣчь о „знаменитомъ разбойникѣ изъ бѣглыхъ солдатъ“. Орловъ изображается такъ, что всѣ симпатіи дѣтей будутъ на его сторонѣ: онъ представленъ человѣкомъ, безгранично умѣющимъ собою повелѣвать, презирающимъ всякія муки, полнымъ энергіи, жаждой дѣятельности, жаждой достичь намѣченной цѣли и т. д.—Тоже самое можно сказать и о другомъ отрывкѣ изъ „Мертваго дома“—„Петровъ“, тутъ (на стр. 322) мы видимъ, что герой именуется „самымъ рѣшительнымъ, самымъ безстрашнымъ изъ всѣхъ каторжанъ“, и хотя двумя строками ниже сказано, что онъ „и васъ зарѣжетъ, если такъ вздумается, и даже не поморщится“—тѣмъ не менѣе образъ Петрова произведетъ сильнѣйшее впечатлѣніе на юнаго читателя. На той же стр. поясняется,что Петровъ, когда его на военной службѣ подвергли тѣлесному наказанію, едва не убилъ плацъ-майора; въ другой разъ онъ закачалъ на смерть, передъ развернутымъ фронтомъ своего полковника за то, что тотъ его ударилъ...

Это ли духовная пища для дѣтей?

Вообще, какъ уже было сказано по поводу „Дневника писателя"—Ѳ. М. Достоевскій—писатель не для дѣтей. Дальше слѣдуютъ отрывки изъ „Ревизора" (411) и «Молчалинъ» изъ „Горе отъ ума" (422). Противъ помѣщенія лучшихъ произведеній нашей словесности ничего нельзя было бы возразить, если бы дѣло составителя—поколебать ссылкой на давно-прошедшія времена значеніе чиновничества вообще—не была слишкомъ ясной; въ этомъ убѣждаетъ, во первыхъ, особая рубрика, надъ «Ревизоромъ», а именно: „Чиновники и разночинцы" (стало быть, отрывки приведены, не въ качествѣ неподражаемыхъ литературныхъ образцовъ, а съ нарочитой и предвзятой цѣлью); во вторыхъ—о томъ же свидѣтельствуетъ рисунокъ «Первый чинъ» (411), изображающій въ смѣшномъ видѣ чиновника, впервые надѣвающаго мундиръ. Въ разсказѣ Чехова «Толстый и тонкій» (425) тоже высмѣивается чиновничество.—Наконецъ укажу еще на „Огоньки" политическаго сыльнаго Короленки—аллегорическая картина, гдѣ огни сіяющіе впереди, противопоставляются „темной рѣкѣ" и „угрюмымъ берегамъ" настоящаго, а также—проникнутые, по обыкновенію, „гражданскимъ" духомъ некрасовскіе стихи „Призывъ": „Довольно рабство тяжкое, одни пути лукавые открытым, влекущими держало на Руси!.."—или "Нейди просторною, дорогой торною страстей раба. О жизни искренней, о цѣли выспренней тамъ мысль смѣшна Тамъ души плѣнныя, въ цѣпяхъ умы".

Какъ и въ первыхъ двухъ книгахъ, здѣсь подчеркиваются страданія, испытываемыя солдатомъ въ военное и мирное время. Стр. 229, стих. «Ужъ какъ палъ туманъ»; 230—«Москва передъ вступленіемъ Наполеона» Л. Толстого; 233—Казнь военно-плѣннаго» его же; 239—«Четвертый бастіонъ» его же.—Особенно возмутительно помѣщеніе разсказа Гаршина: «Солдатское житье» (245). Въ немъ война называется «кро-

вавой бойней — самой крупной причиной всевозможныхъ людскихъ бѣдъ и страданій», люди падаютъ на дорогѣ, терпятъ «пытку», офицеры называются «живодерами». Когда одинъ изъ солдатъ не вынесъ долгаго перехода и упалъ, офицеръ, ругая его «канальей», схватилъ саблю и «началъ наносить ея желѣзными ножнями ударъ за ударомъ по, измученнымъ ранцемъ и ружьемъ, плечамъ несчастнаго».—На стр. 25 (того же Гаршина „Война"). „Если положить всѣ трупы плечо съ плечомъ—описываетъ авторъ,—то составится дорога въ восемь верстъ"; тутъ же картина Верещагина „Забытый"—птицы клюютъ трупъ солдата... На стр. 443 -характеристика „Поручика Козелкова" Л. Толстого; изображенъ отрицательный типъ офицера, обладающаго тѣмъ болѣзненнымъ самолюбіемъ, который „чаще всего развивается въ военныхъ кружкахъ".

Ко всему сказанному необходимо добавить, что яркая проповѣдь антимилитаризма ни въ одной изъ трехъ книжекъ не смягчается хотя бы двумя строками, въ коихъ военная служба была бы представлена съ привлекательной стороны.

Отчасти вслѣдствіе отличающаго русскую словесность обличительнаго направленія, главнымъ же образомъ вслѣдствіе односторонняго подбора матеріала, въ учебномъ пособіи Душечкина, русскіе люди изображены въ весьма неприглядномъ свѣтѣ. Иначе обстоитъ дѣло съ инородцами и иностранцами; эти сплошь благородные люди.

Въ разсказѣ „Вечеръ въ Бессарабіи" М. Горькаго (10) мѣстные уроженцы говорятъ: „У! стариками родитесь вы, русскіе. Мрачные всѣ, какъ демоны"... Чтобы доказать, до чего не только молоды душой, но и положительно святы всѣ тѣ, кто рожденъ, кѣмъ угодно, только не русскими, — понадобилось привести изъ „Мертваго дома" Достоевскаго разсказъ о „Лезгинѣ Нурра", (429), который, хотя и каторжанинъ, но „во все продолженіе своей каторги

не укралъ ничего, не сдѣлалъ ни одного дурного поступка". На слѣдующей же страницѣ (430) восхваляется выхваченный изъ того же Достоевскаго „татаринъ Алей", который сумѣлъ сохранить на каторгѣ „мягкость сердца, строгую честность, задушевность, симпатичность, не загрубѣлъ, не развратился".

Словомъ, мерзавцевъ изъ русскихъ въ „нашей Руси" — сколько угодно, изъ инородцевъ—ни одного. На 433 стр. вниманію читателей предлагается тоже „симпатичный" человѣкъ, но на сей разъ не татаринъ, а нѣмецъ—„Карлъ Иванычъ" изъ „Дѣтства и Отрочества Толстого.—Наконецъ, на 129 стр.—еще одинъ „благородный" нѣмецъ –Штольцъ А. И. Гончарова.

„Дѣтство Обломова" (122) ,приведенное послѣ цѣлаго ряда описаній горемычной крестьянской жизни, должно вызвать зависть къ „господской" жизни и даже ненависть къ ней: „Какая птица воспитывалась въ Обломовкѣ! Какія телята утучнялись... и т. д. и т. д.

Здѣсь Душечкинъ, какъ и въ первыхъ двухъ книгахъ, играетъ на самыхъ низменныхъ инстинктахъ и пользуется для своихъ цѣлей то роскошью крѣпостного барства, то гнетомъ его надъ мужиками. А то, что все это уже „дѣла минувшія", объ этомъ составителю горя мало.—„Уличный гаеръ" Григоровича (165) — опять страданія мальчика изъ простого народа.—Въ „Голодныхъ" Горькаго (176) изображена, по обыкновенію, босяцкая жизнь, какъ вызовъ существующему общественному строю.—„Бурмистръ" Тургенева - яркая картина притѣсненій мужиковъ въ крѣпостное время; между прочимъ, говорится о „шутникѣ-помѣщикѣ", который „вразумилъ своего лѣсника, выдравъ у него около половины бороды, въ доказательство того, что отъ порубки лѣсъ гуще не вырастетъ". „На постояломъ дворѣ" Некрасова (308) рисуетъ своеобразныя отношенія господина къ слугѣ; послѣдній выслушиваетъ отъ „прогрессивнаго барина"

такое поученіе: „Знай: сила не въ богатствѣ, не въ томъ: великъ ли малъ ли чинъ, а въ равенствѣ и братствѣ!“—а кончается дѣло все тѣми же побоями, которымъ такъ много отведено въ сборникѣ мѣста,—„П. П. Пѣтухъ“ Гоголя (354)—чудовищное обжорство этого помѣщика“. Еще рядъ отрицательныхъ типовъ: „Плюшкинъ“ „Ноздревъ“ „Маниловъ“, Противоположеніе барина И. И. Обломова его крѣпостному слугѣ Захару изъ романа Гончарова.

Историческихъ очерковъ въ III книгѣ нѣтъ вовсе, если не считать „Митрополита Филиппа“ изъ Карамзина (497) съ сопровождающимъ разсказъ снимкомъ съ извѣстной картины Новоскольцева о „послѣднихъ минутахъ святителя“; эта картина и этотъ очеркъ, посвященный наиболѣе мрачной страницѣ русской исторіи, и заканчиваютъ собою сборникъ „Освободивъ себя отъ архипастыря строгаго, непреклоннаго, и давъ сей важный санъ иноку доброму, но слабодушному, безмолвному, Іоаннъ могъ тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ необузданнѣе свирѣпствовать: дотолѣ губилъ людей, оттолѣ цѣлые города“. Эти слова историка составляютъ заключительный аккордъ сборника, который является не столько учебнымъ пособіемъ, сколько практическимъ руководствомъ, освобождающимъ путемъ наглядныхъ примѣровъ, молодыя души отъ преданности Церкви, Царю и Отечеству.

„Нашу Рѣчь“ Душечкина, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго можно, по задачамъ ею преслѣдуемымъ и по настроеніямъ, коими она проникнута, легко сравнить съ революціонной прокламаціей, но приноровленной къ пониманію дѣтей и подростковъ.

Эта масонская стряпня составлена изъ кусочковъ, обдуманно подобранныхъ изъ произведеній не только выдающихся нерѣдко, по силѣ и образности выраженія, но подчасъ даже геніальныхъ. Эти кусочки подобраны и расположены такъ, что многіе изъ нихъ въ отдѣльности, хотя и перекроены на иной образецъ, хотя и втиснуты въ узкія

рамки прокламаціи,—они и тутъ способны подчинять умы своему обаянію. Не кощунство-ли—дѣлать изъ Гоголя, Достоевскаго, Тургенева, Толстого, Аксакова орудіе совращенія малолѣтнихъ?!

Напомню впрочемъ, что, какъ отмѣчалось выше, на ряду съ образцовыми произведеніями словесности, книга пестритъ такими именами литературныхъ подонковъ, какъ Горькій и Андреевъ, или такими выдохшимися и односторонними писаніями, какъ Г. Успенскаго или Гаршина...

„Наша Рѣчь“, какъ это ни странно, не удостоилась одобренія ученаго комитета М-ва Нар. Просв. Комитетъ почему то предпочелъ въ свое время г. Душечкину—Гулупова съ его „Новью“ и братьевъ Вахтеровыхъ съ ихъ „Міромъ въ разсказахъ для дѣтей“. Впрочемъ, довольно затруднительно признать, кому изъ нихъ удалось перещеголять другихъ въ отстаиваніи противонародныхъ началъ безвѣрія и безвластія.

Не „одобреніе“ или „неодобреніе“ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тутъ нужно, а общій, громадный костеръ, на которомъ запылали бы разомъ—сколько ихъ ни на есть—всѣ страницы воспитывающія молодыя поколѣнія русскаго народа въ презрѣніи и ненависти ко всему святому на Руси, ко всему великому и родному.

Загорайся же скорѣй, очищающее пламя! И пусть, изъ пепла этого пожарища, подымется и займетъ мѣсто въ оздоровленной народной школѣ—книга честная, правдивая и богобоязненная!

И. Д. Утугаевъ.

„Новая школа".

ЧАСТЬ I.

Первая послѣ букваря книга для обученія русскому языку въ школѣ и дома. Н. В. Тулуповъ и П. М. Шестаковъ.

Тринадцатое изданіе Т-ва Д. И. Сытина. Москва. 1911 года.

261-я тысяча.

Вся „Новая Школа" состоитъ изъ трехъ частей; первая часть предназначена для малышей, только-только овладѣвшихъ букваремъ и приступающихъ къ чтенію. Естественно она является особенно важной. Поэтому на первую часть обращено особенное вниманіе при разборѣ.

Въ первой части книги 100 статеекъ въ прозѣ и 47 стихотвореній.

Изъ числа статей перу Л. Н. Толстого принадлежитъ 42%, т. е. безъ малаго половина.

Бросается въ глаза полное отсутствіе басенъ Крылова, столь любимыхъ малышами. Во всей книгѣ фигурируетъ только одна Крыловсая побасенка—„Птички сиротки".

Не менѣе жестоко окарнали составители книги другого поэта—М. Лермонтова. Его „Казачья колыбельная пѣсня", проникнутая воинственнымъ духомъ, теплой вѣрой, преданностью Царю и Родинѣ, превратилась волею составителей въ слѣдующее оскопленное стихотвореніе:

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю,
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

М. Лермонтовъ.

И только.

Книга для дѣтей безусловно вредная. Идеи „Богъ, Царь и Отечество"—отсутствуютъ въ книгѣ; они замѣнены другой тріединой формулой „свобода, равенство и братство". Въ предисловіи составители сами же говорятъ: статьи группируются «вокругъ какой-нибудь общей идеи.. Такъ, рядъ статей выясняетъ необходимость и пользу ученія; рядъ другихъ статей выясняетъ значеніе труда; далѣе проводятся идеи о томъ, что въ отношеніяхъ людей должны лежатъ любовь, стремленіе къ взаимопомощи, что свобода есть необходимое условіе для личнаго счастья и т. д.»

Эта цитата подтверждаетъ, что подборъ статей сдѣланъ обдуманно, что пренебреженіе русскими классиками и сугубое предпочтеніе имъ Л. Н. Толстого, что тенденціозное сокращеніе Лермонтова, замалчиваніе всего, что дорого русскому православному чело-

вѣку, отнюдь не случайны, но являются выполненіемъ строго обдуманнаго плана: воспитать рядъ поколѣній, безъ Бога въ душѣ, Безъ чувства долга, безъ любви къ Царю и Родинѣ, но зато убѣжденныхъ антимилитаристовъ и людей, стремящихся къ „свободѣ, равенству и братству".

Огромное значеніе, которое составители придаютъ „свободѣ" бьетъ въ глаза уже въ разбираемой первой части. Они намѣчаютъ въ своемъ предисловіи идею: свобода есть необходимое условіе для личнаго счастья" и посвящаютъ этой наиболѣе важной, по ихъ мнѣнію, идеѣ, много мѣста.

Понятія «Богъ», «Христосъ», «Спаситель» встрѣчаются въ книгѣ неоднократно, но преимущественно въ видѣ «случайныхъ» упоминаній въ разговорѣ, свойственныхъ нашему языку, напр.: «ни Вогъ вѣсть», «Богъ знаетъ что». Ни одного разсказа не взято изъ священной исторіи.

Слово «храмъ» употреблено одинъ разъ—въ пословицѣ: «Не строй храмъ, а пристрой сироту» (стр. 27).

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ первой части имѣется 4 проникнутыхъ теплой вѣрой стихотворенія. Это: 1) «Первая борозда» С. Д. Дрожжина; 2) стихотвореніе «Колоколъ къ вечернѣ христіанъ зоветъ...», 3) «Христосъ воскресъ», 4) «На Пасхѣ».

Во всей книгѣ слово «долгъ» упомянуто только 1 разъ, въ пословицѣ: «*долгъ платежемъ красенъ*» стр. 45. Долгъ каждаго гражданина по отношенію къ родинѣ — лишняя вещь. Солдатскій долгъ—тяжкая неволя «точно на смерть иду» говоритъ Л. Толстой, устами русскаго новобранца, въ разсказѣ: «За что я старшаго брата своего любилъ».

Составители книги отводятъ большое мѣсто воспитанію въ дѣтяхъ стремленія къ свободѣ, къ волѣ. Въ предисловіи они сами признаютъ, что часть статей предназначена

„провести идею“ о томъ, что „свобода есть необходимое условіе для личнаго счастья“. Статейки о свободѣ пташекъ, то и дѣло поясняются поговорками: „И крылья есть, да летѣть нельзя“, „Свобода дороже жизни“, „Свитка сѣра, да воля своя“ и т. п.

Эта проповѣдь свободы въ послѣдующихъ книгахъ „Новой школы“ становится еще навязчивѣе. Тамъ уже названіе „Свобода и неволя“ присвоено цѣлому отдѣлу, а такъ какъ не разъясняется нигдѣ, что же это за свобода такая, къ которой дѣти должны стремиться, это видимо предоставлено сдѣлать учителю.

Извѣстное стихотвореніе Некрасова:

Слався, народу
Давшій свободу!
Доля народа,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода
Прежде всего!
Славься, народу
Давшій свободу!

Оставлено безо всякаго поясненія, что рѣчь идетъ о Царѣ-Освободителѣ, давшемъ свободу русскому народу. Остается впечатлѣніе, что „кто то“ далъ свободу, но какую, какому народу—неизвѣстно.

Въ книгѣ не упоминается ни о славныхъ войнахъ Россіи, ни о подвигахъ ея сыновъ на бранномъ полѣ.

О „солдатчинѣ“, какъ о чемъ то ужасномъ, говорится въ двухъ разсказахъ Толстого.

Въ дѣтяхъ умышленно возбуждается преувеличенный страхъ передъ воинской службой и отвращеніе къ ней. Послѣ разсказа „Солдатское житье“ Толстого (стр. 117—121), составители подчеркиваютъ свои антимилитаристическія цѣли постановкой

послѣ разсказа двухъ вопросовъ: 1) Когда семья перестала видѣть нужду? и 2) Почему? Эти вопросы предназначены укрѣпить въ сознаніи дѣтей недоброжелательство къ военной службѣ. Сословная тенденція подчеркивается на каждой почти страницѣ, кстати и некстати. Кромѣ разсказовъ на тему: „кость бѣлая, кость черная“ книга пестритъ побасенками и поговорками въ томъ же духѣ. Напримѣръ, послѣ „Гимна труду“ Беранже, который начинается словами: „Слава Святому труду!“ стоитъ поговорка: „Бѣлыя ручки чужіе труды любятъ“, и все въ такомъ же духѣ.

„Второй части предпослано слѣдующее предисловіе:

„При выборѣ матеріала для перваго отдѣла („Среди людей“) составители руководились стремленіемъ, во-первыхъ, выяснить дѣтямъ тѣ общія понятія, которыя лежатъ въ основѣ правильныхъ, нормальныхъ отношеній людей другъ къ другу; во-вторыхъ, прочно заложить въ воспріимчивой дѣтской душѣ стремленіе къ свѣту, труду, правдѣ, равенству, всеобщему благу. Отдѣлъ этотъ распадается на рядъ подъотдѣловъ, матеріалъ которыхъ группируется около одной общей идеи, выраженной въ заголовкѣ подъотдѣла. Таковы: свѣтъ, трудъ свобода и неволя, семья, жизнь по правдѣ, всѣ люди--братья, мученики за правду“...

Уже изъ этого обѣщанія составителей видно, что устарѣлые идеалы, каковы: Богъ, царь, отечество, долгъ,—не нашли себѣ мѣста въ этихъ книгахъ. Въ отдѣлѣ „Среди людей“, составители производятъ надъ „воспріимчивой дѣтской душей“ свои эксперименты для „прочной закладки“ пролетарской тріединой формулы: „свобода, равенство и братство“.

Если разсмотрѣть, какіе авторы использованы составителями для своихъ цѣлей, то приходится признать, что у всѣхъ русскихъ классиковъ имъ удалось выудить кое-что,

для нихъ полезное. Наиболѣе использованы Л. Н. Толстой, И. А. Крыловъ и Н. А. Некрасовъ.

Эти три автора по числу названій вдвое превосходятъ остальныхъ. Слѣдующими по очереди являются: Гоголь и Лермонтовъ, Гончаровъ, Достоевскій, Засодимскій и Суриковъ. Пушкина помѣщены: „Возвращеніе на родину", „Къ нянѣ" и „На родинѣ" („Въ кругу родныхъ") и „Пророкъ". Послѣднее стихотвореніе поставлено въ подъотдѣлѣ —„За правду" Лермонтова: „Мцыри", „Умирающій гладіаторъ" и „Тучки небесныя", „Дружба" помѣщенная въ отдѣлѣ „Всѣ люди—братья".

У Жуковскаго нашлась для составителей только одна пригодная въ ихъ цѣляхъ вещь—„Епископъ Гаттонъ" („Живи по правдѣ").

Среди другихъ авторовъ, выборка изъ которыхъ сдѣлана по вышеприведенному образцу, фигурируютъ: Григорій Петровъ, В. Г. Короленко, К. М. Станюковичъ, Кизеветтеръ и Рубакинъ.

Уже изъ одного перечня авторовъ видно, что составители не стѣсняются ставить рядомъ съ нашими классиками, писателей вродѣ Сурикова, Рубакина и Гр. Петрова. Однако одни имена не могутъ дать настоящихъ указаній. Даже Гончаровъ, Крыловъ и Достоевскій, умѣло ими использованы для того, чтобы подчеркнуть свои революціонныя идеи. Наиболѣе часто примѣняемый составителями пріемъ—это составленія, параллели. При умѣньи, одно только помѣщеніе рядомъ двухъ, совершенно невинныхъ по содержанію статей, приводитъ юнаго читателя къ извѣстнымъ выводамъ. Примѣръ: (стр. 79) „Какъ учился Обломовъ" и рядомъ „Ломоносовъ".

2) „Филиппъ, митрополитъ Московскій" по Рубакину (стр. 90—95 III ч.). Выведенъ святитель русской Православной Церкви. Однако стоитъ прочесть статью, чтобы убѣдиться, что названіе обманчиво, что центръ тя-

жести статьи не красота мученическаго подвига митрополита Филиппа, но та обстановка, въ которой протекалъ подвигъ. Здѣсь явилась возможность противопоставить святому защитнику народа Филиппу гнѣвный произволъ и жестокость русскаго царя Іоанна Грознаго. Здѣсь оказалось возможнымъ выставить царя Іоанна съ его приближенными въ видѣ кощунниковъ, надругателей надъ вѣрой Православной. Здѣсь, наконецъ, мученичество за правду Филиппа выдвигается на фонѣ малодушія и угодничества всѣхъ остальныхъ іерарховъ и служителей православія.

Въ третьей части имѣется обширный отдѣлъ «Изъ прошлаго нашей родины». Подборъ историческихъ фактовъ изумительный, авторъ или авторы не указаны. Въ этомъ очеркѣ собраны всѣ тѣневыя стороны, всѣ отрицательные факты русской исторіи.

6) „Міръ Божій“ (неизв. авт.) стр. 272—351 ч. III). Кромѣ приведеннаго въ заголовкѣ эпитета „Божій“ въ этомъ отдѣлѣ, описывающемъ правду, нѣтъ упоминанія о Творцѣ вселенной и всякой твари. Читая этотъ отдѣлъ юный читатель долженъ понять, что природа—нѣчто самодовлѣющее:

„Таковъ ужъ міръ—повѣствуетъ авторъ на стр. 351, все въ немъ идетъ, какъ заведенная машина, согласно непреложнымъ законамъ самой природы. Кому жаловаться на это? Рѣшительно некому“.

А на стр. 350, послѣ объясненія эволюціи растеній, какъ результата подбора, или „отборки“ по выраженію, автора.

5) «Джіорнандо Бруно» (III ч. стр. 8689) неизв. авт. повѣствуетъ о борьбѣ мучениковъ за правду Джіорнандо Бруно съ католическимъ духовенствомъ.

6) Въ стихотв. Некрасова «Свобода и трудъ» (III ч. стр. 98) восхваляются раскольники, сосланные «въ страшшую глушь за расколъ» и основавшіе тамъ деревню Тарбогатай.

На стр. 172 III ч. четвертая глава статьи «Тифлисъ» посвящена восхваленію молоканъ.

7) «Какъ образовались земля и планеты» (неизв. авт. стр. 362-63 III ч.) «Десятки милліоновъ лѣтъ тому назадъ,—повѣствуетъ авторъ,—Солнце, земля, луна имѣли совсѣмъ другой видъ,..» И дальше: «...Частью превращаясь въ паръ, частью просачиваясь вглубь земли, вода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ освободила землю, которая подъ дѣйствіемъ живительныхъ лучей солнца, покрылась растительностью, появились на землѣ разнообразныя животныя и, наконецъ, человѣкъ.»

«Картофель» (II ч. стр. 171). Что кажется можно сказать вреднаго, описывая какъ въ Россіи появился картофель? Но Гг. Тулуповъ и Шестаковъ умудряются. Среди разглагольствованій о картофелѣ проскакиваетъ слово парламентъ, а въ выноскѣ объясняется, что «Въ парламентѣ избранные народомъ люди рѣшаютъ дѣла всего народа».

«Цвѣтокъ» Плещеева (ч. II стр. 54).

„...въ окнѣ за рѣшоткой
Тихо качается блѣдный цвѣтокъ...“

Полевые цвѣты зовутъ его къ себѣ въ поле, на солнце, но онъ отвѣчаетъ.

„Я буду цвѣсть для того, кто судьбою
„Солнца лишенъ и полей.
„Я буду цвѣсть для того, кто страдаетъ...
„Узника я утѣшаю одинъ...“

8) „Домой“ Телешова (ч. III стр. 26-33). Восхваляется каторжникъ. Разсказъ относится къ той же категоріи возбужденія сочувствія къ каторжникамъ и бродягамъ.

9) „Свобода и неволя“ Въ этомъ отдѣлѣ узники, каторжники и крѣпостные выставлены страдальцами за идею. Изъ Некрасовскаго стихотворенія „Свобода“ взяты слѣдующія строки, которыя особенно подчеркиваютъ мысль составителей отдѣла:

„Умъ человѣческій тонокъ и гибокъ;
„Знать: на мѣстѣ дѣтей крѣпостныхъ
„Люди придумали много иныхъ
„Такъ!.. но распутать не легче народу“.

10) „Три звѣзды“ Вас. Смирнова (ч. III стр. 111). Какъ было отмѣчено не разъ, составители во всѣхъ трехъ частяхъ хрестоматіи „Новая школа“ настойчиво проводятъ соціалистическія идеи „свобода, равенство и братство“. Но въ разныхъ мѣстахъ эти идеи „прочно закладывались въ воспріимчивой дѣтской душѣ“ вразбродъ. Теперь, на конецъ, составители нашли, что пора „заложить“ ихъ вкупѣ, Стихотвореніе Вас. Смирнова служитъ для этого. Привожу его полностью:

ТРИ ЗВѢЗДЫ.

Средь звѣздъ, сіяющихъ надъ темною землею,
Бросая въ него взглядъ, я новыхъ не ищу.
Сквозь волны черныхъ тучь въ дали сокрытой мглою,
Три вѣчныя звѣзды увидѣть я хочу:
Свободу, Равенство и Братство. что, отъ вѣка
Влекутъ къ себѣ мечты и думы человѣка.

11) „Въ гостяхъ у финскаго крестьянина“. Описывается Финляндія. Тамъ все хорошо, а у насъ дурно.

„Вездѣ были школы, библіотеки, вездѣ были книги, газеты, вездѣ были грамотные люди. Я вспомнилъ наши глухія деревушки и глубоко вздохнулъ. Скоро-скоро и наша деревня будетъ жить человѣческою жизнью“...

12) Отдѣлъ „Изъ прошлаго нашей родины“. Неизв. авт. (ч. III стр. 176-270) представляетъ сплошное возстановленіе дѣтей противъ власти.

Привожу безъ выбора выноску со стр. 209:

„Князю казалось, что это онъ все дѣлаетъ, что это плоды его личной дѣятельности. А если онъ самъ создалъ и устроилъ землю, то она его собственная, и онъ можетъ распорядиться ею, какъ хочетъ.

Князья привыкли поэтому смотрѣть на свои княжесства, какъ на свою полную собственность, которую они сами себѣ заработали, а потому въ правѣ распоряжаться ею, какъ хотятъ: могутъ завѣщать ее, кому хотятъ, отдать въ приданое за дочерью, оставить женѣ.“

АДАМЪ И АНГЕЛЪ.

Авель, сраженный Каиномъ, лежалъ въ крови.

Адамъ стоялъ надъ нимъ въ глубокомъ горѣ. Подошелъ къ несчастному отцу ангелъ рая въ молчаливой задумчивости.

— Это ли образъ того, что ждетъ дѣтей моихъ? Неужели кровь, проливаемая рукою братнею будетъ и впредь осквернять землю?—вопросилъ прародитель.

— Да.

— Какимъ же именемъ назовутъ ужасное зло братоубійства?

— **Войною,**—съ глазами, полными слезъ, отвѣчалъ небожитель.

„Весна идетъ“ П. В. Засодимскаго (ч. II стр. 95). Описывается весна и вдругъ, ни съ того, ни съ сего:

„Крестьяне въ эту пору готовятся къ работамъ. Солдатъ, собираясь въ походъ, чиститъ ружье и собираетъ свою амуницію. Крестьянинъ тотъ же воинъ, только не проливающій ничьей крови".

„Школа" Амичиса (ч. III стр. 78). Отецъ объясняетъ сыну пользу образованія и сравниваетъ школьниковъ съ войскомъ:

„Это войско не проливаетъ крови, не покоряетъ земель, а завоевываетъ себѣ царство знанія, которое открыто для всѣхъ..."

„Севастополь" Неизв. авт. (ч. III стр. 103). Описывается братская могила: „...Вотъ большая „братская могила", въ которой лежатъ 500 человѣкъ, подобранныхъ на полѣ битвы такого то числа. Ихъ имена не обозначены и никому не извѣстны... А между тѣмъ гдѣнибудь далеко, въ глубинѣ Россіи, у каждаго изъ нихъ была жена, была мать, которыя со слезами провожали ихъ, съ болью въ сердцѣ ждали ихъ возвращенія»...

Надо внушить дѣтямъ идею космополитизма и, вотъ, авторъ приступаетъ:

«Татарская дѣвочка и русскій офицеръ» (ч. II стр. 62). Одинъ «Баринъ», русскій офицеръ — попалъ въ плѣнъ къ горцамъ. Его спасла татарская дѣвочка Дина, помогшая ему бѣжать.

Подъ этимъ разсказомъ поставлены слѣдующіе вопросы: «Нравится ли вамъ Дина? Почему? Русская ли она была? А кому она сдѣлала добро? О комъ, тоже не русскомъ, читали вы недавно, который много добраго сдѣлалъ русскимъ людямъ?

На стр. 246—248 описывается «Какъ чинили судъ въ древней Руси». Читаемъ: „Въ судахъ нерѣдко стали рѣшать дѣла не по правдѣ, а смотря по тому, кто больше дастъ судьямъ въ подарокъ... „Смертная казнь, пытки, тѣлесныя наказанія являются въ Судебникѣ обычнымъ воз-

даяніемъ даже не за особо важные проступки... Пытки были очень мучительныя, такъ что подъ вліяніемъ ихъ, люди нерѣдко сознавались въ такихъ преступленіяхъ, какихъ на самомъ дѣлѣ не совершали... Число преступленій росло, еще больше росло взяточничество и неправда на (?) судахъ.. Русскіе люди изолгались, земля была разорена... Произволъ въ судахъ поэтому царилъ страшный"... и т. д.

На стр. 254 говорится о Петрѣ Великомъ: „...у насъ и войско плохо вооружено, плохо обучено, и промыслы и торговля плохо идутъ, и управленіе плохое—воеводы и приказные только взятки умѣютъ брать; въ народѣ невѣжество, суевѣріе. И понялъ онъ, что нужно русскимъ учиться у иноземцевъ, нужно заводить въ Россіи европейскіе порядки и европейское просвѣщеніе".

Какъ заключительный аккордъ во II-ой части (стр. 111) помѣщено стихотвореніе А. Кориѳскаго.

ВЪ ЦАРСТВѢ ХЛѢБА.

. . . . . .
. . . . . .
Сверкаетъ золотомъ пшеницы
Просторъ приволье тучныхъ нивъ:
Богачъ сберетъ ее какъ птицы,
Трудомъ землѣ не возвративъ.
А кто вспахалъ засѣялъ поле,
Кто терпитъ лѣтнюю страду,
Тому въ его смиренной долѣ
Судьба одну даритъ нужду.
Онъ жизнь влачитъ по волѣ неба,
Рабомъ свободнымъ «кулака»...
. . . . . .
. . . . . .

„Великія заботы животныхъ". Неизв. авт. (стр. 322).

«Почти всѣ твари въ животномъ царствѣ живутъ своимъ трудомъ: сами о себѣ промышляютъ и на себя работаютъ. Но есть тамъ и такія, которыя заставляютъ на себя работать другихъ... Словомъ сказать и въ животномъ царствѣ не всѣ живутъ своимъ трудомъ и не всѣ бываютъ сыты отъ трудовъ праведныхъ... Словомъ сказать, присмотрѣться къ животному царству очень стоитъ, тамъ многое идетъ такъ же, какъ и у людей».

І. Козловъ

„Новое Слово“.

А. и В. Сатаровы.

А кто соблазнитъ одного отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ меня, тому лучше было бы, если бы ему повѣсили мельничный жерновъ на шею и потопили его во глубинѣ морской. (Матѳ. XVIII, 6.)

Первая книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ и дома. Всѣ три тома изданы въ 1911 и 1912 годахъ въ Москвѣ товариществомъ И. Д. Сытина.

Трудъ гг. Сатаровыхъ ничто иное, какъ собраніе выдержекъ изъ сочиненій извѣстныхъ писателей и гравюрныхъ воспроизведеній картинъ выдающихся мастеровъ. Забронировавъ себя, такъ сказать, авторитетностью используемыхъ писателей, авторы разбираемой нами книги разсчитываютъ, очевидно, ставить въ положеніе зоила всякаго, кто отважится выступить противъ нихъ въ качествѣ критика. Въ «Новомъ Словѣ» какъ бы, говорятъ они, нѣтъ не единой нашей строчки, и, если кто недоволенъ какимъ либо мѣстомъ этой книги, то вѣдь онъ, оказывается недовольнымъ кѣмъ либо изъ столповъ нашей русской литературы. Критиковать разсказы, помѣщенные въ «Новомъ Словѣ»—значитъ критиковать ихъ авторовъ: Пушкина, Гоголя, Короленку, М. Горькаго и Толстого, Толстого, Толстого...

Конечно все это корифеи, можетъ быть, даже и въ области этической литературы: Мы ихъ оспаривать не будемъ. Наше пока дѣло только провѣрить правильность основной идеи, взятой авторами книги себѣ въ руководство при подборѣ матеріала къ педагогическому чтенію.

Въ такомъ педагогическомъ изданіи, какое сейчасъ передъ нами,—важенъ не выборъ самихъ писателей, или ихъ произведеній; важенъ подборъ, вѣрнѣе сопоставленіе, приводимыхъ въ хрестоматіи литературныхъ выдержекъ. Вѣдь отъ иного сопоставленія не только Пушкинъ и Гоголь, но и самъ Л. Толстой могутъ оказаться неузнаваемыми; отъ иного сосѣдства не только Горькій и Бальмонтъ, но и самъ дѣдушка Крыловъ могутъ оказаться проповѣдующимъ такія не дѣтскія идеи, о какихъ и не помышляли.

И такъ, мы ставимъ себѣ задачей выяснить, какія же идеи господа Сатаровы устами великихъ писателей имѣютъ въ виду внушать своимъ маленькимъ читателямъ.

Но раньше чѣмъ приступить къ выполненію самой задачи мы сперва переведемъ свой взглядъ съ заголовка книги на рисунокъ, украшающій ея обложку. Вѣдь эта обложка—вмѣстѣ и характеризующее книгу живописное къ ней вступленіе прежде всего бросается въ глаза, и, конечно, первою же и запечатлѣвается въ памяти не только школьниковъ, но пожалуй и самого ихъ скромнаго въ познаніяхъ—учителя. Представленіе о «Новомъ Словѣ» у нихъ невольно связывается со стоящимъ неотвязно на обложкѣ изображеніемъ «Великаго Писателя земли Русской» посреди прочей такой нашей писательской мелкоты, какъ Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, и, почему-то, рядомъ съ ними помѣщенный здѣсь же Чеховъ. Помельче этихъ все же еще видныхъ фигуръ—замѣчаются портреты Горькаго Андреева, Карамзина, Гаршина, какого то типичнаго Еврея, Герцена и ужъ за ними слѣдуютъ Жуковскій, Грибоѣдовъ и др. Вовсе мелкою величиною изображенъ Лермонтовъ. Но

это же и не дѣтскій писатель, возразятъ намъ: однако одинаковымъ съ нимъ пигмеемъ изображенъ и самъ дѣдушка Крыловъ, а развѣ это не дѣтскій писатель?

Вся указанная сейчасъ расцѣнка русскихъ писателей ничто иное, какъ наглядное руководство не столько для учениковъ, пожалуй, сколько для ихъ учителя, преподанный взглядъ на всю нашу литературу.

Картина—это грамота неграмотныхъ. Чему же изъ видѣнной нами грамоты научаются, дѣти, едва одолѣвшія букварь? Изъ обложки первыхъ книгъ послѣ букваря дѣти естественно удержатъ въ помяти прежде всего только фигуру Льва Толстого, подавляющую все прочее своею непомѣрною величиною. Обложка третей книжки нѣсколько измѣнена, но смыслъ рисунка остается прежній; и здѣсь въ четверо крупнѣйшій Пушкина гр. Левъ Толстой сидитъ среди нашихъ писателей какою-то кукушкой въ гнѣздѣ малиновокъ.

Впрочемъ, измѣнять рисунка не было, очевидно, надобности. Болѣе удачнаго зрительнаго способа пропагандированія толстовщины въ средѣ дѣтей, кажется, и придумать трудно.

Вступительный рисунокъ прекрасно живописуетъ самое содержаніе дѣтскихъ книжекъ. Какова обложка—такова и книжка. Содержаніе ихъ—это, хотя и тайно подсовываемая читателю, но несомнѣнно толстовщина.

Наши разрушители начальной народной школы идутъ къ своей цѣли тѣми же путями, какъ и разрушители школы во Франціи. Тамъ, во Франціи, главными органами разрушенія являются отдѣлы «Международной Лиги образованія» и «Федераціи учителей». Тоже и у насъ: правда, у насъ страшное дѣло духовнаго изувѣчиванія учащихся дѣтей еще только вначалѣ, но суть опасности таже. У насъ есть еще нѣчто удерживающее бѣду. И робость русской «Лиги

Образованія», и официальное закрытіе въ годы смуты «Федераціи учителей» заставляютъ пока враговъ школы объединяться лишь на культѣ «Великаго учителя земли Русской» и образовывать, нѣкое единое по духу сообщество почитателей нашего яснополянскаго Вольтера. Однако же взглянемъ на отношеніе къ разрушителямъ нашего учебнаго начальства. Вѣдь и оно, слѣдуя французской модѣ,—въ своей сѣти всеобщаго обученія проектируетъ систему постепеннаго учрежденія церковной школы во имя, якобы, избѣжанія вѣдомственной пестроты въ дѣлѣ постановки начальнаго обученія; вѣдь и оно то терпитъ, то допускаетъ, а то и рекомендуетъ для школьнаго употребленія изданія, пропитанныя ядомъ вражды ко всему, что создано семьею, государствомъ и Церковью.

Книжки, о которыхъ мы должны сейчасъ говорить, довольно объемисты: первая въ 160 страницъ стоитъ 30 копѣекъ, вторая въ 190 страницъ и стоитъ 45 копѣекъ, а третья—въ 230 страницъ и цѣна ей 50 копѣекъ. Всѣ онѣ говорятъ о вещахъ совершенно, повидимому, невинныхъ, и притомъ, говорятъ исключительно словами извѣстныхъ нашихъ писателей. Тутъ рѣчь идетъ о семейныхъ и школьныхъ сценахъ, о предметахъ домашняго обихода, о садѣ и огородѣ, о поляхъ, лѣсахъ и рѣкахъ, о сельскихъ работахъ, о временахъ года, о растеніяхъ, животныхъ, о наукѣ, объ анатоміи и даже о чужихъ странахъ и чужеземномъ житьѣ. Идейныя краски кладутся преимущественно на фонѣ описанія природы. Все это прекрасно, однако во всемъ этомъ отсутствуетъ все то, что мы въ изобиліи находимъ въ книжкахъ для школьнаго чтенія, напримѣръ, у Англичанъ, Японцевъ и другихъ національно крѣпкихъ народовъ. Во всѣхъ трехъ томахъ «Новаго Слова» элементъ религіозный и патріотическій строго устраняется въ пользу слащаво проповѣдуемой идеи состраданія и жалости ко всему угнетенному и подневольному.

Мы не встрѣчаемъ здѣсь ни слова о Богѣ, о церкви, о Царѣ, о патріотизмѣ, объ отечествѣ или Россіи. Изъ твореній нашихъ знаменитыхъ художниковъ слова подобраны здѣсь лишь такія мѣста, гдѣ самихъ даже словъ: Богъ, Царь, Отечество, Россія въ прямомъ ихъ значеніи почти вовсе не встрѣчается. На подобное указаніе намъ могутъ возразить въ томъ смыслѣ, что это де вамъ не курсъ русской исторіи или исторіи священной. Хорошо,—отвѣтимъ на это, но это же и не курсъ одной естественной исторіи. Это—книги для чтенія; и почему же ученикъ долженъ быть лишенъ возможности читать въ нихъ что бы то ни было, касающееся одного круга понятій и въ тоже время долженъ быть снабженъ возможностью читать лишь то, что касается понятій круга другого? Ежели авторы книги для чтенія желали держаться одной лишь области естествовѣденія, или природовѣденія,—то и тогда непонятно, почему же ими должны быть изгоняемы со всѣхъ страницъ книги такія понятія, какъ Богъ, Царь, Отечество. Или это понятія по мнѣнію ихъ противоестественныя!?

Авторы «Новаго Слова» слѣдуютъ тому же пріему замалчиванія, или «бойкота» не угодныхъ себѣ идей и темъ, какой такъ широко примѣняется теперь у насъ всею лѣвою печатью. Сперва путемъ замалчиванія утаиваются отъ читателя необходимѣйшія для его освѣдомленности имена, событія, обстоятельства, а затѣмъ, на почвѣ его невѣденія устанавливается система эксплуатаціи его душевныхъ качествъ: его отзывчивость къ чужому горю, его благородная способность возмущаться всякой неправдой и т. п. Представивъ дѣйствительность лишь съ одной и притомъ съ желательной лишь для себя стороны, господа, играющіе на чужомъ настроеніи, толкаютъ обманомъ подготовленаго читателя своего на такой путь мыслей и дѣяній, на какой онъ самъ по себѣ, при обычной освѣдомленности, никогда бы не вступилъ.

Свои книжки гг. Сатаровы строятъ на системѣ духовнаго обмана и обиранія своего маленькаго читателя: они утаиваютъ отъ него то самое, что обязаны были бы ему сообщить первѣе всего.

Богъ, вѣра, Церковь. Всѣ эти слова въ книгахъ гг. Сатаровыхъ явно избѣгаются. Приводятся лишь тѣ литературныя выдержки, гдѣ этихъ словъ не встрѣчается, или гдѣ употребленіе, напримѣръ, слова «Богъ» имѣетъ одно лишь риторическое значеніе: каковы выраженія: «Богъ дастъ», «храни Богъ» и т. п. (стр. 60 книга I.) Замалчиваніемъ всего, что касается области вѣры, ребенку естественно внушается мысль о томъ, будто, о такихъ предметахъ какъ Богъ, Церковь и вѣра говорятъ только на дому, а не въ школѣ, говорятъ неграмотные, а у грамотныхъ есть и другое, о чемъ поговорить. Тутъ легко устанавливаются, какъ бы, требованія хорошаго школьнаго тона... Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ есть упоминаніе даже и о молитвѣ (I книга, страница 100.).

Въ статьѣ «Рыбаки» разсказывается про то, какъ во время бури рыбаки «весла бросили и стали молить Бога чтобы Онъ ихъ спасъ». Тогда одинъ старшій рыбакъ сказалъ: «Что весла бросили? Богу-то молись, а къ берегу гребись». Такъ какъ другого какого либо мѣста о Богѣ и значеніи обращенной къ Нему молитвы вовсе не предлагается дѣтямъ, то одного приводимаго нами указанія, по нашему мнѣнію, недостаточно Мало того, цитированное нами мѣсто приведено по меньшей мѣрѣ гг. Сатаровыми — неудачно и неосторожно. Вѣдь въ разсказѣ «Рыбаки» указывается скорѣе на сомнительность (въ данномъ случаѣ) пользы отъ молитвы, нежели на ея несомнѣнную силу. Конечно, приведенный разсказъ былъ бы умѣстенъ при опроверженіи какого нибудь противника ученія о дѣятельной вѣрѣ, но въ дѣтской книгѣ умѣстнѣе говорить о спасительности молитвы, нежели указывать сразу на ея, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, недостаточность. Правда, и самъ народъ намъ соз-

далъ пословицу: „на Бога надѣйся и самъ не плошай", однако онъ ее употребляетъ не по Сатаровски; онъ не проводитъ такой морали, будто: дѣло спасаетъ, а молитва только мѣшаетъ.

Статья «Вліяніе природы» (по Ключевскому Книга II стр. 188—189.) касается святцевъ церковныхъ и святыхъ угодниковъ. О днѣ Крещенія Господня упоминается только въ пословицѣ: «трещи, трещи—минули водокрещи». 2-го февраля Срѣтеніе: тутъ «зима съ лѣтомъ встрѣчаются».—Чѣмъ замѣчательно Благовѣщеніе 25 Марта? «На Благовѣщеніе медвѣдь встаетъ»... «1 Апрѣля Марія Египетская. Прозвище ея: Марія—пустыя щи»... «21 Мая св. Царя Константина и матери его Елены. Съ Аленой по созвучію связался ленъ: „На Алену сѣй ленъ, на Константинаа огурцы»... «4 Декабря св. великомученицы Варвары. Поговорка: «трещитъ Варюха береги носъ да ухо».

Вотъ какія представленія о святыхъ полезно имѣть только что одолѣвшему букварь ребенку. Иныхъ представленій книги гг. Сатаровыхъ дѣтямъ не даютъ. Покончивъ съ Варюхой авторы школьныхъ чтеній (стр. 189.) замѣчаютъ: «Такъ со святцами въ рукахъ»... великоросъ прошелъ, наблюдая и путая, весь годовой круговоротъ своей жизни." Хороши святцы—нечего сказать. Но вѣдь эти святцы, скажутъ намъ, не Сатаровская выдумка, а слово самой народной мудрости. Мало ли какихъ двусмысленностей и прямого цинизма, отвѣтимъ мы, не создало подъ хмѣльную руку ваше «народное» творчество? Развѣ всему этому мѣсто въ книгахъ для дѣтскаго чтенія? Этотъ «годовой круговоротъ» жизни «народной», заключаемый «святымъ Петромъ Солнцеворотомъ» осуждался еще въ Кіевскія времена прогонителями тьмы полуязыческаго суевѣрія или ученія, рекимыхъ «небѣгласовъ» Теперь самодовольные провозглашатели неоспоримой истины: «ученіе свѣтъ, неученіе—тьма» насаждаютъ, оказывается, какъ разъ то самое, что справедливо осуж-

далось истинными просвѣтителями и воспитателями христіанской Руси,—какъ грубое искаженіе правильныхъ представленій о носителяхъ евангельскихъ идеаловъ. Примѣты и суевѣрія народныя очень любопытны для ученаго изслѣдователя, для какого нибудь Ключевскаго, но едва начавшему читать ребенку не давать иныхъ представленій о св. Маріи Египетской и св. Велико-мученицѣ Варварѣ, какъ только о какихъ-то пустыхъ щахъ и какой-то трещащей Варюхѣ это уже—прямое кощунство и совратительство. Ни Ѳедулъ, ни Никола—не темы для смѣха, шутокъ и прибаутокъ; вѣдь это по ученію нашей церкви—«соль земли»,—живые «образы» тѣхъ добродѣтелей, на коихъ только и стоитъ крещеный свѣтъ. Вѣдь это все, духовные отцы и герои міра христіанскаго. Смѣхотворнымъ о нихъ повѣріямъ—не мѣсто въ книгахъ, назначаемыхъ для воспитанія дѣтей.

«Въ примѣтахъ», говорится въ заключительныхъ строкахъ, «великоросъ отлился весь»... «въ нихъ онъ размышляетъ и наблюдаетъ... и самъ же смѣется *) и надъ своими горями, и надъ своими радостями» И надъ своими героями, и надъ своими родителями, хотѣлось бы поправить лицемѣрныхъ авторовъ статьи, составленной «по Ключевскому». Такое чтеніе болѣе соотвѣтствовало бы внутреннему смыслу всего разсмотрѣннаго нами высмѣиванія народомъ имъ же чтимыхъ святыхъ угодниковъ.

Но если по части «святцевъ» у гг. Сатаровыхъ ничего не находится кромѣ грубыхъ прибаутокъ насчетъ мучениковъ христіанскихъ, совсѣмъ иное отношеніе ихъ замѣчается къ мученикамъ новыхъ идей; тутъ явно замѣчается стремленіе ихъ канонизаціи въ глазахъ ученика и науки, и ея жрецовъ.

Въ статьѣ: «Успѣхи медицины (стр. 215 книга III) говорится такъ: «Медленны и тяжелы были первые шаги

*) Курсивъ нашъ.

науки, но въ настоящее время она достигла такой степени что человѣчество можетъ гордиться ею».

Невольно чувствуется необходимость спросить изобразившаго эти строки торжествующаго всезнайки: что же досюда мѣшало той полнотѣ научнаго знанія, какая, якобы, достигнута только въ наши счастливые дни? Мѣшала, какъ явствуетъ изъ послѣдующаго содержанія статьи—религія.

«Въ древнія времена всѣ религіи занимались лѣченіемъ и предупрежденіемъ болѣзней. Причиной послѣднихъ они обыкновенно считали вліяніе злыхъ духовъ и гнѣвъ боговъ. Какъ средства противъ болѣзней, онѣ предлагали жертвы, молитвы и все, что можетъ успокоить божественный гнѣвъ». И такъ, вотъ въ чемъ выражалось невѣжество язычниковъ? но вѣдь то были язычники. Переходимъ къ вѣкамъ христіанскимъ «XIV вѣкѣ чума унесла почти треть всего населенія Европы. Въ то время не сомнѣвались въ томъ, что она обяаана божественному гнѣву, и собирались въ церквахъ для общихъ молитвъ объ ея прекращеніи, приносили жертвы и бичевали себя въ надеждѣ избѣгнуть ужасную болѣзнь».

Изъ приведенныхъ строкъ ясно, что и въ христіанскіе вѣка ничто не измѣнилось и тутъ господствовало тоже невѣжество, что и въ вѣка язычества: тоже и здѣсь царила вѣра въ то, что повальная смертность—кара Божія за грѣхи, тѣже молитвенныя обращенія къ наказующему Богу,—тѣже жертвы... Но тотъ мракъ, какой не искореняло христіанство, искоренила, оказывается, наука. Теперь—не то, что въ XIV какомъ нибудь вѣкѣ.

«Теперь», читаемъ въ разбираемой статьѣ, «наука установила, что чума не просто губительное заболѣваніе, а зависитъ отъ распространенія маленькаго грибка, открытаго въ 1894 году".

Каковы же были всѣ эти жалкіе чудаки, которые до счастливаго 94 года, а, можетъ быть, и вплоть до прочте-

нія книги гг. Сатаровыхъ, «не сомнѣвались въ томъ, будто, чума обязана своимъ появленіемъ божественному гнѣву и собирались въ церквахъ для общихъ молитвъ»! Они вѣрили, что появленіе чумы зависитъ отъ гнѣва Божія за грѣхи людей и думали отъ нея избавиться молитвою и дѣлами покаянія... и вдругъ оказывается, что чума зависитъ отъ грибка. Чума—грибокъ, а не гнѣвъ Божій. Слава тебѣ наука! Ею ли намъ не гордиться? Учись, значитъ, дитя, по Сатаровски—не молись, а поскорѣе за грибокъ берись; изучай его; въ этакомъ ученіи пользы тьма.

Свѣтлое у́ченіе гг. Сатаровыхъ, впрочемъ, тутъ же омрачается ихъ собственнымъ признаніемъ, что до сихъ поръ еще не найдено наукою средства противъ смертоносныхъ болѣзней: «холеры, чумы...»

Тому же превознесенію свѣта науки надъ «мракомъ» религіи посвящена и статья «Борьба за новое міровоззрѣніе» (III книга, страница 134). Здѣсь рѣчь идетъ о Джіорнандо Бруно. Вотъ выписка изъ текста статьи: «Бруно было тѣсно въ стѣнахъ монастыря, и онъ бѣжалъ. То въ рясѣ монаха, то въ одеждѣ рыцаря, онъ странствуетъ по всей Европѣ, вызывая на бой защитниковъ страны».

Замѣтимъ: старина -вотъ гдѣ врагъ «Новаго Слова». Но будемъ слѣдовать повѣсти.

Бруно «говоритъ передъ царями, передъ толпами ученыхъ и вездѣ сѣетъ дивныя мысли, Его жизнь кончилась печально. Бруно объявили еретикомъ и бросили въ тюрьму. Тамъ онъ провелъ 8 лѣтъ Его убѣждали отречься отъ заблужденій. Наконецъ ему прочли приговоръ: смерть на кострѣ. Ему еще разъ предложили купить жизнь цѣною отреченія».

Какіе злые люди тѣ, что казнятъ добрыхъ еретиковъ, естественно смекаетъ ученикъ. Но отъ этого ученика гг. Сатаровы утаили ту простую истину, что все описуе-

мое событіе происходитъ въ мірѣ той церкви, которая сама впала въ ересь и извратила свое прямое отношеніе къ истинѣ. Отъ него утаили и то, что и самъ Бруно не былъ ужъ такъ невиненъ, какъ его изображаетъ повѣсть. Съемыя «дивныя мысли» цѣнились имъ не только какъ средства, годныя для переворота въ одномъ лишь научномъ міровоззрѣніи, нѣтъ онѣ употреблялись имъ и какъ средства, угрожающія и въ области религіознаго, и соціальнаго міровоззрѣнія эпохи. Защитники угрожаемаго міровоззрѣнія были такими же фанатиками, какими былъ и нападавшій на нихъ самъ Бруно. Въ борьбѣ сильнѣйшими оказались противники новатора—въ этомъ и весь планъ разыгравшейся трагедіи.

«Я умираю мученикомъ добровольно», отвѣчалъ Бруно своимъ врагамъ. Мученикъ науки описуется здѣсь во весь ростъ, а въ какихъ выраженіяхъ сообщались свѣдѣнія юному читателю о христіанскихъ мученикахъ и мученицахъ мы уже видѣли.

«Наступилъ день казни. На одной изъ площадей Рима высится громадный костеръ. Со всѣхъ сторонъ города стекаются туда толпы народа».

«Скоро казнь. Звонятъ колокола». Вотъ на что пригодны бываютъ колокола, узнаетъ читатель. Но идемъ далѣе: «Шумитъ и волнуется несмѣтная толпа народа. Вдругъ все стихаетъ. Осужденный идетъ медленно, съ звенящими цѣпями на рукахъ и ногахъ. Какъ онъ блѣденъ! Но какъ спокоенъ и непреклоненъ! Большіе печальные глаза неподвижно смотрятъ впередъ. Отчего въ нихъ столько жалости? О чемъ онъ жалѣетъ? Не о слѣпотѣ ли этой толпы? и т. д. «Еще мгновеніе и столбъ пламени скрылъ мыслителя отъ взоровъ толпы. Погибъ Бруно, погибли многіе другіе; но всѣ костры въ мірѣ не въ силахъ подавить проснувшуюся мысль».

Если бы смута 1905 года не была сокрушена, а взяла

верхъ, то въ новѣйшихъ изданіяхъ книгъ гг. Сатаровыхъ, послѣ приведеннаго разсказа, навѣрное красовалось бы стихотвореніе: «Вы жертвою пали»... Эти слова такъ сюда и просятся.

Слѣдующая непосредственно за статьей о Бруно—статья «Галилей»: (та же 135 страница книги III-й).

«Католическое духовенство было очень недовольно Галилеемъ, считая мысли его еретическими. Галилея вызвали въ Римъ къ отвѣту. 4 мѣсяца держали въ тюрьмѣ 70-лѣтняго ученаго. Ему предстоялъ выборъ: отреченіе или смерть. Стоя на колѣняхъ и положивъ руку на евангеліе среди толпы духовенства *), Галилей клялся, что оставитъ свое ученіе о движеніи земли и неподвижности солнца, какъ ложное, и обѣщалъ доносить о каждомъ лицѣ, заподозрѣнномъ въ ереси». Говорятъ, послѣ отреченія Галилей топнулъ ногою и воскликнулъ: «А все таки земля движется». И, несмотря на все, Галилей былъ заключенъ въ тюрьму, которая его и свела въ могилу.

Изъ всего приведеннаго не только для ученика, но, пожалуй и для учителя, становится яснымъ, что наука свѣтъ, но, что же тогда представляетъ собою гонящее этотъ свѣтъ христіанство? Что другое какъ не тьму? Не церковь ли, какъ видно изъ приведенныхъ повѣстей, подъ звонъ церковныхъ колоколовъ со своимъ духовенствомъ замучила величайшихъ просвѣтителей человѣчества: Бруно и Галилея? Не на евангеліи ли требовала она отреченія отъ истины? Значитъ, не церковь - хранительница истины, а великіе ученые міра. Описаніе смерти Бруно—ничто иное, какъ изображенный въ поученіе дѣтей апоѳеозъ казнимаго преступника вообще. Казнимые всегда ангелы, мученики, а казнители всегда изверги. Единый столпъ и утвержденіе истины Святая Церковь Христова подмѣнивается въ гла-

*) Курсивъ—нашъ.

захъ дѣтей гражданскими столпами и хранителями научной истины; церковные мученики замѣняются мучениками гражданскими... Поэтически на нѣсколькихъ страницахъ передъ маленькими читателями изображаются образы страдальцевъ за науку, а о мученикахъ чтимыхъ церковью упоминается вскользь при сообщеніи ученику смѣшныхъ повѣрій пріуроченныхъ по днямъ ихъ священной памяти.

„Новое Слово“ ничего прямо не говоритъ ученику начальной народной школы о столь дорогомъ для его народнаго сознанія имени Царя, а то, что скрыто внушаетъ, то совсѣмъ дурно. Въ повѣсти „Царь и избушка (II книга страница 23). разсказывается о Царѣ, который захотѣлъ пріобрѣсти славу справедливаго тѣмъ, что не велѣлъ разорять убогой хижины, виновной однимъ лишь своимъ сосѣдствомъ съ дворцомъ. Достоинство царя выставляется въ число отрицательной добродѣтели. Если царь не чинитъ неправды, то онъ уже славенъ. Творитъ ли онъ что нибудь и положительное? Объ этомъ умалчивается. Въ концѣ повѣсти стоятъ, какъ и повсюду, вопросы, какіе учитель долженъ задать ученику по прочтеніи разсказа: „Скажите, зачѣмъ царь хотѣлъ снести избушку и почему онъ велѣлъ ее оставить“. Отвѣтъ ясенъ: царь хотѣлъ снести избушку потому, что ея бѣднота портила видъ на роскошь его сада и дворца; велѣлъ же царь оставить избушку зачѣмъ, чтобы объ немъ хорошо говорили въ народѣ.

Въ разсказѣ „Незнакомецъ“ (II книга 19 страница) бѣдно одѣтый человѣкъ купилъ у мальчика птицъ и тотчасъ же ихъ выпустилъ на волю. „Зачѣмъ ты это дѣлаешь? недоумѣваетъ удивленный мальчикъ“. „Бѣднякъ отвѣчалъ: Я самъ восемь лѣтъ былъ въ неволѣ, не дышалъ свѣжимъ воздухомъ, не видалъ своихъ родныхъ. Вотъ я и радъ, что могу дать птичкамъ свободу“.

Авторы сборника, приводя этотъ разсказъ, не говорятъ ученику, за что отбываютъ тюремное наказаніе люди; а

вѣдь 8 лѣтній срокъ отбыванія тюремнаго заключенія назначается только тяжкимъ преступникамъ. Можетъ быть, незнакомецъ подобрѣлъ только сидя въ неволѣ, можетъ быть онъ былъ тѣмъ извергомъ, котораго Пушкинъ отмѣтилъ прозваніемъ „сентиментальнаго тигра“. Почемъ знать, можетъ быть онъ отбывалъ долгое наказаніе за то именно, что самъ въ свое время не далъ другимъ дышать воздухомъ и видѣть милыхъ родныхъ... Авторы дѣтской книги всю эту сторону дѣла замалчиваютъ, но строго выполняютъ извѣстную массонскую схему совращенія своихъ жертвъ съ пути истиннаго. Рецептъ такого совращенія слѣдующій: сперва возбудите въ сердцахъ слушателей жалость къ людямъ и даже животнымъ, потомъ вызовите состраданіе у читателя ко всему угнетенному. Затѣмъ вызовите негодованіе противъ угнетателей, и тогда легко уже будетъ вамъ возбудить въ сердцахъ своихъ слушателей неугасимую жажду отмщенія всѣмъ виновникамъ человѣческаго несчастія.

Въ статьѣ „Воръ вору рознь“ (В. И. Даль. Книга II стр. 25.) повѣствуется о томъ, какъ хозяинъ, застигнувъ вора самъ прикинулся воромъ и помогъ отпереть клѣть. Воръ, оказалось, удовольствовался только хлѣбомъ. „Что же ты не берешь прочаго добра?“ спросилъ хозяинъ. „Богъ съ нимъ съ добромъ этимъ! сказалъ воръ. И самъ не возьму, да и тебѣ бы не велѣлъ. Слава Богу, что добрался я вотъ до хлѣбушка; на недѣльку будетъ съ меня и больную жену накормлю, и ребятишекъ. Тутъ хозяинъ открылъ себя вору: далъ бѣдняку всего вдоволь и на прощаніе прибавилъ наставленіе: „впредь, когда будешь голодать по чужимъ клѣтямъ не ходи; а приходи прямо ко мнѣ“.

Этотъ прекрасный разсказъ вызываетъ глубокое состраданіе къ бѣднягѣ вору, но какъ ужаснулся бы авторъ его В. И. Даль, если бы узналъ, куда господа Сатаровы направятъ, вызываемое его разсказомъ доброе чувство у

читателя! А объ томъ, куда они его направляютъ можно судить изъ другихъ разсказовъ. Гг. Сатаровымъ въ сущности не нуженъ воръ-человѣкъ; имъ важно вызвать у бѣднаго маленькаго читателя чувство досады на тѣхъ людей, которые всю радость даруемаго природой простора омрачаютъ, якобы, безцѣльно налагаемою на все и вся печатью неволи.

Вотъ стихи А. Толстого „Колодники" (III книга стр. 36,) „Спускается солнце за степи,

Вдали золотится ковыль,
Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметаютъ дорожную пыль.
Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагаютъ впередъ тяжело...
Поютъ про свободныя степи,
Про дикую волю поютъ,
День меркнетъ все болѣ, а цѣпи
Дорогу метутъ да метутъ.

И зачѣмъ ихъ бѣдныхъ такъ гонятъ и мучаютъ? говоритъ, конечно, про себя маленькій, чуткій читатель и въ отвѣтъ на свой вопросъ со слѣдующей же строчки той же страницы читаетъ «Пѣснюптички» Г. Андерсена (III книга III стр. 36, 37). «Въ тѣсной, крѣпкой тюрьмѣ большого венгерскаго города сидѣлъ бѣдный заключенный. Злые люди заковали его въ цѣпи и бросили въ тюрьму»... Поясненіемъ къ этой повѣсти служитъ рисунокъ „Заключенный" съ картины Н. А. Ярошенко.

И зачѣмъ на свѣтѣ есть злые люди?—снова, конечно призадумывается ребенокъ;—Все бы имъ другихъ бѣдныхъ людей мучить и заковывать. И опять на той же страницѣ (III книга страница 38) онъ снова читаетъ жалобу на неволю. Тутъ помѣщено стихотвореніе «На свободу»:

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой,
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой...

Здѣсь гг. Сатаровы берутъ уже себѣ въ помощники самого Пушкина. Быть вольнымъ, какъ птица и врагомъ стѣснителей—вотъ идеалъ внушаемый школьнику этими воспитателями. Изъ разсказа «Соловей» (II книга страница 61) читатель узнаетъ, что въ неволѣ и соловей не поетъ: «не нужна соловью золотая клѣтка, а нужна зеленая вѣтка». А какъ разъ передъ этимъ (II книга страница 60) посвящены стихи А. Плещеева:

«Я не поставлю западни
Вамъ ни въ саду, ни въ полѣ;
И самъ я знаю хорошо,
Что значитъ жить на волѣ».

Здѣсь мысль та же, что и въ видѣнномъ уже нами разсказѣ «Незнакомецъ» (II кн. 19 стр.). Да вѣдь испытавшіе неволю—бывшіе каторжники—самые добрые люди, невольно умозаключаетъ школьникъ; эти же тюремные сидѣльцы заслуживаютъ и наибольшаго къ себѣ участія.

Цвѣты полевые зовутъ къ себѣ на просторъ тотъ цвѣтокъ, что выросъ за рѣшеткой (разсказъ А Плещеева «Цвѣтокъ» III книга 7 страница), потомъ отвѣчаетъ отказомъ:

Я буду цвѣсть для того, кто страдаетъ.
Узника я утѣшаю одинъ:
Пусть онъ взглянувъ на меня вспоминаетъ
Зелень родимыхъ долинъ».

И здѣсь какъ и въ другихъ произведеніяхъ опоэтизируется не честный гражданинъ, а все тотъ же отбывающій наказаніе преступникъ. Сочувствіе ученика постоянно гг. Сатаровыми переманивается на сторону страждущихъ по тюрьмамъ истинныхъ цѣнителей свободы.

Въ слащавой повѣсти Ѳ. Сологуба «Лучишка» повѣствуется нескладно, но больно жалостливо о томъ, какъ солнце, провинившагося Лучишку въ наказаніе послало свѣтить въ «темную темничку». «Заплакалъ бѣдный лучишка .. побылъ пять минутокъ у бѣднаго заключеннаго въ темной темничкѣ,—кислый, сморщенный. А бѣдному заключенному и то было за великій праздникъ». Бѣдный, бѣдный заключенный, остается въ умѣ школьника, и для чего это все темницы да тюрьмы, суды да законы! Конечно, именно эти мысли имѣетъ въ виду внушать своимъ читателямъ Сатаровская проповѣдь о горькой долѣ невѣдомо за что томящихся подъ стражей бѣдныхъ добрыхъ людей.

Прекрасны слова Гоголя, приведенныя въ статьѣ «Свѣтлое Воскресенье» (III книга 52 страница): „Только въ одной Россіи *) празднуютъ этотъ день такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться"... Но эти слова приводятся лишь для того, чтобы своею авторитетностью прикрыть разсказъ М. Салтыкова (Щедрина), позволяющій авторамъ «Новаго Слова» все повернуть на излюбленную тему о бѣдныхъ узникахъ и ненавистныхъ правительственныхъ тюрьмахъ. Этотъ разсказъ озаглавленъ: „Христосъ воскресъ" (книга II страница 52). «Ужасно я люблю Пелагею Ивановну. Это именно почтеннѣйшая женщина! «Несчастненькими» она называетъ арестантовъ и, кажется, всю жизнь посвятила на то, чтобы какъ нибудь усладить тѣсноту и суровость ихъ заключенія»... Правда, замѣтимъ на это, незлопамятство православнаго человѣка, способнаго въ провинившихся передъ нимъ осужденныхъ видѣть только „несчастненькихъ", по достоинству высоко оцѣнена лучшими отечественными мыслителями и въ особенности Достоевскимъ. Но между этой оцѣнкой и Сатаровскимъ превозно-

*) Это одно изъ немногихъ мѣстъ въ книгахъ гг. Сатаровыхъ, гдѣ попадается самое слово Россія.

шеніемъ всякаго осужденнаго, какъ неповинно обиженнаго «лучшаго человѣка»—великая разница. Народъ не забываетъ о несчастненькихъ ради Христа, а Сатаровы поминаютъ Христа ради того, чтобы бросить злое словечко о загубленныхъ въ тюрьмахъ „лучшихъ людяхъ".

Въ разсказѣ В. Короленко „Старый звонарь" (III книга страница 50) говорится о благовѣстѣ въ Свѣтлое Воскресенье и о звонарѣ для того, чтобы ввернуть сюда такія рѣчи: „Одинъ остался у нихъ сынъ", вспоминаетъ старый звонарь, «надежда и радость и того осилила людская неправда. А вотъ и онъ, богатый ворогъ, бьетъ земные поклоны; торопливо взмахиваетъ онъ на себя крестное знаменіе и падаетъ на колѣни и стукаетъ лбомъ... И кипитъ-разгорается у Михеича сердце, а темные лики иконъ сурово глядятъ со стѣны на людское горе и на людскую неправду»... Это уже не нытье о невѣдомо за что загубленныхъ въ неволѣ бѣднякахъ; это уже призывъ къ мщенію. «Богъ васъ суди, Богъ васъ суди, шепчетъ старый звонарь въ порывѣ негодованія, если не въ безсильной жаждѣ мщенія. Его сердце кипѣло-разгоралось, теперь наступила реакція и старикъ засыпаетъ. Его будятъ и онъ берется звонить. «Никогда еще такъ не звонилъ Михеичъ». Раздается «Христосъ воскресъ» — Михеичъ вспоминаетъ былое и съ его глазъ катятся «двѣ послѣднихъ слезы». Плакалъ ли Михеичъ о невозвратномъ, отнятомъ у него насильникомъ счастьѣ, простилъ ли онъ своему «лютому ворогу» ради радостнаго дня Свѣтлаго праздника? Объ этомъ въ повѣсти—ни слова, а горячія рѣчи обиженнаго богатымъ ворогомъ старика остаются въ умѣ читателя-ребенка.

Изъ всего сказаннаго досюда — ясно, насколько отрицательно «Новое Слово» относится къ долгу государства давать защиту мирнымъ гражданамъ отъ произвола злодѣевъ; оно отрицательно относится къ дѣлу обузданія вся-

кой свободы, всякой воли—даже тогда, когда отдѣльная свобода и воля являются преступными нарушителями свободы и воли всякаго мирнаго гражданина. Столь же отрицательно отношеніе Сатаровскихъ книгъ и къ долгу защиты государственной отъ внѣшнихъ враговъ.

На первой страницѣ третьей книги мы находимъ стихотвореніе А. Майкова (I книга 1 страница):

„Стойте за слабую братію
Дружною плотною ратію;
Родинѣ въ годы невзгодъ
Жертвуйте потомъ и кровію;
Только такою любовію
Живъ человѣческій родъ".

Въ этомъ горячемъ призывѣ къ самопожертвованію поэтъ, конечно, подъ словомъ «Родина» разумѣлъ—отечество: онъ звалъ молодыя силы народа на исполненіе воинскаго долга защиты стариковъ, женщинъ и дѣтей. Но «Новое Слово» даетъ и новый смыслъ словамъ поэта. „Слабая братія" среди общаго тона подобранныхъ гг. Сатаровыми статей получаемъ совсѣмъ новое значеніе, да и слово „Родина" теряетъ значеніе „отечества"—понятія вовсе изгнаннаго со страницъ „Новаго Слова". Все это становится яснѣе для насъ, если мы обратимъ свое вниманіе на помѣщенное на одной съ Майковскимъ стихотвореніемъ страницѣ произведеніе Фруга (III книга стр. 3 и 4) „Свѣтлое будущее". Отсюда ясно, что война осуждается и Майковскія стихи не могутъ имѣть значенія призыва къ исполненію доблестнаго воинскаго долга. Вотъ что пишетъ Фругъ:

„Придетъ пора—исчезнетъ злоба,
Одной ликующей семьей
Подъ знамя свѣта и свободы

Стекутся мирные народы;
И надъ воскреснувшей землей
Утихнетъ гулъ борьбы кровавой
Угаснетъ пылъ вражды навѣкъ
Иною доблестью и славой
Гордиться будетъ человѣкъ.

Правда, и Св. Божіи Пророки предрекали времена, когда люди перекуютъ мечи на серпы, однако при современномъ несовершенствѣ человѣчества они оставались вдохновенными патріотами и благословляли оружіе защитниковъ той святой идеи, какая въ грядущемъ призвана была даровать миръ вселенной.

Актъ любви и самопожертвованія ни на іоту не теряетъ своего значенія отъ того, совершается ли онъ при мирной домашней обстановкѣ, или при обстановкѣ боевой. Церковъ наша благословляетъ дѣло самопожертвованія, гдѣ бы таковое не совершалось. Изъ подобранныхъ и поставленныхъ рядомъ стихотвореній видно, что гг. Сатаровы внушаютъ своимъ маленькимъ читателямъ-ученикамъ не тѣ мысли, на какія мы сейчасъ указывали. Тщетно они пытаются опоэтизировать и облагородить свою пропаганду стоянія за пролетарскую слабую братію обѣщаніемъ такихъ временъ, когда „иною доблестью и славой нежели военной гордиться будетъ человѣкъ".

Человѣкъ неспособный ничего любить другого, кромѣ самого себя, неспособный жертвовать самою жизнью своею для спасенія того, что онъ любитъ и чѣмъ только и живетъ—такой человѣкъ будетъ, конечно, чуждъ какой бы то ни было доблести и славы. „Гулъ борьбы кровавой"—вовсе не вытекаетъ изъ «пыла вражды»: воюютъ вовсе не ради удовлетворенія чувства злобы и вражды, а изъ желанія жертвовать собою для спасенія того, безъ чего самая жизнь теряетъ свое значеніе. Если идетъ на войну право-

славное воинство, то оно идетъ въ рѣшимости „за вѣру, царя и отечество самый животъ свой положитъ“, ибо безъ этихъ свѣтлыхъ идеаловъ самое отечество не было бы для него отечествомъ и духовно ему, какъ гражданину, нечѣмъ было бы жить.

Это ли устами Фруга и другихъ внушаютъ въ чтеніяхъ своихъ школьникамъ и ихъ учителямъ? Нѣтъ, они проповѣдуютъ имъ просто напросто буржуазный антимилитаризмъ, но въ тоже время вовсе не прочь, оказываются при этомъ,—и отъ стоянія «за слабую братію», даже и тогда, если бы пришлось для того идти на пролитіе пота и крови. Антимилитаризмъ и призывъ къ пролитію крови и пота ради отстаиванія меньшей братіи! Что это за логика?

Не призывъ ли это на отстаиваніе пролетарской братіи подъ краснымъ флагомъ—эмблемой кровопролитія?

Въ томъ, что подъ пролитіемъ „пота и крови“ разумѣется авторами дѣтскихъ книгъ не война, а что то другое, можно убѣдиться между прочимъ и изъ извѣстнаго стихотворенія Н. Некрасова:

«Внимая ужасамъ войны»...
. . . . . .
Святыя искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей,
Имъ не забыть своихъ дѣтей
Погибшихъ на кровавой нивѣ...

Въ цѣли помѣщенія этихъ стиховъ не остается мѣста сомнѣнію благодаря пояснительному къ нимъ рисунку, воспроизводящему картину Де ба—Понсона. Передъ нами изображена груда окровавленныхъ тѣлъ. Вотъ впереди лежитъ Колиньи. Тутъ же стоитъ съ обнаженной шпагой въ рукѣ, конечно, Де Гизъ, далѣе виднѣется Карлъ IV, еще далѣе закованные въ желѣзо рыцари; въ рукахъ у передняго изъ

нихъ крестоносное знамя, осѣняющее собою всю кровавую сцену: оно развивается передъ фигурой самого папы... А передъ всею мрачною картиной свѣтлымъ призракомъ стоитъ образъ Іисуса Христа. Подпись подъ картиною гласитъ: «И это мое ученіе!»

Есть ли какая разница между христіанствомъ съ одной стороны и оправдывающимъ всяческія средства ради благихъ цѣлей макіавелизмомъ и іезуитизмомъ—съ другой? Есть ли разница между честнымъ боемъ и предательскимъ ночнымъ ударомъ изъ за угла? Обо всемъ этомъ не говорится въ дѣтскихъ книжкахъ для чтенія, но въ нихъ зато говорится все то, что не можетъ не заронить въ ихъ сознаніе началъ антимилитаризма и антипатріотизма.

Въ виду важности разсмотрѣнныхъ нами сейчасъ вопросовъ не только для дѣтей, но и для господъ современныхъ педагоговъ мы остановились нѣсколько подробнѣе на должной оцѣнкѣ идеи военной защиты и патріотизмѣ. Но, чтобы говорить о патріотизмѣ въ книгахъ гг. Сатаровыхъ, надо перейти къ разсмотрѣнію еще одной развиваемой ими темы. Надо разсмотрѣть, какъ относится „Новое Слово" къ вопросу объ отечествѣ.

Отечество, Россія, русскій народъ. Ни одному изъ понятій соединенныхъ съ этими словами не посвящено гг. Сатаровыми ни единой отдѣльной статьи, да и сами слова эти послѣдовательно обходятся въ школьныхъ книгахъ и замѣняются другими: отечество—родиной русскій народъ—словами великоросъ, малоросъ и т. п. Если слово Россія гдѣ встрѣчается, то развѣ случайно, мелькомъ и удерживаются въ текстѣ только потому, что при всемъ желаніи иной разъ „изъ сказки словъ не выкинешь".

Между словами „Россія", „Отечество" и подмѣняющимъ ихъ словомъ „родина", очевидно существуетъ большая разница. Кто родился, напримѣръ, при нашей миссіи въ Англіи или Америкѣ, тотъ можетъ привязаться къ мѣсту своей

случайной родины, но отечествомъ то его все же останется Россія. Онъ можетъ привязаться къ родному углу, но любить-то какъ свое отечество все таки онъ будетъ не Америку и Англію а свою Россію.

Передъ нами статья Д. Григоровича (II книга стр. 79.). Тутъ трогательно разсказывается о томъ, какъ переселенка, отправляясь въ путь набираетъ себѣ въ платокъ горсти родной земли... Это-любовь, но любовь къ землѣ, къ почвѣ, а вовсе не къ отечеству. Вѣдь мѣняя одну губернію на другую переселенка не покидаетъ Россіи. На сказанное намъ могутъ возразить въ томъ смыслѣ, что простые крестьяне недоразвиты еще до пониманія разницы между почвой и землей-отечествомъ. Можетъ быть, но для того-то и существуетъ школьное образованіе, чтобы не оставлять ихъ въ неразвитости. Учителя и педагогическія книги не могутъ и не должны идти вслѣдъ за безграмотными представленіями обучаемыхъ. Они не должны и *не смѣютъ* говорить ему о какой-то трещащей Варюхѣ, когда обязаны говорить о св. Великомученицѣ Варварѣ, или говорить ему только о почвѣ, когда *обязаны* ознакомить его съ понятіемъ объ отечествѣ-государствѣ.

Статья Н. Никитина „Русь" (III книга стр. 77.) „Подъ большимъ шатромъ голубыхъ небесъ вижу даль степей зеленѣется... И поля цвѣтутъ, и лѣса шумятъ, и лежатъ въ землѣ груды золота"! Что и говорить-золото во многихъ случаяхъ вещь весьма нужная, но все же и золотоносная и цвѣтущая почва—только почва не болѣе. Вѣдь край можетъ остаться цвѣтущимъ и тогда, когда его заберутъ, напримѣръ Японцы или нѣмцы. Здѣсь ширь и приволье и самая златоносность равнинъ останутся прежнія, но останется ли у насъ здѣсь отечество? Объ этомъ всемъ гг. Сатаровы, конечно, умалчиваютъ. „Новое Слово" ничего не говоритъ ученику о любви къ отечеству, къ Россіи, Любовь же къ родному краю, къ родному углу, проповѣду-

емая ими-это чувство чисто зоологическое: это не болѣе, какъ таже привязанность кошки къ родной печуркѣ. Важны не одни родные картины-ланшафты, важны такъ же и родные намъ люди, родное намъ населеніе и родной, основанный на вѣрѣ отеческой весь нашъ бытъ и строй.

Вотъ этого всего книги для дѣтскаго чтенія не касаются, если не считать статьи „Свои и чужіе“ (II книга стр. 176.) Изъ ознакомленія съ нею ученикъ видитъ, что у себя „вездѣ мы встрѣчаемъ не мало разнаго не русскаго люда“. Почему это обстоятельство такъ важно знать ученику, которому ничего не говорилось, да и не говорится о Россіи, какъ единомъ государственномъ цѣломъ? „Всюду“ узнаетъ онъ, „попадаются цыгане, Евреи, Венгерцы, Армяне, Татары“... Все это не лишнѣе знать ученику народной школы, но еще важнѣе было бы ему знать, что же такое сами русскіе, среди коихъ столько мѣста всякимъ другимъ народамъ? Но объ русскихъ сказано только то, „что даже русскій человѣкъ не вездѣ одинаковъ“. Итакъ среди разноплеменности видимой нами и русскіе не представляютъ собою никакого племеннаго единства. Есть части, но нѣтъ у насъ никакого цѣлаго! есть великорусы, Армяне, Бѣлорусы, Татары, Малоросы, цыгане, есть Евреи и т. д. На почвѣ такихъ свѣдѣній даваемыхъ ученику, что же говорить ему о Единой Россіи, о русскомъ народѣ и о русскомъ отечествѣ? Въ пропагандѣ подобныхъ идей гг. Сатаровы усматриваютъ, несомнѣнно, опасность и стараются какъ мы видимъ, предупредить ея возможность всяческими способами.

Однако, если, допустимъ, нѣтъ русскаго народа, какъ единаго племеннаго историческаго цѣлаго, то кто же создалъ и устроилъ Россію. На это даетъ отвѣтъ статья „Лѣсъ степь и рѣка“. (II книга стр. 186). Россію, оказывается, создала ея почва. „Лѣсъ оказывалъ русскому человѣку разнообразныя услуги“. „Степь, поле оказывали другія услуги и клали другія впечатлѣнія“. „Рѣка воспи-

тала духъ предпріимчивости, привычку къ совмѣстному, артельному дѣйствію, заставляя размышлять и изловчаться, сближала разбросанныя части населенія, пріучала обращаться съ чужими людьми".

Конечно, важно умѣть обращаться съ чужими людьми, хотя еще важнѣе поучиться обращаться и со своими близкими; однако все таки не дикій лѣсъ, не дикое поле и рѣка воспитали духъ русскаго народа. Воспитала духъ православнаго русскаго народа его вѣра христіанская.

Этого не хотятъ признать гг. Сатаровы, они объ этомъ молчатъ въ своихъ *„книгахъ для дѣтей"*!

Природные пути приводили людей въ соприкосновеніе, но безъ воздѣйствія вѣры эти соприкосновенія почти всегда оставались враждебными. Мирныя соприкосновенія (напримѣръ русскихъ съ греками) установились съ момента водворенія ученія евангельской любви. Самое это посторинному „братское" „артельное дѣйство" окрѣпло и распространилось, благодаря ученію о Церкви о всеобщемъ во Христѣ братствѣ. Всѣ знаменитыя древне русскія артельныя „Дружины" и „братства" всегоа складывались около какой нибудь сообща чтимой христіанской церкви или святыни. Таково знаменито Новгородское артельное братство „Великаго святого Ивана". Свѣдѣнія о воспитательномъ значеніи нашей церкви, идущаго отъ временъ Первоучителей Славянскихъ и Святого Владиміра до самихъ нашихъ дней утаиваются отъ бѣднаго ученика гг. Сатаровыми. Въ разсужденіи о лѣсѣ, правда, мы встрѣчаемъ что-то и объ отшельникахъ. Но что это такое, мы сейчасъ увидимъ: „отъ конца XIV вѣка, говорится здѣсь, люди, въ пустынномъ безмолвіи искали спасенія души, устремились въ лѣсныя дебри сѣвернаго Заволжья".. Туда по ихъ слѣдамъ направилась и колонизація. Отчего же говорится только объ одномъ сѣверномъ заволжьи? Развѣ въ дѣлѣ населенія дикихъ краевъ на Руси не выполнено? все православное мо-

нашество? Вѣдь Кіевскіе начальники пустынножительства и Преподобный Сергій и всѣ безчисленные распространенныя или по всѣмъ дебрямъ тогдашней Россіи обители это разсадники истиннаго просвѣщенія и культуры, развѣ ихъ небыло до поставленія скитовъ заволжскихъ? Нѣтъ они были, но для гг. Сатаровыхъ важно направить ознакомленіе учениковъ въ сторону скитовъ заволжскихъ потому, что здѣсь они могутъ познакомиться съ раскольничьими скитами и припишутъ все культурное значеніе въ дѣлѣ колонизаціи опять таки „несчастнымъ“, гонимымъ правительствомъ людямъ-сектантамъ.

Итакъ въ разобранныхъ нами книгахъ для класснаго и внѣкласснаго чтенія въ начальныхъ народныхъ школахъ необходимыя и здравыя понятія отъ учащихся дѣтей утаиваются и алчущимъ знанія правды дается вмѣсто хлѣба голый камень. Правда, подъ конецъ вѣка, по слову евангельскому, появятся лжепророки и заставятъ вѣрить лжи, говоря, какъ бы, отъ имени Христа и утверждая: вотъ слова самаго Спасителя. Что же удивительнаго, если въ наши дни возстали лжеучители и обольщаютъ учащихъ и учащихся искусно подбирая слава нашихъ писателей и выставляя ихъ проповѣдниками того, чего тѣ проповѣдывать и не думали. Они поддѣлываютъ смыслъ злоулышленно выхватывая отдѣльные отрывки чужихъ рѣчей и говорятъ: не вѣрьтѣе намъ, но вѣрьте авторитету своихъ великихъ писателей: вотъ чему учатъ не мы а самъ Пушкинъ, Гоголь, Достаевской! Ихъ ли захотите оспаривать?

Теперь особенно важно помнить слова евангелія: Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечей одеждѣ, а внутри суть волки хищные (Матѳ. VII, 15.) Нынче, „тайна беззаконія уже дѣйствуетъ, но дѣйствуетъ скрыто, пока не взято еще отъ насъ начало удерживающее“. (2 Ѳесал. II, 17.) Итакъ будемъ стоять на стражѣ и бодрствовать.

Г. Шечковъ.

„Изъ родной литературы“

Младшій возрастъ. Часть 1-ая и 2-ая.

Составили: Н. Н. Городецкій, П. Н. Дворниковъ, С. А. Дмитріевъ, А. П. Заборскій, Н. В. Касаткинъ, А. Е. Кельковъ, В. К. Крестовъ, М. С. Семеновъ, А. С. Толстой и Н. В. Тулуповъ.

Настоящая работа почтенной коллегіи десяти по праву можетъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди многочисленныхъ учебниковъ и книгъ для чтенія, отравляющихъ нашу начальную школу: подборъ статей и стихотвореній въ обѣихъ книгахъ неприкровенно имѣетъ цѣлью извратить душу ребенка, развивъ въ немъ съ раннихъ лѣтъ рѣзкій, болѣзненный пессимизмъ—т. е. создать ту почву, которая столь благопріятна для выращиванія революціоннаго міросозерцанія.

Вотъ подрядъ первыя стихотворенія и статьи, рисующія деревню: „Эти бѣдныя селенія“ Ф. Тютчева „Родная картина“ К. Бальмонта, (Заключительныя строфы: „И невольно давитъ душу безконечная печаль“) „Родина“ М. Медвѣдева, „Деревня“ Г. Успенскаго, „Крестьянскій дворъ“ Н. Златовратскаго, „Житье-бытье крестьянина“ И. Ники-

тина Начинается: „На дняхъ я зашелъ къ нашему сосѣду. Сердце мое сжалось, какъ я посмотрѣлъ на его горемычное житье". „Въ родной деревнѣ" стихотвореніе С. Дрожжина. Возвратившись въ деревню авторъ находитъ, что: „И только лишь одно другимъ смѣнилось племя, попрежнему нуждой измученныхъ людей").

Уже совсѣмъ кошмарно-мрачными чертами обрисована жизнь города.

„Растеряева улица" Г. Успенскаго, „Подъ мирными кровлями" М.Альбова, „Пожаръ" его же, „Городская улица" Н. Некрасова (248), „На заводѣ" Серафимовича, „Заводъ" Б. Зайцева, „Глухарь" В. Гаршина, (разсказывается какъ постепенно отбиваютъ грудь котельщику-заклепщику) „Плачъ дѣтей" Некрасова:

Колесо чугунно вертится,
И гудитъ и вѣтромъ обдаетъ,
Голова пылаетъ и кружится,
Сердце бьется, все кругомъ идетъ.....
Погоди ужасное круженіе,
Дай намъ память слабую собрать,
Безполезно плакать и молиться,
Колесо не слышитъ не щадитъ...

Дальше—я иду по порядку статей не пропуская „Извощикъ" Успенскаго, „Тоска" А. Чехова, „Коноваловъ" М. Горькаго, «Шарманщикъ» Григоровича, „Городская бѣднота" М. Горькаго, „Старьевщики" его-же, „Каинъ" А. Чехова, „Ночлежка" М. Горькаго, «Тюрьма» В. Короленко и т. д.

Безпросвѣтный мракъ царитъ въ жизни города и деревни!—внушаютъ книги дѣтямъ.

Впрочемъ, и въ сердцахъ людей нѣтъ ничего свѣтлаго и хорошаго—нѣтъ у нихъ ни состраданія, ни жалости. Въ

разсказѣ М. Горькаго „Дѣдъ Архипъ и Ленька“, старикъ внушаетъ внуку: (11 186).

— Сытый человѣкъ—звѣрь. И никогда онъ не жалѣетъ голоднаго. Враги другъ другу сытый да голодный, вѣки вѣчныя они сучкомъ въ глазу другъ у друга будутъ. Потому невозможно имъ жалѣть и понимать другъ друга. И для сытаго нищій, какъ грязь“.....

Впрочемъ и бѣдные хороши, въ особенности питающіеся Христовымъ именемъ. Слѣдующее стихотвореніе И. Бунина вполнѣ опредѣленно разъясняетъ это дѣтямъ.

Идетъ степью слѣпой съ поводыремъ. Показался хуторъ. «Пой чертенокъ!»—говоритъ слѣпой.

Мальчикъ поетъ, нищій басомъ ему подпѣваетъ:

„Въ аду въ огнѣ сгорите

„На пропитаніе сиротъ сотворите.....

Застращавъ такимъ образомъ встрѣченную ветхую старушку, нищій получаетъ съ нея грошъ и продолжаетъ свой путь.

Герои Растеряевой улицы М. Горькаго и глупы, и тупы, бьютъ, увѣчатъ и издѣваются другъ надъ другомъ.

Надо всѣмъ этимъ царитъ жестокій, безсмысленный Рокъ. Въ разсказѣ «То, чего не было», В. Гаршина, (11. 7) собрались въ кружокъ улитка, навозный жукъ, ящерица, гусеница и кузнечикъ и разсуждаютъ о томъ, что такое міръ и въ чемъ цѣль жизни „порядочнаго животнаго“. Навозный жукъ утверждаетъ, что „порядочное животное“ прежде всего должно заботиться о своемъ потомствѣ—въ этомъ его главный трудъ.

— Поди ты, братецъ, со своимъ трудомъ,— возражаетъ ему муравей—попробывалъ бы ты потаскать бревна для казны!.

Кузнечикъ со своей стороны находитъ что, міръ—хорошая вещь, гусеница его въ этомъ поддерживаетъ и т. д.

Въ то время какъ они такъ философствуютъ, проходитъ человѣкъ и давитъ всю компанію сапогомъ.

Прямой выводъ изъ существованія этого безсмысленнаго и жестокаго Рока-случая, царящаго надъ людьми сумѣетъ сдѣлать и ребенокъ: Бога и Его промысла нѣтъ. Выводъ этотъ поддерживается, скорѣе, даже показывается ребенку чрезвычайно искусно подобраннымъ авторами матеріаломъ для чтенья.

Цѣлый рядъ помѣщенныхъ въ книгахъ разсказовъ имѣетъ цѣлью вбить эту мысль въ голову ребенка, вбить съ возможной силой и убѣдительностью, и въ своемъ стараніи авторъ книги мѣстами, положительно таки тѣснитъ статью 73 уголовнаго уложенія, карающую, какъ извѣстно, каторжными работами за хулу на Духа Святаго и отрицаніе Божьяго Промысла.

Среди этой категоріи разсказовъ, на первомъ планѣ, по справедливости, слѣдуетъ поставить разсказъ „Свѣтлая ночь" Алегро*) (1. 380). Въ свѣтлую ночь на Христово Воскресенія, тонетъ среди льдинъ тронувшійся рѣки мальчикъ. Никто не рѣшается идти спасать его. Но вотъ подходитъ босякъ Рыжикъ и берется за этотъ подвигъ: перескакивая со льдины на льдину, онъ добирается съ трудомъ до мальчика, вытаскиваетъ его и доводитъ по льдинамъ до берега. Но въ послѣдній моментъ, почти у самаго берега, самъ Рыжикъ проваливается между льдинами, ударяется головой объ острый край одной изъ нихъ и тонетъ.

„Въ эту минуту съ высокой колокольни раздался первый, торжественный ударъ большого колокола.

„Это былъ послѣдній земной звукъ, который долетѣлъ до замиравшаго слуха Рыжика"—скромно заканчиваетъ авторъ.

---

*) Г-жи Поликсены Соловьевой.

Получается такимъ образомъ пасхальный разсказъ на выворотъ; Свѣтлая ночь несетъ не счастье, миръ и радость, какъ это прежде подчеркивалось въ пасхальныхъ разсказахъ, а нѣчто кошмарно-жестокое по своей несправедливости.

Само собой разумѣется, что разъ надъ вселенной царитъ жестокій и безсмысленный Рокъ, то молитва не нужна, даже смѣшна—во всякомъ случаѣ совершенно безполезна. Въ разсказѣ „Въ бурю" Серафимовича (1. 351) старикъ рыбакъ и его пріемышъ отправляются на лодкѣ въ море. Ихъ застаетъ буря и лодку начинаетъ заливать. Выбрасываютъ весь грузъ рыбы, но это мало помогаетъ, и хотя берегъ уже не далеко, но лодку такъ залило, что вотъ-вотъ она затонетъ. Мальчикъ съ плачемъ молится „Тому старику съ сѣдой бородой, что былъ изображенъ на потемнѣвшей иконѣ въ углу церкви, передъ которой дѣдъ всегда ставилъ свѣчки". Чтобы спасти мальчика, дѣдъ бросается за бортъ и волны уносятъ его въ море, гдѣ онъ и тонетъ. Мальчикъ продолжаетъ молиться. Лодку тѣмъ временемъ заворачиваетъ волной отъ совсѣмъ уже близкаго берега и тоже уноситъ въ море. Гибнетъ и мальчикъ...

Въ разсказѣ «Между своими» К. Станюковича (11 622) заболѣвшій матросъ также, „Каждое утро съ трогательной простотой молилъ Бога, чтобы Господь послалъ ему поправку, но тоже умираетъ. Тоже и въ „Три смерти" Толстого (11 651) гдѣ умирающая въ чахоткѣ усердно, но безплодно молится о выздоровленіи, шепча окружающимъ: „Богъ милостивъ не правда-ли?. Онъ милостивъ и всемогущъ...

Чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе, въ томъ же духѣ, производитъ и стихотвореніе Надсона «Іуда». Въ этомъ стихотвореніи Іуда обращается съ горячею мольбой къ Спасителю о прощеніи и объ избавленіи отъ мучающихъ его укоровъ совѣсти, проситъ объ этомъ въ раздираю-

щихъ душу выраженіяхъ, но прощенія не получаетъ, тогда идетъ и давится (11 373).

Рядъ разсказовъ Л. Толстого, напримѣръ „Два старика“ (11. 633) и нѣкоторые другіе поддерживаютъ въ душѣ ребенка тотъ же взглядъ на молитву. Только Толстой производитъ эту операцію съ душой ребенка не въ примѣръ г.г. Алеггро, Горькому и Оренбургскому, а съ присущей ему художественной мягкостью; не высказываясь прямо противъ молитвы, онъ зоветъ ребенка отъ молитвы къ добрымъ дѣламъ, отъ которыхъ-де получатъ пользу не только онъ, но и другіе люди. Въ упомянутомъ разсказѣ „Два старика“ одинъ изъ нихъ отправляется молиться въ Іерусалимъ, ко гробу Господню и все время пребываетъ въ суетныхъ мірскихъ мысляхъ, безпокоится за свое хозяйство и дѣйствительно хозяйство за время его пилигримства разстраивается. А другой—отказался идти въ Іерусалимъ, занявшись на пути помощью семьѣ бѣднаго крестьянина: душевный покой этого старика, отдавшаго предпочтеніе филантропіи передъ молитвой, не нарушается, чувствуетъ онъ себя необычайно счастливымъ и даже хозяйство его процвѣтаетъ.

Вообще, время вѣры въ Бога и молитва Ему „отошло“— навязываютъ книги ребенку. Въ разсказѣ „Руда“ Бунина (II, 192) говорится о деревнѣ, много десятковъ лѣтъ существовавшей въ степи подъ охраной „Сѣраго голубца — Креста съ трехугольной кровелькой, подъ которой хранилась отъ непогоды Суздальская икона Божьей Матери“. Но степь выпахали, начались голодовки, деревня разбрелась. Затѣмъ открылись на этомъ мѣстѣ залежи руды и здѣсь выросъ промышленный поселокъ, вмѣсто „дикой деревушки“.

„И то, что освящало здѣсь старую жизнь -сѣрый упавшій на землю крестъ, уже забытъ всѣми заканчивается разсказъ. Чѣмъ го освѣтятъ новые люди свою новую

жизнь? спрашиваетъ авторъ.—Чье благословленіе призовутъ они на свой новый, бодрый и шумный трудъ? скромно любопытствуетъ онъ.

В. Короленко уже прямо остритъ по поводу молитвы. Въ разсказѣ „Въ засуху“ (11-12) устами ямщика онъ подсмѣивается:

„Осокинцы молебствуютъ... Бѣда, вѣдь: жаръ, да сухмень... Эхъ, вотъ прежде попъ у нихъ былъ Василій. На счетъ чего прочаго не больно дохваливали, а что касающее дождя—ну, дошлый былъ. Какъ бывало пойдетъ по межамъ—отколѣ возьмется, братцы мои, туча...

Далѣе авторъ и самый крестный ходъ, описываетъ въ такихъ пренебрежительныхъ тонахъ:

„На межѣ дѣйствительно мелькали ризы сельскаго причта, почернѣвшая парча двухъ хоругвей болталась въ въ ясномъ воздухѣ, а пѣніе незатѣйливаго клира, носилось какими то обрывками. Раскатится густая дьяконовская октава и разсыплется горошкомъ гдѣ то совсѣмъ близко, смѣшавшись съ шелестомъ ржи, между тѣмъ, какъ высокая фистула дьячка безпокойно летаетъ надъ березками и будто мечется и кого то ищетъ и зоветъ кого то напрасно. Потомъ все стихаетъ и весь пейзажъ безнадежно томится, будто еще усиленнѣе чувствуется тяжесть бытія...

Въ разсказѣ Н. Успенскаго „Бобыль“ (II, 176) мужикъ Корней, который „Любилъ запѣвать духовныя пѣсни. Во всю глотку бывало оретъ, и стоя съ топоромъ въ сѣнцахъ, глядитъ вверхъ—„бревно хочетъ стащить, а самъ тянетъ: Яко подъ державой“...

Помимо этихъ, такъ сказать популярно-«богословскихъ» разсказовъ въ книгѣ разсѣяно и много другихъ выпадовъ противъ религіи. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ въ «Грозу» (I, 344). Гусева - Оренбургскаго священникъ разговариваетъ съ татариномъ по поводу приближающейся грозовой тучи:

— Большая вода идетъ!—осклабился Абдулка, взглянувъ на тучу.

— Да-а! погремитъ и посверкаетъ... А какъ это по твоему, обернулся онъ къ Абдулкѣ, отчего громъ гремитъ?

Абдулка пожевалъ губами:

— Аллахъ гуляйтъ.

— А можетъ быть Магометъ?

Абдулка подумалъ.

— Можетъ быть... Имъ работать—дѣло нѣйтъ. Мало-мало полежалъ, мало-мало погулялъ...

Такъ какъ почти каждому деревенскому ребенку съ дѣтства приходилось слышать повѣріе о томъ, что громъ вызывается колесницей Ильи-Пророка, что молнія — это Богъ Саваоѳъ или Архангелъ Михаилъ поражающій дьявола, то вполнѣ естественно, что переносъ ребенка „мало-мало полежалъ, мало-мало погулялъ—имъ работать нѣйтъ“ отъ Магомета и Аллаха вполнѣ возможенъ. Нужно думать авторы на это и били, помѣщая этотъ разсказъ.

Въ отношеніи царя, государства, войска и власти, коллегія десяти авторовъ книги стремится навязать ребенку не менѣе „прогрессивныя“ мысли.

Относительно, въ частности царя, приходится отмѣтить, что слово „царь“ встрѣчается на протяженіи тысячи слишкомъ страницъ текста обѣихъ книгъ весьма рѣдко и по преимуществу въ I части — въ нѣсколькихъ басняхъ Крылова (Царь звѣрей, царь птицъ) и въ 3-5 народныхъ и художественныхъ сказкахъ. Во второй части это слово встрѣчается и того рѣже.

Если содержаніе книги столь бѣдно въ отношеніи понятія «царь», то оно удивительно богато въ отношеніи разъясненія дѣтямъ понятій „война“, „войско“ и „военная служба“. Конечно объясненіе это дается въ законченныхъ и чрезвычайно яркихъ анти-милитаристскихъ тонахъ. Въ отношеніи этого анти-милитаризма авторы, подбиравшіе для

книги матеріалъ, мягко выражаясь, прямо-таки распоясались. Вотъ, напримѣръ, въ I части книги разсказъ «Махмуткины дѣти» почтеннѣйшаго Немировича-Данченки (381).

Казаки приводятъ къ двумъ офицерамъ плѣннаго турка. Турокъ оказывается офицеромъ, только что убѣжавшимъ изъ русскаго плѣна и ему грозитъ разстрѣляніе. Изъ разговора съ туркомъ офицеры узнаютъ, что у него большая семья, что онъ бѣжалъ изъ плѣна ради этой семьи и, растроганные они помогаютъ турку бѣжать: его тайкомъ отъ солдатъ, сквозь наши аванъ-посты отпускаютъ на волю. Конечно, здѣсь нарушена военная дисциплина, но для ребенка быть можетъ это еще и не очень будетъ понятно. Но разсказъ густо уснащенъ разговорами «добрыхъ» офицеровъ, которые уже несомнѣнно будутъ понятны ребенку.

. . . . — Тамъ хорошо... А тутъ война эта—проклятіе на тѣхъ кто ее вызвалъ. Кому нужна была наша кровь счастье дѣтей нашихъ?..—разсуждаетъ одинъ изъ офицеровъ.

— Да, кому война нужна? согласился и Иванъ Ѳомичъ.

Далѣе турокъ разсказываетъ о своей семьѣ.

— Совсѣмъ какъ у насъ съ вами Иванъ Ѳомичъ... совсѣмъ какъ у насъ съ вами—бѣгалъ по комнатѣ встревоженный полковникъ.

— Подлое дѣло эта война, полковникъ. Самое подлое...

— Ежели съ этой стороны—точно!—терялся тотъ—но... мундиръ, знаете-ли!.. опять же присяга!.. Да ну, ихъ, всѣхъ къ чорту!..

Впрочемъ, если согласиться съ авторами книги, то военную службу и приходится посылать къ чорту, ибо служба эта ставитъ иногда людей въ необходимость совершать чуть ли ни кощунственные поступки. Объ этомъ, напримѣръ, чрезвычайно убѣдительно размалевываетъ В. Короленко, въ разсказѣ «Подъ свѣтлый праздникъ» (II. 404).

Солдатъ стоитъ на часахъ у тюрьмы. «Онъ не могъ

еще ясно представить себѣ, зачѣмъ онъ здѣсь, въ эту торжественную ночь передъ праздникомъ, съ ружьемъ у стѣны, въ виду пустыннаго поля»...—подкрадывается къ душѣ ребенка авторъ разсказа.

«Но вотъ, невдалекѣ отъ мѣста, гдѣ стоитъ часовой, на гребнѣ стѣны появляется темный предметъ — голова человѣка»... И авторъ приступаетъ къ ловлѣ этой души.

„Радостный гулъ колоколовъ будитъ ночную тишь. Дверь тюремной церкви раскрылась, во дворѣ крестный ходъ. Стройное пѣніе хлынуло волной изъ церкви. Солдатъ вздрогнулъ, выпрямился, снялъ шапку чтобы перекреститься, и... замеръ съ поднятой для молитвы рукой... Бродяга достигнувъ земли быстро пустился къ бурьяну".

Изъ за стѣны въ городъ несутся далеко въ полѣ первые звуки торжествующей пѣсни «Христосъ Воскресе»...

„И вдругъ за стѣной, покрывая все остальное грянулъ выстрѣлъ . . . . . Слабый безпомощный стонъ пронесся за нимъ безпредметною жалобою и затѣмъ на мгновеніе все стихло. Только дальнее эхо пустыннаго поля съ печальнымъ ропотомъ повторяло послѣдніе раскаты оружейнаго выстрѣла"...

Впрочемъ, еще солдаты -куда не шло,—готовы уступить авторы книги—но вотъ офицеры—это ужъ совсѣмъ какіе то изверги.

Въ разсказѣ „Сигналъ" В. Гаршина (I. 391) напримѣръ разсказывается:

Семенъ Ивановъ былъ человѣкъ больной и разбитый. Девять лѣтъ тому назадъ онъ побывалъ на войнѣ; служилъ въ деньщикахъ у офицера и цѣлый походъ съ нимъ сдѣлалъ. . . . . Стоялъ разъ полкъ въ первой линіи; цѣлую недѣлю съ турками перестрѣлка была; лежитъ наша цѣпь, а черезъ лощинку турецкая, и съ утра до вечера постреливаютъ. Офицеръ Семена тоже въ цѣпи былъ; каждый день три раза носилъ ему Семенъ изъ полковыхъ кухонъ,

изъ оврага, самоваръ горячій и обѣдъ. Идетъ съ самоваромъ по открытому мѣсту, пули свистятъ, въ камни щелкаютъ, страшно Семену, плачетъ, а самъ идетъ Господа офицеры очень довольны имъ были, всегда у нихъ горячій чай былъ; вернулся калѣкой". Дальше идетъ описаніе бѣдственнаго положенія семьи этого Семена по его возвращеніи изъ похода калѣкой.

Изволите видѣть: подвергался бѣдный Семенъ ежедневно по нѣсколько разъ смертельной опастности и даже сдѣлался калѣкой, потому что г.г. офицеры желаютъ имѣть горячій чай!

Въ разсказѣ „Въ деньщикахъ" того же Гаршина (II. 410) разсказывается о житьѣ-бытьѣ другого деньщика—Никиты. Оторванный отъ семьи, которая имъ только и держалась, онъ попадаетъ въ деньщики къ молоденькому офицеру. Офицеръ этотъ не умываясь садится пить чай, потомъ цѣлый день валяется въ постели, читая „Ниву" за прошлый годъ и ежеминутно кричитъ:

— Никита!

Никита вбѣгаетъ.

— Гдѣ спички?

Никита подаетъ стоящія около офицера спички, но черезъ минуту снова.

— Никита!.... и т. д.

Даже и ночью офицеръ постоянно будитъ несчастнаго Никиту изъ за пустяковъ.

А въ то время когда Никита занимается утомительнымъ исполненіемъ всѣхъ этихъ пустяковыхъ требованій—домъ его, семья бѣдствуетъ. Какое представленіе о военной службѣ хочетъ внушить авторъ дѣтямъ—совершенно ясно.

Вообще положеніе, если повѣрить автору книгъ, солдата таково что въ разсказѣ въ «Бурю» Серафимовича, мальчикъ, нужно признать совершенно справедливо, ворчитъ на наказавшаго его старика. (I 356).

— Что я ему, сынъ что-ли, или въ солдатахъ у него, что онъ меня лупитъ чѣмъ не попадя!

Въ «Здравомыслящемъ зайцѣ» Салтыкова, лиса, насмѣхаясь надъ зайцемъ и предлагая ему попытаться улизнуть, иронизируетъ, когда заяцъ говоритъ, что это безполезно:

— Глупый! Ежели и не улизнешь, такъ всетаки время проведешь. Дѣломъ займешься, потрафлять будешь — анъ тоски то и убавится. Все равно какъ и солдатъ на войнѣ: потрафляетъ, да потрафляетъ, смотришь анъ и пропалъ.

Общее впечатлѣніе отъ этихъ разсказовъ дополняется множествомъ стихотвореній, рисующихъ ужасы войны и слезы матерей, и раззореніе оставшихся семей.

Въ отношеніи этихъ ужасовъ особенно ярокъ большой разсказъ П. Засодимскаго (II 605) «Отъ сохи къ ружью".

Въ первой части этого разсказа описывается семейное счастье семьи солдата, находящагося въ безсрочномъ отпуску. Затѣмъ появляется указъ о мобилизаціи и разыгрывается раздирающаяся сцена прощанія съ семьей призываемаго Якова.

„Хотя Яковъ въ свое время былъ бравымъ солдатомъ и лихо выкрикивалъ „ура", и „рады-старатся", хотя онъ числился безсрочнымъ, но всетаки прежде всего онъ былъ человѣкъ, семьянинъ, крестьянинъ обросимовскаго общества", поясняетъ разсказчикъ.—«Для солдатскихъ чувствъ время будетъ еще впереди; запахъ ужаснаго дыма и крови не раздулъ еще въ немъ воинственныхъ инстинктовъ. Чувства простыя, человѣческія теперь всецѣло владѣютъ имъ, волнуютъ его и заставляютъ высоко подниматься его грудь».

Дальше идетъ описаніе сраженія:

„Совершалось здѣсь страшное дѣло.... Люди на время перестали быть людьми и становились звѣрями—дикими и злыми. Чудовищно странны и страшны до безобразія были

эти лица съ выраженіемъ то страха, то лютой ненависти и злости; страшны были эти налитые кровью глаза, жилы, напрягавшіяся на вискахъ, раздувавшіяся ноздри, оскаленныя физіономіи, потемнѣвшія отъ порохового дыма и забрызганныя кровью»....

Въ такихъ мысляхъ пытается воспитать нашихъ будущихъ воиновъ книга для начальнаго чтенія „Изъ родной литературы".

Въ отношеніи суда слѣдуетъ отмѣтить наглѣйшій разсказецъ „Шемякинъ судъ". Авторъ, или авторы правда называютъ этотъ разсказецъ „передѣлкой изъ народной сказки", но кажется исключительно изъ скромности. Во всякомъ случаѣ при „передѣлкѣ" эта народная сказка столь сильно была подновлена и приспособлена къ современности, что отъ нея ничего не осталось и сказка—анекдотъ о древнемъ судѣ обратилась въ злую пародію на судъ современый.

Недуренъ въ отношеніи разъясненія дѣтямъ понятія суда разсказъ „Судъ надъ убійцей праведника" А. Чехова Въ обществѣ одинъ изъ бесѣдующихъ начинаетъ возмущаться иными случаями оправданія присяжными засѣдателями завѣдомыхъ негодяевъ и изверговъ. Тогда въ поученіе негодующему, другой изъ бесѣдующихъ разсказываетъ эпизодъ, имѣвшій будто бы когда то мѣсто въ одномъ нѣмецкомъ городѣ. Въ городѣ этомъ жилъ идеальной чистоты и добродѣтели докторъ-благотворитель, котораго населеніе города чуть ли не благотворило. Но нашелся однако среди того же населенія и злодѣй, который звѣрски убилъ и ограбилъ доктора. Когда злодѣя схватили, уличили и начали судить, то, присяжные его, всетаки, оправдали — „Во имя вѣры въ человѣка"—объясняетъ разсказчикъ.

Сіи добродѣтельные присяжные, видите ли, не могли допустить, чтобы человѣкъ могъ пасть столь глубоко, чтобы убить чистаго и хорошаго человѣка ни за что, ни про что.

Все общество конечно, приходитъ въ восторгъ отъ этой „вѣры въ человѣка".

Мелкими выпадами противъ другихъ властей пересыпанъ цѣлый рядъ разсказовъ. Въ одномъ разсказѣ: „становой какъ шваркнетъ", въ другомъ „А становой какъ треснетъ его" и т. д.

Конечно, въ полномъ соотвѣтствіи съ отношеніемъ книги къ религіи и государству, находится и отношеніе ея къ отечеству и русскому народу.

2-я часть книги „Изъ родной литературы" открывается стихотвореніемъ Лермонтова „Отчизна"

«Люблю отчизну я, но странною любовью».

Эту же „странную" любовь къ отечеству, при которой «темной старины завѣтныя преданья не шевелятъ отраднаго мечтанья»—видимо рекомендуютъ дѣтямъ и авторы книги. По крайней мѣрѣ только о томъ нужно думать, что въ обѣихъ частяхъ „Изъ родной литературы" не упоминается ни объ одномъ „темной старины завѣтномъ преданьи"—какомъ либо эпизодѣ русской исторіи.

Впрочемъ, если собрать все то, что рисуютъ дѣтямъ объ ихъ отчизнѣ авторы книги, то пожалуй придется признать, что они шагнули нѣсколько дальше чѣмъ авторъ „отчизны" Въ стихотвореніи какъ бы то ни было „люблю", хотя и „за что не знаю самъ". Авторы же «Изъ родной литературы» изо всѣхъ силъ стараются доказать, что любить не за что.

Обходя совершенно русскій національный вопросъ, ни единымъ словомъ не останавливаясь на историческихъ идеяхъ русскаго народа, народа—богоносца, компанія десяти авторовъ рисуетъ ребенку Россію, какъ мрачный конгломератъ непрерывно грызущихся и давящихъ другъ друга классовъ и сословій, съ болѣе страдающимъ классомъ рабочихъ и крестьянъ внизу и болѣе давящимъ всѣхъ классомъ «баръ»—вверху.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ сословному и классовому вопросу авторы отводятъ въ книгахъ много мѣста и особенно ретиво пользуются здѣсь методомъ параллелей.

Такъ напримѣръ въ I части одно за другимъ помѣщается цѣлый рядъ стихотвореній и разсказовъ, рисующихъ горькую долю крестьянъ. „Въ деревнѣ“ Некрасова, „Внезапное горе“ Никитина, „Несжатая полоса“ опять Некрасова и еще много другихъ плачутъ объ этой горькой долѣ и живописуютъ тотъ единственно поддерживающій крестьянство культъ „полосы кормилицы“, который живетъ въ его сердцѣ. А непосредственно за этими стихотвореніями о „полосѣ“ помѣщено пушкинское стихотвореніе „Осень“, посвященное уже помѣщику:

„Но прудъ уже застылъ, сосѣдъ мой поспѣшаетъ
„Въ отъѣзжія поля съ охотою своей
„И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы
„И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы..

Затѣмъ опять рядъ стихотвореній, посвященныхъ тяжелой, полуголодной жизни крестьянина, а слѣдомъ за ними „Судъ Божій надъ епископомъ Гаттономъ“ Жуковскаго.

Такихъ параллелей многое множество въ книгахъ „Изъ родной литературы“.

Въ разсказѣ „Пріемышъ“ Мамина-Сибиряка крестьянинъ разсуждаетъ:

— Не возьму я въ толкъ, зачѣмъ господа лебедей застрѣлили. Вѣдь и ѣсть не станутъ, а такъ для озорства...

А слѣдующимъ помѣщенъ разсказъ И. С. Тургенева „Перепелка“, разсказъ прелестный самъ по себѣ, но послѣ маминовскихъ предыдущихъ разсужденій способный только подкрѣпить у ребенка убѣжденіе объ «озорствѣ господъ».

Въ этомъ разсказѣ И. С. Тургеневъ, какъ извѣстно, вспоминаетъ свои дѣтскія впечатлѣнія объ охотѣ и между прочимъ говоритъ:

«Когда же раздавался выстрѣлъ, и птица падала, я всякій разъ подпрыгивалъ на мѣстѣ и даже кричалъ, такъ мнѣ было весело. Раненая птица билась и хлопала крыльями то на травѣ, то въ зубахъ Трезора; съ нея текла кровь, а мнѣ все-таки было весело и никакой жалости я не ощущалъ. Чего бы я не далъ, чтобы самому бить куропатокъ и перепелокъ"!

Стихотвореніе Плещеева «Нищій» трактуетъ ту же тему о безжалостности господъ. Мальчикъ-нищій, голодный и полуголый попросилъ милостыню у господина, ѣхавшаго въ каретѣ:

„Но голосъ внутри раздается
„Вотъ я тебѣ дамъ, дармоѣдъ!
„Сурово лакейскія лица
„Взглянули при возгласѣ томъ,
„И жирный господскій возница
„Стегнулъ попрошайку кнутомъ.

«Господа»-помѣщики въ частности не только безжалостны, но они всѣ лѣнтяи и весь ихъ интересъ въ жизни - въ ѣдѣ. Сія мысль блестяще доказывается авторами книги: во II части помѣстивъ цѣлый рядъ разсказовъ изъ трудовой жизни крестьянъ, они иллюстрируютъ помѣщичій бытъ всего лишь тремя разсказами —„Зимній вечеръ въ Обломовкѣ" Гончарова, «Татьяна Борисовна и ея племянникъ» И. Тургенева и „У Пѣтуха" Гоголя.

Въ первомъ изъ нихъ описывается, какъ богатая помѣщичья семья цѣлый вечеръ томится отъ бездѣлья, всѣ вздыхаютъ, ведутъ ненужные скучные разговоры и оживаютъ лишь пры извѣстіи, что ужинъ поданъ; во второмъ героемъ является племянникъ Татьяны Борисовны, ожирѣвшій и опустившійся обжора-художникъ, а въ третьемъ— идетъ разсказъ объ извѣстныхъ гастрономическихъ оргіяхъ Петра Петровича Пѣтуха.

Естественно, что занимаясь только обжорствомъ „господа“ даже видъ имѣютъ совершенно другой, чѣмъ люди трудящіеся. Въ разсказѣ «Чѣмъ люди живы» Л. Толстого живописуется:

„Всталъ Семенъ, поклонился и дивуется на барина. И не видывалъ онъ людей такихъ. Самъ Семенъ поджарый, Михайло—худощавъ, а Матрена и вовсе, какъ щепка сухая, а этотъ, какъ съ другого свѣта человѣкъ: лицо красное, налитое, шея, какъ у быка, весь какъ изъ чугуна вылитый“...

Не только взрослые, но и дѣти помѣщиковъ такіе же безжалостные эгоисты. Въ разсказѣ А. Чехова „Дѣтвора“ играютъ въ лото трое «господскихъ» дѣтей и «кухаркинъ сынъ Митя». Первые двое играютъ изъ алчности, третій—потому что любитъ смотрѣть драку и надѣется, что во время игры всѣ передерутся и только Митя—«мальчикъ съ задумчивыми глазами»—играетъ потому, что любитъ комбинаціи цифръ и размышленія по поводу ихъ. Въ концѣ игры „господскія дѣти грубо оскорбляютъ этого малолѣтняго мечтательнаго философа и онъ ихъ за это бьетъ.

Было бы утомительно останавливаться на всѣхъ выпадахъ противъ „господъ“ вообще, и помѣщичьяго-дворянскаго сословія въ частности, щедро разсѣянныхъ авторами въ ихъ книгахъ. Достаточно сказать, что „господа“ обрисованы столь „ярко“, что ребенку поневолѣ придется отдать всѣ свои симпатіи совершенно спившемуся и опустившемуся босяку изъ разсказа „Товарищи“ М. Горькаго:

- Я братъ Ефимушка, теперь уже не баринъ. Вылѣчился отъ этого...

Какъ курьезъ еще пожалуй можно отмѣтить, что въ книгахъ имѣется всего лишь одна басня Измайлова. И эта басня начинается:

„Ну, кляча скверная... опять ты стала!

. . . . . .

Дворянка! я тебѣ вотъ дамъ"...

Поселивъ въ умахъ ребенка „сознательное" представленіе о „господахъ" авторъ уже не считаетъ необходимымъ особенно много посвящать мѣста характеристикѣ другихъ сословій, довольствуясь въ этомъ отношеніи отдѣльными ремарками. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ „Живой ключъ" Н. Петропавловскаго-Каронина описывается нѣкій богачъ:

«Мѣстныя власти исполняли малѣйшее его желаніе, считая его лучшимъ гражданиномъ; служитель церкви молится за здоровіе его души»...

Но затѣмъ этотъ богачъ притворяется раззорившимся. И тотчасъ же: „Перестали молиться о его грѣшной душѣ, видимо обреченной на всѣ муки ада; мѣстныя власти грозили посадить его въ тюрьму за бродяжество".

Это—мазокъ, рисующій духовенство. А въ разсказѣ М. Горькаго „Городская бѣднота" расцвѣчивается купечество: дѣдъ-старожилъ перечисляетъ внуку мѣстные купеческіе роды и оказывается, что въ основѣ благосостоянія каждаго лежитъ какое либо преступленіе.

Создавая столь «критическое міровоззрѣніе у ребенка въ отношеніи вѣры, государства, военнаго дѣла и отечества, міровоззрѣніе въ сущности чисто анархическое (или по современному—хулиганское) авторы книги видимо сами нашли что нужно дать ребенку нѣчто и положительное и этимъ положительнымъ обрали—любовь къ природѣ и ея красотамъ. Въ книгахъ разсѣяно много статей и стихотвореній, рисующихъ эти красоты, долженствующихъ по мнѣнію авторовъ въ предисловіи развить въ ребенкѣ эстетическое чувство.

Такимъ образомъ, книги „Изъ родной литературы" имѣютъ цѣлью создать намъ поколѣніе не хулигановъ просто, а такъ сказать хулигановъ-эстетовъ.

Насколько необходимо созданіе этого типа нео-хулига-

новъ и насколько стоитъ для этого коверкать и извращать съ ранняго дѣтства душу ребенка—объ этомъ предоставляется судить каждому.

Желая въ основу преподаванія родного языка «положить тщательное и всестороннее изученіе образцовыхъ произведеній словеснаго искусства, построенное на чтеніи сознательномъ, критическомъ и воспитательномъ», вышепоименованныя лица составили и, подъ заглавіемъ «Изъ родной литературы», выпустили свою хрестоматію.

Успѣхъ первой части побудилъ приступить къ изданію второй, заключающей въ себѣ лучшія произведенія тѣхъ русскихъ писателей шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ только что минувшаго вѣка, которые за весьма немногими исключеніями, не находятъ себѣ мѣста въ обычномъ курсѣ нашихъ учебныхъ заведеній, но ознакомленіе съ которыми безусловно необходимо для пониманія многихъ явленій современной русской общественной и политической жизни».

Вотъ эту вторую часть имѣя передъ глазами, къ разсмотрѣнію ея мы и приступимъ.

«Изъ обширнаго литературнаго матеріала пореформенной эпохи», такъ заканчиваютъ авторы свое вступленіе,— «составители хрестоматіи старались выбирать такія произведенія или отрывки ихъ, которые, характеризуя, съ одной стороны, въ самыхъ основныхъ чертахъ творчество того или иного писателя, давали бы возможность съ другой, судить о смѣнѣ настроеній въ «алканіи правды» лучшихъ представителей тогдашняго русскаго общества»...

Первою, элементарною обязанностью составителей всякой хрестоматіи — безпристрастно и добросовѣстно привести выборки изъ главнѣйшихъ писателей такъ, чтобы у читателя образовалось возможно полное представленіе о данномъ литературномъ періодѣ.

Приводимъ списокъ авторовъ, произведенія коихъ помѣщены въ хрестоматіи:

Герценъ, Огаревъ, Тургеневъ, Писемскій, Рѣшетниковъ, Мельниковъ, Островскій, Лѣсковъ, Станюковичъ, Якушкинъ, Терпигоревъ, Нефетовъ, Шевченко, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Омулевскій, Помяловскій, Шеллеръ-Михайловъ, Слѣпцовъ, Левитовъ, И. В. Успенскій, Злотоврат-скій, Маминъ-Сибирякъ, Наумовъ, Петропавловскій-Керонинъ, Салтыковъ-Щедринъ, графъ А. К. Толстой, Минаевъ, Некрасовъ, Полонскій, Плещеевъ, Майковъ, Суриковъ, Жемчужниковъ, Вейнбергъ, Новодворскій, Г И. Успенскій, Саловъ, Астыревъ, Эртель, Альбовъ, Кровчинскій-Степнякъ, Мачтетъ, Виленкинъ-Минскій, Фругъ, Надсонъ, Гаршинъ, Достоевскій, графъ Л. Н. Толстой, Чеховъ и Короленко.

Въ приведенномъ перечнѣ фигурируютъ такіе малоизвѣстные лица какъ Нефедовъ, Петропавловскій-Каронинъ, Астыревъ, поэты какъ Минскій, Минаевъ, Фругъ и Надсонъ, но мы не находимъ Аксаковыхъ, Сергѣя Тимофеевича и его сыновей, Константина и Ивана, ни Каткова, ни Гончарова, ни Болеслава Маркевича, ни К. Н. Леонтьева, ни Фета, ни Тютчева, ни Голенищева-Кутузова.

Нѣтъ, наконецъ, и графа Л. Н. Толстого, ибо нѣтъ отрывка изъ «Войны и Міра», «Анны Каренины» и проч., а тѣ вещи, которыя помѣщены, принадлежатъ къ его второму, сектантскому періоду дѣятельности.

Большинство авторовъ, попавшихъ въ хрестоматію, принадлежитъ къ крайне-лѣвому лагерю и подвизалось въ радикальныхъ органахъ «Современныхъ» и «Отечественныхъ Запискахъ», а изъ немногихъ консервативныхъ выбраны мѣста, соотвѣтствующія общему тону.

Тотъ, кто сталъ бы знакомиться съ русскою литературою по хрестоматіи, получилъ бы о ней понятіе самое одностороннее и превратное.

Вполнѣ законно намѣреніе составителей хрестоматіи

дать читателю возможность судить о „смѣнѣ настроеній въ алканіи правды лучшихъ представителей отечественной литературы“.

Необходимо, однако, чтобы алканіе это было подлинное, т. е. именно то, которое испытывали писатели и которое у нихъ преобладаетъ. Если же составители выберутъ мѣста наиболѣе отвѣчающія ихъ личнымъ стремленіямъ и вкусамъ, получится тоже алканіе, но только ихъ собственное, а никакъ не писателей, которые, лежа въ могилѣ не въ состояніи защитить себя и обличить, творимое съ ними, литературное беззаконіе и шулерство.

Впродолженіи цѣлой жизни работая на литературной нивѣ, писатель переживалъ всякія настроенія и отзывался на различные общественные моменты. Очень естественно, у него найдутся мысли, которыя въ отдѣльности означаютъ одно, а взятыя вмѣстѣ получаютъ значеніе совершенно другое... Изолируя его мысли, можно писателя заставить сказать что угодно: человѣка вѣрующаго представить атеистомъ, государственника—анархистомъ, охранителя святости семейнаго очага—человѣкомъ безнравственнымъ.

Но подобная хрестоматія является уже не хрестоматіею, а крапленою колодою картъ, литературною Аделаидою Ивановною...

Такого рода Аделаиду Ивановну и представляетъ настоящая хрестоматія. Цѣль ея: въ народѣ поколебать вѣру въ Бога, вѣрность Царю, любовь къ отечеству, осквернить святость домашняго очага и разжечь соціальныя страсти.

Отрывки хрестоматіи мы раздѣлимъ на три категоріи: 1) противъ Бога и церковности; 2) противъ Царя и государственнаго порядка; 3) противъ народа—семьи и соціальнаго строя.

1) Противъ Бога:

Подъ эту рубрику предательски подведенъ—кто же? Са-

мый консервативный изъ русскихъ писателей, авторъ романа „Бѣсы", Ѳ. М. Достоевскій.

Въ романѣ „Братья Карамазовы" Достоевскій показываетъ намъ, что безбожіе упраздняетъ нравственность. Нѣтъ Бога—стало быть все можно.

Герой Иванъ Карамазовъ въ Бога не вѣритъ и, по силѣ вещей, кончаетъ тѣмъ, что склоняетъ незаконнаго брата Смердякова убить общаго ихъ отца, Федора Карамазова.

Въ бесѣдѣ съ братомъ Алешею Иванъ ставитъ свой атеистическій тезисъ, на который сама жизнь даетъ возраженіе—антитезисъ.

Въ главѣ „Бунтъ" онъ доказываетъ, что сушествуй Господь Богъ, онъ не допустилъ бы мученій творимыхъ людьми надъ людьми, истязаній дѣтей и пр.

Въ главѣ „Великій Инквизиторъ" онъ проводитъ мысль, что свобода воли хороша для Бога, но не по силамъ людямъ, а, слѣдовательно, не существуетъ отвѣтственности...

Составители хрестоматіи, какъ разъ приводятъ эти двѣ главы, а конца романа, гдѣ онѣ опровергаются, онѣ не даютъ. Такимъ образомъ, Достоевскаго они заставляютъ сказать противоположное тому, что онъ хотѣлъ.

Въ разсказѣ Лѣскова „На краю свѣта" изображается дикарь индѣецъ, который отказывается креститься, но на дѣлѣ оказывается несравненно болѣе христіаниномъ, нежели всѣ крещеные.

Отсюда выводъ, что суть не обряды, а во внутреннемъ содержаніи, а поэтому официальная церковь и всякіе обряды являются ненужными и излишними.

Таже кощунственная тенденція выражена въ разсказѣ Салова „Ѣдетъ". Рѣчь идетъ о посѣщеніи церкви въ глухомъ мѣстѣ архіереемъ. Вся работа священника, попадьи и діакона—сводится къ тому, какъ бы принять и угостить архіерея. Но архіерей отъ угощенія отказался.

2) Противъ Царя.

„Гроза" Островскаго. Въ этой пьесѣ разказывается какъ молодая купчиха Катерина стала жертвою деспотизма тещи своей Кабановой, а Борисъ дяди своего, кузнеца Дикаго. Въ этой темѣ, казалось бы, нѣтъ ничего революціоннаго. Но революціонный характеръ ей придали коментаріи, а, въ особенности, рецензія критика Добролюбова „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ", приведенныя въ хрестоматіи.

Кабанова и Дикой—темное царство или государственность, а Катерина и Борисъ жертвы ихъ — молодая Россія.

Вотъ какъ заканчиваетъ Добролюбовъ столь нашумѣвшую свою рецензію, получившую въ то время значеніе революціоннаго воззванія:

„Точно ли русская живая натура выразилась въ Катеринѣ, точно ли русская обстановка во всемъ ее окружающемъ, точно ли потребность возникающаго движенія русской жизни сказались въ смыслѣ пьесы, какъ она понята нами. Если „нѣтъ", если читатели не признаютъ здѣсь ничего знакомаго, родного ихъ сердцу, близкаго къ ихъ насущнымъ потребностямъ, тогда конечно нашъ трудъ потерянъ. Но ежели „да", ежели наши читатели, сообразивъ наши замѣтки, найдутъ, что точно русская жизнь и русская сила вызваны художникомъ въ „Грозѣ" на рѣшительное дѣло, и если они почувствуютъ законность и важность этого дѣла, тогда мы довольны, что бы ни говорили наши ученые и литературные судьи".

Какое же это рѣшительное дѣло, о которомъ возвѣщаетъ Добролюбовъ? Разрушать темное царство во всѣхъ его видахъ... На кличъ Добролюбова съ кирками и динамитомъ появились новые люди...

Подробно передаетъ хрестоматія романъ Тургенева „Отцы и дѣти":

«Я тогда готовъ буду согласиться съ вами, – говоритъ

Базаровъ опоненту своему Павлу Петровичу Кирсанову, — когда представите вы мнѣ хоть одно постановленіе въ современномъ нашемъ быту, семейномъ или общественномъ, которое бы не вызывало полнаго и безпощаднаго отрицанія.

— Вы все отрицаете,– заговорилъ Николай Петровичъ. или выражаясь точнѣе, вы все разрушаете... Да вѣдь надобно же и строить...

— Это уже не наше дѣло... Сперва нужно мѣсто расчистить,—заявляетъ въ отвѣтъ Базаровъ.

Итакъ ломать старое, вопросъ чѣмъ его замѣнить оставляя открытымъ, вотъ въ чемъ въ двухъ словахъ ученіе Базарова или нигилизмъ.

Но Базаровъ теорикъ революціи. Рѣзать лягушекъ, спорить съ стариками Кирсановыми и флиртовать съ Одинцовою, пока этимъ ограничивается его дѣятельность. Лучшаго ей примѣненія придумать Тургеневъ не можетъ и, чтобы выйти изъ затрудненія, не находитъ иного выхода какъ покончить съ героемъ случайною смертью, заразивъ его трупнымъ ядомъ...

Но Рахметовъ, одинъ изъ героевъ знаменитаго въ анналахъ революціи романа Чернышевскаго «Что дѣлать?», уже не теоретикъ, а человѣкъ дѣйствія...

Всю характеристику Рахметова цѣликомъ приводитъ хрестоматія. Мало того, для большой вразумительности она добавляетъ разборъ этого типа Писарева.

Обращаясь къ проницательному читателю, вотъ какъ возвеличиваетъ Рахметовыхъ Чернышевскій:

«Велика масса честныхъ и добрыхъ, а такихъ людей мало; но они въ ней теинъ въ чаю, букетъ въ благородномъ винѣ; отъ нихъ ея сила и ароматъ; это цвѣтъ лучшихъ людей, это двигатели двигателей, это соль — соли земли».

Совершенно такими же глазами смотритъ на Рахметова и критикъ Д. И. Писаревъ:

«Потребность обижать себя доходитъ у Рахметова до того, что онъ буквально тиранитъ свое тѣло, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему надо испытать, какъ велика его способность переносить физическую боль», въ похвалу герою ставитъ Писаревъ...

Что же это такое?.. Подвижникъ, аскетъ революціи—назовутъ Рахметова революціонеры. Мрачный тупица, фанатикъ, въ свою очередь, назовемъ его мы... Много разъ придется намъ его встрѣтить, когда посѣянное семя взойдетъ и начнутся событія революціи. Онъ будетъ работать на бывшей малой Садовой, въ лавкѣ Кобозева, прокладываетъ подземные ходы подъ полотно желѣзной дороги и кладовыя банковъ.

Съ романомъ Омулевскаго «Шагъ за шагомъ» мы вступаемъ въ область народничества. Герой романа Свѣтловъ развиваетъ своего братишку Владиміра и старается уничтожить въ немъ, навѣянныя средою суевѣрія. Потомъ онъ вмѣшивается въ событія на сосѣдней фабрикѣ, гдѣ между рабочими и директоромъ фабрики происходитъ столкновеніе. Рабочіе смяли казаковъ конвойцевъ, директора и связали ихъ кушаками. Только заступничество двухъ гуманныхъ народниковъ, Свѣтлова и Варгунина, спасаетъ директора отъ расправы толпы...

Во всѣхъ романахъ и повѣстяхъ, принятыхъ хрестоматіею, «политическіе» выставляются въ ореолѣ благородства, а все, что на противоположной сторонѣ, отстаиваетъ интересы государственности; войско, полиція, власти—изображаются въ краскахъ самыхъ черныхъ.

Укажемъ на разсказъ убійцы генерала Мезенцова, Кравчинскаго-Степняка «Долина на Волгѣ». Герой Мурановъ выскакиваетъ изъ поѣзда, въ которомъ на полномъ ходу жандармы его везутъ и находитъ пріютъ у молодой дѣвушки, съ матерью своею живущею въ долинѣ на Волгѣ. Женихъ этой дѣвушки, губернскій чиновникъ Крутиковъ, на

него доноситъ, послѣ чего дѣвушка ему отказываетъ. Поступила она такъ, несмотря на то, что этотъ Мурановъ завербовалъ въ ряды революціонеровъ ея родного брата, который арестованъ.

Цѣлый рядъ картинъ обысковъ взяты изъ очерковъ Салтыкова-Щедрина „Господа Ташкентцы".

Грубость и наглость жандармовъ дѣйствительно возмутительны. За то обыскиваемые отличаются смиреніемъ и кротостью. Такова, напримѣръ, слѣдующая сценка:

— Это кто. Спросилъ я, указывая на нее?

— Это.. моя жена.

— Около ракитова куста вѣнчаны?

— Къ сожалѣнію я не настолько знакомъ съ отечественными былинами чтобы отвѣчать на вашъ вопросъ

— ..Гражданскимъ бракомъ, проклятымъ гражданскимъ бракомъ, говорилъ я, выходя изъ себя.

— Теперь понимаю. Да, гражданскимъ бракомъ.

— Такъ вотъ для нея. Сударыня, какъ васъ.. извольте получить... билетъ.

„Она" наскоро одѣлась и вышла къ намъ. Повидимому, она еще не понимала.

— Что же, возьми, сказалъ онъ.

Но она все еще не рѣшаласъ брать и взорами спрашивала у него, у меня, у всѣхъ разъясненія этой загадки...

Вдругъ черты ея лица начали искажаться, искажаться.. Она поняла.

Изъ поэзіи Некрасова въ хрестоматіи приведены двѣ, посвященныя дѣятелямъ бунта 14-го дек. 1825 г., поэмы: „Дѣдушка" и „Княгиня Трубецкая".

Антимилитаризмъ проводится въ разсказѣ Лѣскова „Человѣкъ на часахъ", въ повѣсти Гаршина „Четыре дня" и въ расказѣ Станюковича „Бѣглѣцъ".

Лѣсковъ разсказываетъ случай, бывшій на самомъ дѣлѣ, или выдуманный, какъ часовой, стоявшій у Зимняго Дворца на часахъ, покинулъ свой постъ, чтобы спасти человѣка. Полиціймейстеръ Кланкинъ, боясь что Государь узнаетъ, что часовой отлучился со своего поста, къ наградѣ представилъ другого, а часового, ради принципа воинской дисциплины, жестоко наказали розгами.

Особенную соль разсказу придаетъ то, какъ въ лицѣ Владыки къ происшествію отнеслась православная церковь..

У Владыки на дому происходила бесѣда..

„..Наказаніе на тѣлѣ,—разсуждаетъ Владыко,—простолюдину не бываетъ губительно и не противорѣчитъ ни обычаю народовъ, ни духу Писанія..

— Но онъ лишенъ и награды за спасеніе погибавшихъ, возражаетъ одинъ изъ гостей.

— Спасеніе погибавшихъ не есть заслуга, но паче долгъ..

Пауза, четки и тихоструй:

— Воину претерпѣть за свой подвигъ униженіе и раны можетъ быть гораздо полезнѣе, чѣмъ превозноситься знакомъ..“

Человѣку сдѣлана вопіющая несправедливость, а пастырь церкви находитъ что въ этомъ никакой бѣды нѣтъ, ибо потерпѣвшій—простолюдинъ и солдатъ. Какой же защиты можетъ ожидать народъ отъ подобныхъ пастырей?

Въ разсказѣ Гаршина „четыре дня“ рѣчь ведетъ раненый, покинутый на полѣ сраженія, а рядомъ съ нимъ лежитъ турокъ.

„Передо мною лежитъ убитый мною человѣкъ. За что, я его убилъ?

Онъ лежитъ здѣсь мертвый, окровавленный. Зачѣмъ

судьба пригнала его сюда? Кто онъ? Быть можетъ у него, какъ у меня есть старая мать и т. д.*)

Поучительно сопоставить разсказъ Чехова «Унтеръ Пришибаевъ" и его же „Человѣкъ въ футлярѣ".. Когда писалъ своего Пришибаева, Чеховъ точно предугадалъ возникновеніе „Союза русскаго народа". Всякаго, кто боясь навлечь на себя непріятности, избѣгаетъ впутаться въ „исторію" и на рожонъ не лѣзетъ, Чеховъ осмѣниваетъ и называетъ „Человѣкомъ въ футлярѣ".. Но унтеръ Пришибаевъ страдаетъ противоположною маніею: онъ смотритъ за порядкомъ. „Не ваше дѣло, говоритъ ему мировой судья,—для этого есть урядникъ, староста, сотскій,—и присуждаетъ его на мѣсяцъ подъ арестъ.

Отсюда выводъ: ратовать за общественное дѣло и ссориться съ властью есть—долгъ гражданина, но тотъ кто, подобно Пришибаеву, мѣшаетъ народу творить на улицѣ безпорядокъ—вмѣшивается не въ свое дѣло, ибо для этого есть урядникъ, староста и сотскій.

Нападать на власть—можно, но помогать ей и защищать ее возбраняется, подъ страхомъ попасть въ Пришибаевы.

Въ романахъ и повѣстяхъ беллетристовъ народниковъ: Слѣпцова, Левашова, Злотовратскаго, Нефедова, Короленко и др. повторяется припѣвъ одинъ и тотъ же: народъ бѣденъ, народъ теменъ и пр,

Но почему народъ бѣденъ и теменъ?

На это даетъ отвѣтъ вся хрестоматія:

Потому что умышленно держатъ его въ бѣдности и темнотѣ эксплоатирующіе его правительство, дворяне и духовенство...

---

*) Въ разсказѣ Станюковича „Бѣглецъ" авторъ сочувственно выставляетъ матроса-дезертира, бѣжавшаго съ военнаго судна, съ цѣлью избавиться отъ невыносимаго гнета русской жизни и на американской почвѣ насладиться свободою.

Въ пріобрѣвшемъ широкое распространеніе разсказѣ В. Г. Короленко «Сонъ Макара» защищается Макаръ передъ Тойономъ, или Всевышнимъ Богомъ, за грѣхи ему назначившимъ своеобразное наказаніе: возить исправника:

— «Онъ не будетъ возить исправника. потому что это неправильно, — протестуетъ на Божье рѣшеніе Макаръ; — трапезникъ гоняетъ мерина, но кормитъ его овсомъ, а его гоняли всю жизнь и овсомъ никогда не кормили.

— Кто тебя гонялъ? спросилъ Тайонъ съ сердцемъ.

Да его гоняли всю жизнь! гоняли старосты и старшины, засѣдатели и исправники, требуя подати; гоняли попы, требуя ругу; гоняли нужда и голодъ. Скотина идетъ впередъ и смотритъ въ землю, не зная куда ее гонятъ... И онъ также... Развѣ онъ зналъ, что попъ читаетъ въ церкви и за что идетъ ему руга? Развѣ онъ зналъ, зачѣмъ и куда увезли его старшаго сына, котораго взяли въ солдаты, и гдѣ онъ умеръ, и гдѣ теперь лежатъ его бѣдныя кости? Говорятъ онъ пилъ много водки. Конечно это правда: его сердце просило водки...

Хорошо! Но развѣ это была водка? Три четверти было воды, и только одна четверть настоящей водки, да еще настой табаку»...

Революція есть стремленіе освободиться отъ культуры и вернуться въ дикое состояніе, какъ опредѣляетъ революцію Тэнъ.

Совершенно къ тому же стремится въ поученіяхъ своихъ графъ Л. Н. Толстой.

Въ разсказѣ «Бесѣда досужихъ людей» всѣ собираются жить по правдѣ, другими словами, бросить семью и уйти изъ общества, но всѣмъ что нибудь мѣшаетъ...

— „Женатымъ,—скорбитъ объ этомъ авторъ, — нельзя жену и дѣтей переламывать, а надо жить не по Божьему, а по старому. А старикамъ не къ чему начинать, и не

привыкли они... Выходитъ, что жить хорошо никому нельзя, только поговорить можно".

Замѣчательно, что въ литературѣ «направленскаго» характера на пьедесталъ возводится «жидъ». Такъ въ разсказѣ Мачтета выставляется идеализированный видъ еврея Гутвейсъ, который лѣчитъ христіанъ — погромщиковъ. Въ драмѣ Чехова «Ивановъ» жертвою христіанскаго общества является еврейка, Анна Петровна, урожденная Сарра Абрааза...

Почему понадобились идеализировать «жида»? Потому что жидъ означаетъ, по отношенію къ христіанской культурѣ, «отрицаніе», а слѣдовательно совпадаетъ съ программою всеобщаго разрушенія Базарова. А что самъ по себѣ, въ отношеніи еврейства, жидъ глубокій консерваторъ и націоналистъ, объ этомъ сознательно умалчивается.

Хрестоматія заканчивается символическими «Огоньками» В. Г. Короленко:

«..Много огней и раньше и послѣ манили неодного меня своею близостью. Но жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но всетаки, всетаки впереди огни»...

Что это за огни—поясненія не требуетъ.

Взрывчатое вещество создается изъ различныхъ элементовъ, изъ которыхъ многіе, отдѣльно взятые, невоспламеняемы и безопасны. Въ соединеніи, при ударѣ, они возгораются и представляютъ страшную, разрушительную силу.

Многіе разсказы и стихотворенія сами по себѣ, какъ будто бы невинны, но подобранные и освѣщенные соотвѣтствующимъ образомъ, они образуютъ сводъ положеній и доктринъ революціи.

Хрестоматія «Изъ родной литературы», это—отвѣчающая на всѣ вопросы жизни и духа революціонная энциклопедія, брошенная въ народную массу идейная бомба.

«Невозможно не придти соблазнамъ, говоритъ Писаніе,— но горе тому черезъ кого они приходятъ. Лучше было бы ему, если бы мельничный жерновъ повѣсили ему на шею и бросили его въ море, нежели чтобы онъ соблазнилъ одного изъ малыхъ сихъ». (Лука, гл. 17).

Охранять народъ отъ соблазновъ —есть первая и важнѣйшая обязанность правительства.

Единственный способъ исполнить эту обязанность, по нашему убѣжденію, это учебники и книги для народнаго чтенія объявить государственною монополіею.

Ю. Карцовъ.

«БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ШКОЛЪ И САМООБРАЗОВАНІЯ».

„Среди тайнъ и чудесъ".

РУБАКИНА. Изданіе иллюстрировано.

ГЛАВА I.

Среди чудесъ и таинственныхъ силъ.

«Какія великія чудеса совершаются великими грѣшниками».

Начинается глава такъ: «Въ 60 году послѣ Рождества Христова случилось удивительное событіе: Веспасіанъ, римскій императоръ, убійца и гонитель христіанъ, совершилъ чудо. Такое чудо, какое могутъ совершать, по словамъ вѣрующихъ, лишь самые настоящіе чудотворцы - святые, угодники божіи» (съ маленькой буквы). Дальше оказывается, что къ Веспасіану пришелъ слѣпой и слезно умолялъ императора, чтобы тотъ «удостоилъ плюнуть ему прямо въ глаза». Потомъ пришелъ разслабленный и просилъ «потоптать его хорошенько подошвой своей императорской ноги». «Императоръ снизошелъ къ ихъ просьбамъ: слѣпому онъ плюнулъ въ лицо и въ глаза, а разслабленнаго потопталъ, какъ слѣдуетъ. И больные исцѣлились».

Дальше говорится, что кромѣ Веспасіана совершалъ чудеса и французскій писатель Гельго, и французскій король Робертъ, сынъ Гуго Капета, «человѣкъ весьма грѣшный и жестокій». «Онъ былъ грабитель, клятвопреступникъ и развратникъ. И все это не помѣшало ему совершить чудо».

Среди множества чудесъ

«Въ старинныхъ дохристіанскихъ и христіанскихъ книгахъ разсказывается множество чудесъ».

Слѣдуетъ длинный перечень чудесъ. Пародированье христіанскихъ чудесъ крайне цинично. Разсказывается, какъ въ Капуѣ: «волосы у нѣкоторыхъ козъ стали шерстью, одна курица превратилась въ пѣтуха, а пѣтухъ въ курицу». Это написано въ книгѣ «Исторія Тита Ливія».

Дальше разсказывается, какъ было такое чудо въ Римѣ: „Однажды какой то быкъ залѣзъ на третій этажъ дома, а другой быкъ на всемъ ходу закричалъ: „Римъ берегись!"

Приводятся выдержки изъ Гомера, свидѣтельствующаго о «чудесахъ». Будто бы «Фриксовъ баранъ и коровы на Олимпѣ начали пророчествовать». А въ царствованіе Тарквинія «заговорила собака». Дальше слѣдуетъ:

„Но еще больше разсказовъ о чудесахъ встрѣчается въ книгахъ, написанныхъ католическими писателями». (Католики тутъ—для отвода глазъ). «Говорили, что въ Бургосѣ, въ Испаніи, у Христа, изображеннаго на распятіи, каждую недѣлю приходилось стричь волосы, потому что они у него такъ быстро отрастали. Разумѣется, монахи благочестиво стригли Христа, а волосы его продавали по высокой цѣнѣ. Еще говорили, что благодаря статуѣ Богородицы въ Сарагосѣ, у одного безногаго отросла нога».

Затѣмъ глумливо разсказывается, какъ одинъ монахъ пустынникъ далъ обѣтъ никогда не умываться. Но вотъ пришлось ему переходить рѣку и онъ остановился на берегу, не желая нарушить обѣта. «Но тутъ то и свершилось чудо. Видя отчаяніе благочестиваго монаха, явился къ нему ангелъ и перенесъ его черезъ рѣку. Монахъ не помылся и на этотъ разъ».

Дальше въ старину—больше чудесъ.

Объясняется, что чѣмъ болѣе дики и первобытны были люди, тѣмъ болѣе вѣрили въ чудеса. Простыя явленія природы они принимали за чудо: «Считалось, что все происходитъ не само собой, а благодаря вмѣшательству какихъ либо сверхъестественныхъ силъ».

Описываются вѣрованія древнихъ Египтянъ и другихъ народовъ. Заключается разсказъ такъ: «И это было у всѣхъ народовъ. Люди отдавали небывальщинѣ даже свою жизнь. И все это дѣлала вѣра, слѣпая, нелѣпая вѣра въ сверхъестественныя силы и въ чудеса. И вездѣ эта вѣра, какъ водится, причиняла великое множество зла. На такой вѣрѣ держались какіе угодно нелѣпости, ужасы и несправедливости».

Остатки старинныхъ вѣрованій существуютъ у всѣхъ нынѣшнихъ народовъ.

Описавъ всѣ эти остатки вѣрованій, авторъ заключаетъ: „Великое множество самыхъ странныхъ и нелѣпыхъ вѣрованій встрѣчается и у русскихъ крестьянъ".

Вѣрѣ въ чудеса сильно помогаетъ незнаніе и темнота.

Авторъ въ этой главѣ сильно огорчается, что вѣра держится у тѣхъ людей, «у которыхъ въ головѣ мало точныхъ и достовѣрныхъ знаній и кто не способенъ ни понимать, ни разсуждать».

Послѣ этого слѣдуютъ „разоблаченія" библейскихъ и другихъ чудесъ. Разоблаченія основаны на естествовѣдѣніи. Объяснивъ каменные дожди, авторъ «разоблачаетъ»: «Подобно этому вовсе не чудо и манна, падающая въ пустыни.

Это просто—лишайникъ, съѣдобная леканора, которая въ Аравійской пустынѣ появляется столь неожиданно, что евреи и вправду дивились и спрашивали: «манну?» (т. е. что это?) Случается, что вѣтеръ подхватываетъ и переноситъ плоды и растенія на десятки верстъ и они падаютъ съ неба».

По этому же образцу идутъ и другія разоблаченія чудесъ. Объясняется превращеніе воды въ кровь, (присутствіемъ маленькихъ красныхъ червячковъ), огненный дождь, кометы, видѣнія райскихъ садовъ, т. е. миражъ въ пустынѣ, радужные круги и вѣнцы вокругъ человѣка. Авторъ по этому поводу говоритъ: «Когда то считались чудесами и небесными знаменіями золотые кресты на небѣ. Между тѣмъ это попросту радуга».

Разбирая казни египетскія, авторъ объясняетъ ихъ естественными явленіями и восклицаетъ: «И отъ всѣхъ этихъ бѣдствій и при Моисеѣ, и понынѣ, больше всего страдаетъ бѣдняга, т. е. трудящійся народъ, на которомъ держится все государство. Но неужели же народныя бѣдствія не простыя явленія природы а чудеса, произведенныя сверхъестественной силой? Въ такомъ случаѣ, почему они обрушились на трудящійся народъ, а не на виновнаго фараона?"

Какъ чудеса зупугиваютъ людей.

Оказывается, что кромѣ невѣжества, вѣру въ чудеса поддерживаетъ еще и страхъ передъ неизвѣстнымъ и непонятнымъ.

Какъ люди видятъ то, чего нѣтъ.

«Подъ вліяніемъ страха и удивленія человѣкъ вполнѣ искренне можетъ искажать самыя обыкновенныя событія». Слѣдуютъ двѣ страницы объясненій и примѣровъ.

Какъ непонятное объясняютъ еще болѣе непонятнымъ.

Рѣчь идетъ о громѣ. Люди не знаютъ отчего происходитъ громъ и: «не умѣя иначе, объяснили грозу вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ. Греки говорили, что это дѣйствуетъ Зевесъ, древніе германцы, что это богъ Торъ, древніе славяне—что это Перунъ. Потомъ стали говорить, что это Илья-Пророкъ ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ. Существуетъ даже молитва, въ которой о громѣ и молніи говорится какъ о чудесахъ: „святъ, святъ, святъ, сѣдяй во грому, обладавый молніями, проливый источникъ на лицо земли. О Владыко, страшный и грозный! Самъ суди дьяволу, а насъ грѣшныхъ спаси и проч.“. „Такое объясненіе грозѣ даетъ вѣра. Здѣсь говорится, что она происходитъ отъ сверхъестественныхъ силъ. Но они то сами что такое? Говорятъ, они дѣйствуютъ по своему произволенію. Но развѣ ихъ произволенія понятны? Что же это за объясненіе? Это просто затменіе».

Грубѣйшая передержка, ибо приведенная выше молитва совсѣмъ не есть объясненіе грозы.

Какъ люди оправдываютъ самихъ себя, вѣря въ нелѣпости.

Смыслъ этого подзаголовка въ слѣдующемъ разсужденіи: „Если бы не было нелѣпымъ то, во что я вѣрю, такъ я принялъ бы это на основаніи моихъ разсужденій. А вотъ, чтобы считать истиной нелѣпость, для того нужна вѣра». Дальше, рѣшивъ, что дѣло человѣческаго разума исправлять заблужденія, происходящія отъ вѣры, авторъ опять даетъ рядъ разоблаченій различныхъ чудесъ, объясняя ихъ естественными явленіями природы.

ГЛАВА II.
Какъ поютъ и говорятъ камни.

Въ этой главѣ говорится о поющей статуѣ Мемнона. «Чудо» объяснилось тѣмъ что роса, испаряющаяся отъ солнца, производила въ нижней части статуи трещины, которыя разрывая камни, производили звуки, принимаемые за стоны. Стоны эти были каждый день, рано утромъ. Статуя пѣла болѣе сотни лѣтъ. По этому поводу авторъ дѣлаетъ такія размышленія:

«Прошли года, въ Египтѣ и въ Греціи распространилась вѣра христіанская, прежніе боги вышли изъ головы и изъ употребленія. Вмѣсто нихъ, тѣ же самые люди стали вѣрить въ другого Бога, единого въ трехъ лицахъ, въ Троицу, а своихъ прежнихъ боговъ стали считать діаволами. И дѣла прежнихъ боговъ звали «бѣсовскими». Такая перемѣна случилась сама собой, незамѣтно и даже очень просто. Пѣніе статуи хотя по прежнему считалось «чудомъ», но не божескимъ, а бѣсовскимъ. Оно и понятно. И боги и бѣсы—силы сверхъестественныя. Развѣ одна изъ этихъ силъ понятнѣе, чѣмъ другая? Вовсе нѣтъ. И дѣянія этихъ силъ непонятны. Значитъ вся суть только въ томъ, какую силу какъ называютъ и за что считаютъ ее. А названія этимъ силамъ даются самими же людьми. Названіе—слово т. е. звукъ. Сегодня называй чудесное явленіе бѣсовскимъ завтра божескимъ, тамъ опять бѣсовскимъ—не все ли равно? Вѣра остается вѣрой и заставляетъ человѣка вѣрующаго принимать безъ провѣрки все, что угодно. Вѣра въ чудеса не могла покачнуться отъ перемѣны языческаго вѣроисповѣданія на христіанское. Сколько ни мѣняй вѣру, на вѣру, какъ нелѣпость на нелѣпость, все равно, такимъ способомъ до правды не дойдешь".

Но довольно! Приведенная выдержка находится на 43-ей Страницѣ книжки, а всѣхъ страницъ въ ней 248. На протяженіи 7-ми большихъ главъ идутъ подобныя „разоблаченія“, снабженныя многими рисунками. Перебравши всѣ чудеса, авторъ заявляетъ, что «вокругъ и внутри насъ — одна природа». Подробно объяснивъ всемірный потопъ и многія другія библейскія событія, онъ говоритъ: «Что думаютъ народы о томъ, кто причинилъ всему человѣчеству зло? (т. е. потопъ)». Приведя затѣмъ то мѣсто изъ библіи, гдѣ говорится о потопѣ, онъ подчеркиваетъ «Такъ говорится въ книгѣ Моисея о причинахъ всемірнаго потопа. Это бѣдствіе было послано на землю намѣренно, для поголовнаго истребленія рода человѣческаго, вплоть до невинныхъ младенцевъ. Почему же Господь истребилъ всѣхъ людей, тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ же сотворилъ?.. за грѣхи однихъ провинившихся, Богъ истребилъ всѣхъ“?

Такимъ образомъ, прямо указывается Лицо, причинившее «всему человѣчеству зло».

Дальше слѣдуетъ пространное описаніе мозга человѣка, какъ органа воспріятія впечатлѣній. Малѣйшее нарушеніе отправленій этого сложнаго апарата ведетъ къ ложнымъ воспріятіямъ и человѣкъ видитъ то, чего нѣтъ, мыслитъ не логично и слышитъ звуки, которыхъ нѣтъ. Приводятся случаи видѣній. Тутъ и Орлеанская дѣва, и пророческіе сны, и видѣнія отъ болѣзней, и въ концѣ концовъ выходитъ, что люди, почитаемые нами за святыхъ, за провидцевъ — попросту ненормальные, сумасшедшіе. Исцѣленія по вѣрѣ — результатъ самовнушенія. Въ главѣ: «Какъ исцѣляютъ картинки» разсказывается о чудесахъ у Ченстоховской чудотворной иконы. «Объясняются» эти исцѣленія коллективнымъ гипнозомъ. Воскрешенія мертвыхъ—нелѣпость, есть только пробужденія отъ летаргіи. Бѣсноватыхъ отлично лѣчатъ доктора, изгоняя бѣсовъ, т. е. исцѣляя истерію и т. д. Дальше идетъ глава: Кому и почему нужна вѣра въ

чудеса. Оказывается: «Исцѣленія и изгнанія бѣсовъ давали и даютъ духовенству всѣхъ странъ громаднѣйшій доходъ. А чудеса и того больше».

Заканчивается книжка главой: Чему научила эта книжка? Въ этой главѣ резюмируется все то, что было сказано въ семи главахъ и затѣмъ дѣлаются выводы. Ихъ можно и не приводить, они и такъ понятны.

Книга издана въ 1909 году и идетъ въ народныя школы и библіотеки вмѣстѣ съ тѣми книгами Рубакина, на которыхъ стоитъ одобреніе Министерства Н. Просвѣщенія.

Рубакинъ—чистѣйшій безбожникъ и анархистъ. Это, конечно, его дѣло. Но какимъ образомъ его книга «Среди таинъ и чудесъ», составленная для дѣтей школьнаго возраста, разрѣшена къ печати и распространенію?

С. Облеухова.

„БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ШКОЛЪ И САМООБРАЗОВАНІЯ“.

„Изъ тьмы времени въ свѣтлое будущее“.

Рубакинъ.

Разсказы изъ исторіи человѣческой культуры. Книга Рубакина предназначается для дѣтей старшаго возраста и для самообразованія. Эта книга имѣетъ яркую революціонную окраску. Совершенно не стѣсняясь, она старается разрушить всѣ понятія о религіи и государственности и все время возбуждаетъ ненависть къ правящимъ и состоятельнымъ классамъ Если бы выписывать все то, что въ книгѣ возмущаетъ душу, не хватило бы цѣлаго тома. Эта книга растлѣваетъ умы и души юношей.

Представлю только нѣкоторыя, на выдержку, мѣста. Начинаю съ религіи.

Въ началѣ книги, гдѣ говорится о происхожденіи человѣка и постепенномъ устройствѣ его жизни, все время проводится мысль о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Напр.: „Дюбуа понялъ что это кости какого то особаго звѣря, не то обезьяны, не то человѣка, Порода такихъ звѣрей теперь уже не водится на землѣ. Но навѣрное когда то водилась. Тогда не было на свѣтѣ даже самыхъ дикихъ людей. Вмѣсто нихъ были полуобезьяны. Это и были пра-пра-пра-прадѣды человѣческіе.

Далѣе въ концѣ книги идетъ цѣлый отдѣлъ:

«Великія суевѣрія и великія вѣры разныхъ народовъ.» Здѣсь уже можно цитировать буквально каждую страницу. Вотъ напр. стр. 265 „что такое вѣра?“

Тамъ прямо говорится: «Если бы человѣкъ могъ знать все и понимать все прошлое, настоящее и будущее, тогда никакой бы вѣрѣ не нашлось мѣста въ душѣ человѣческой». Вѣра вездѣ представляетъ, какъ пережитокъ варварства, остатки первобытнаго состоянія». Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ христіанская религія ставится на одну ступень со всѣми языческими. «Китайская вѣра идетъ отъ китайскаго мудреца Конфуція, древне персидская вѣра—отъ мудреца Зороастра, магометанская отъ пророка Магомета, христіанская вѣра,—отъ Христа.» И далѣе: «Когда пришла новая вѣря, она перемѣшалась со старой и изъ двухъ вѣръ получилась не то новая, не то старая. Такъ было всюду и вездѣ.»

Удивительно на 221 стр. опредѣленіе священства:

«Люди одержимые душевною болѣзнью почти во всѣхъ странахъ считаются мѣстообиталищемъ мертвыхъ душъ. Они не такіе какъ всѣ прочіе. Они таинственны и страшны. Они какъ бы посредники между мертвыми душами и людьми, между тѣмъ и этимъ свѣтомъ,—они колдуны, жрецы, священники. Поэтому люди всѣхъ временъ и народовъ смотрятъ на священниковъ не какъ на простыхъ людей, а какъ на такихъ, въ рукахъ которыхъ находится, таинственная божья сила.»

Описывая молитву дикарей говорится: «Къ храму сбѣгаются толпы съ разными просьбами. Каждый о чемъ нибудь молитъ. Каждый старается заполучить для себя побольше: принести жертву грошовую, а за это получить чего нибудь получше. Разумѣется, о неудачныхъ моленіяхъ молельщики помалкиваютъ и сваливаютъ вину на злыхъ духовъ, а объ удачныхъ разсказываютъ всѣмъ и каждому.“ (223 стр.)

Къ чему приводятъ такія разсужденія — нечего и объяснять: вся эта часть книги сплошное глумленіе. Вотъ напр. мѣсто о раѣ: „Въ индѣйскомъ раю они все охотятся, въ магометанскомъ пьютъ вино и цѣлуютъ красавицъ, въ католическомъ все время молятся и славятъ Бога.“

Это единственное мѣсто, гдѣ слово «Богъ» написано съ прописной буквы.

Кончается глава интереснымъ и очень характернымъ обращеніемъ къ читателю. Выписываю его цѣликомъ:

«Вѣра въ душу выросла сама собой благодаря неправильнымъ объясненіямъ. Вѣра въ живыхъ боговъ выросла изъ вѣры въ мертвыя души. Безъ вѣры ни одинъ человѣкъ жить не можетъ. Но вѣра каждаго человѣка—его собственное, личное дѣло. Это дѣло его собственной совѣсть и личнаго разума.

Но есть такая вѣра безъ которой не долженъ жить ни одинъ человѣкъ. Какая же эта вѣра?

А вотъ какая:

Были времена, когда людямъ жилось на всей землѣ тяжело и невыносимо. . . . .

Настали времена, лучшія времена, когда легче и свѣтлѣе стали жить на землѣ.

Будутъ и все приближаются такія времена, когда будутъ счастливы всѣ люди, когда на свѣтѣ не будутъ голодные, несчастные и обиженные, когда настанетъ царство правды и справедливости на землѣ.“ стр. 228.

Соціальныя отношенія разбираются съ той же предвзятой точки зрѣнія. Преднамѣренно внушается ненависть къ собственникамъ. . . . .

Зажиточные люди вездѣ представляются разбойниками и извергами. Говоря объ эскимосахъ напр. увѣряютъ, что они не способны къ умственной жизни только потому, что ихъ угнетаютъ.

«Виною этому не они, а тяжелыя обстоятельства ихъ

жизни. Для того чтобы жить духовной, умственной жизнью, тоже нужны подходящія обстоятельства.»

«А тутъ пріѣзжаютъ купцы ради скорой и легкой наживы... А вслѣдъ за купцами являются въ ихъ страну солдаты-завоеватели за сборомъ податей и отнимаютъ у дикарей послѣдній кусокъ»... (29 стр.).

На стр. 57-ой не обходится безъ сочувственныхъ разсужденій о несчастныхъ узникахъ, какъ и во всѣхъ либеральныхъ изданіяхъ.

«Всѣ люди боятся одиночества, оно не въ природѣ человѣка. Вотъ почему сидѣнье въ одиночной тюрьмѣ оказывается такой страшной пыткой, вотъ почему самые злые палачи разныхъ странъ и временъ сажаютъ своихъ злѣйшихъ враговъ именно въ одиночное заключеніе: такимъ способомъ они стараются мучить и ломать самую глубину человѣческой природы».

На стр. 107-109 прямая революціонная пропаганда, возбуждающая рабочихъ къ бунту противъ хозяевъ собственниковъ: «Чтобы выстроить фабрику нужны сотни тысячъ А откуда у хозяина фабриканта эти деньги? Суть въ томъ, что на хозяина работаютъ сотни и тысячи рукъ и приносятъ доходъ. Всякій товаръ заготовляется руками фабричныхъ рабочихъ; не будь ихъ, не было бы и товару, а значитъ и доходу. Но чистый доходъ не распредѣляется между всѣми, а достается одному хозяину, потому что онъ собственникъ фабрики. При такихъ порядкахъ одни люди могутъ вовсе не работать, и все таки быть богатыми, другіе люди могутъ изнывать отъ работы и жить весь свой вѣкъ въ нищетѣ; у однихъ могутъ быть при такихъ порядкахъ огромныя фабрики, а у другихъ только изможденныя руки.»

«Вездѣ есть какіе либо хозяева собственники и рабочіе-наемники. На помѣщика—земельнаго собственника работаютъ арендаторы и наемные рабочіе, на банкира капиталиста работаютъ тѣ, кому онъ далъ въ долгъ пая %, работаютъ

промышленники фабриканты, а на нихъ—мы, уже рабочіе. И такъ всюду и вездѣ.»

«Но и этого мало. Чтобы охранять хозяевъ собственниковъ во всякомъ государствѣ имѣются полиція, суды, войска, тюрьмы, законы и вообще правительство.»

Для крестьянъ тоже имѣются соблазнительныя слова объ общественной землѣ:

«На землѣ можетъ прокормиться народа въ нѣсколько тысячъ разъ больше, чѣмъ въ настоящее время.» 206 стр «Природа мать вовсе не мѣшаетъ размноженію человѣческаго рода» И всѣ были бы сыты. И голодныхъ могло бы и не быть.» 207 стр.

«Что же именно причина человѣческаго страданія?» «Больше всего мѣшаютъ человѣческому счастью не природа, а общественные порядки.» 208 стр.

Національныя чувства тоже старательно уничтожаются въ этой книгѣ. Вотъ какъ говорится о Московскомъ государствѣ:

«Выросла Москва, разбогатѣли и усилились ея владѣльцы, назывались великими князьями. Благодаря поддержкѣ русскаго народа они разбили татаръ, что случилось въ 1430 году. Но перестала ли русская земля считаться частной собственности? Нѣтъ. До этого времени она считалась собственностью татарскихъ пановъ, а потомъ стала считаться частной собственностью московскихъ великихъ князей, а потомъ и московскихъ царей.» (225 стр.)

«Князь и цари стали поступать съ землей какъ со своей частной собственностью. Они раздавали ее кому хотѣли.» Затѣмъ идутъ печалованія о крѣпостныхъ, съ которыми иной разъ «помѣщики обращались хуже, чѣмъ съ рабочимъ скотомъ »

Желая совершенно разрушить понятіе о національности на стр. 255-ой доказываютъ, что нѣтъ ни одного народа

и даже человѣка, въ жилахъ котораго не текла бы смѣшанная кровь.

«Всѣ племена населяющія землю, смѣшиваются и всегда смѣшивались кровью между собою.»

«Значитъ, всѣ люди между собой родственники, близкіе или дальніе.» «Въ какомъ человѣкѣ какой крови больше—кто знаетъ?»

Въ концѣ этой главы авторъ книги опять возвращется къ излюбленной темѣ о землѣ:

«Кто же изъ племенъ настоящій собственникъ земли? Каждое племя считало себя собственникомъ. Считало и исчезло. Только сама земля помалкиваетъ, чья она, словно понимаетъ, что у нея нѣтъ и не можетъ быть никакихъ собственниковъ» (256 стр.)

Если понятія религіи вызываютъ глумленіе, собственность и національность осуждаются, то слова «государство, государственность, власть, правленіе вызываетъ уже полный взрывъ негодованія и дѣлаются ясные намеки о цареубійствѣ: «Иногда власть переходитъ у индѣйцевъ отъ отца къ сыну и внуку. Впрочемъ, это бываетъ только тогда, когда этотъ сынъ или внукъ дѣйствительно достоинъ этой власти. Нерѣдко бываетъ и такъ: плохихъ начальниковъ дикари просто на просто убиваютъ». (242 стр.). Всѣ остальныя выписки—только желаніе показать, что власть сложилась исключительно благодаря насилію.

«Всѣ государства, какіе были и есть на землѣ, всѣ, безъ всякаго исключенія, зародились среди войнъ, насилій и кровопролитій».

«Появились правительства, люди власть имущіе. Но что же это за люди и откуда они вышли? Люди власть имущіе были такіе же люди какъ и всѣ прочіе. Однимъ только отличались отъ другихъ: всѣ они были собственники... А кто богатъ тотъ и властенъ...

«Государственная власть прибрала всѣхъ къ своимъ ру-

камъ и насильно объединилась такимъ способомъ. Стали защищать сильныхъ и имущихъ, а бѣдныхъ и неимущихъ держать въ подчиненіи» 258 стр.

«Въ каждомъ государствѣ рано или поздно появлялся какой нибудь насильникъ, который захватывалъ власть въ свои руки разными правдами и неправдами и дѣлался повелителемъ. Такъ напр. въ Австріи до сихъ поръ показываютъ замокъ, гдѣ жилъ предокъ нынѣшняго австрійскаго императора. Этотъ предокъ занимался вотъ чѣмъ: съ своими воинами онъ нападалъ на проѣзжихъ купцовъ и грабилъ ихъ. Себя онъ называлъ «рыцаремъ», а его потомки стали королями и императорами. И такихъ разбойниковъ было много во всякомъ государствѣ. А ихъ потомки—короли называютъ такихъ людей «своими славными предками».

Въ концѣ книги, составляя какъ бы резюме всего пройденнаго, авторъ опять возвращается вкратцѣ къ любимымъ темамъ:

«Но одно дѣло богатства, а совсѣмъ другое дѣло распредѣленіе ихъ между людьми. До сихъ поръ они распредѣляются очень неравномѣрно и несправедливо; у иныхъ много, у другихъ пусто. Почему же такъ вышло?»

«Богачи собственники повсюду захватили власть и держатъ ее до сихъ поръ. Всѣ богатства распредѣлились по рукамъ немногихъ людей, а всѣ прочіе люди не имѣютъ права пользоваться и наслаждаться ими».

«Такъ идетъ общественная жизнь до сихъ поръ. И много въ ней темнаго и несправедливаго».

Послѣднія слова книги призываютъ къ дѣятельной борьбѣ

«Каждый человѣкъ борется за лучшее будущее. И даже своей жизнью ради него жертвуетъ, лишь бы посодѣйствовать скорѣйшему наступленію царства правды, справедливости и счастья на землѣ. И многіе люди уже теперь отлично понимаютъ въ чемъ главный корень зла. Большинство людей будетъ плохо жить до тѣхъ поръ, пока всѣ

земли и всѣ богатства человѣческія —и матеріальныя, и духовныя: знаніе, науки, власть, права, не сдѣлаются общимъ достояніемъ всѣхъ работниковъ. Тогда настанутъ на землѣ справедливыя времена, счастливыя для всѣхъ людей».

Послѣдними словами авторъ ясно указалъ всѣ свои чаянія. Опять повторяю: книга написана умно, умѣло и должна оказывать прямо ужасающее вліяніе на молодые, неопытные умы.

Бороться противъ развращенія подобными «пособіями» русскаго юношества—прямой долгъ нашей Государственной власти. Невозбранное распространеніе и обращеніе среди учащихся книгъ г. Рубакина—прямое и тяжелое преступленіе министерства Народнаго Просвѣщенія.

Л. Спицына.

Что читать?

Подъ этимъ заглавіемъ нѣкій И. В. Владиславлевъ „выпускаетъ“ **«Указатели систематическаго домашняго чтенія для учащихся».**

Предо мною «выпускъ II» (Москва, книгоиздательство „Наука“. 1911 г.) этого указателя съ «приложеніями» и съ предисловіемъ Н. Рубакина, отмѣченнаго въ нашей книгѣ, упорнаго духовнаго растлителя нашихъ дѣтей школьнаго возраста

Отмѣтивъ „удручающую шаблонность“ изданныхъ въ теченіе десятилѣтій «десятковъ такихъ указателей», «начиная отъ министерскихъ каталоговъ, представляющихъ своего рода «прокрустово ложе» даже для дѣтской литературы»; признавъ далѣе «очень малое знакомство гг. составителей такихъ каталоговъ съ читательской психологіей дѣтскаго возраста, нерѣдко заскорузлое непониманіе этой послѣдней» и, наконецъ, «бросающійся въ глаза недостатокъ не только педагогическаго чутья, но и вообще умственнаго развитія и образованія у гг. составителей», г. Н. Рубакинъ заявляетъ, что «давно настало время переоцѣнить и библіографическія цѣнности дѣтской литературы и сильно раздвинуть тѣ границы, въ которыхъ обыкновенно „допускаются“ для юныхъ читателей, или имъ „рекомендуются“ тѣ или иныя книги по тѣмъ или инымъ вопросамъ».

Если принять во вниманіе, что указатель Владислав-

лева изданъ въ 1911 году, когда всѣ разобранныя нами хрестоматіи уже широко вошли въ нашъ школьный обиходъ, то невольно напрашивается вопросъ, куда же еще „раздвигать границы“ дѣтскаго и отроческаго чтенія?

На этотъ вопросъ даетъ исчерпывающій отвѣтъ «указатель» г. Владиславлева, „съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендуемый нашимъ читателямъ“ г. Рубакинымъ, надѣящимся, что этотъ указатель „сдѣлаетъ то хорошее дѣло, котораго ожидаетъ отъ него авторъ“, этотъ, по свидѣтельству того же Рубакина „опытный и идейный библіографъ“.

Прежде всего указатель г. Владиславлева, по его же предупрежденію, включаетъ, „на ряду съ литературой, доступной подросткамъ, приблизительно—лѣтъ отъ 13-ти, и такую литературу, которую можно рекомендовать лишь вполнѣ взрослымъ учащимся *). Затѣмъ онъ

*) Искось моя. С. В.

вполнѣ удовлетворяетъ главному требованію, предъявляемому подобнымъ книгамъ г. Н. Рубакинымъ, а именно: „Укажите дѣтямъ, гг. взрослые, восклицаетъ въ своемъ предисловіи къ разсматриваемому мною здѣсь труду г. Владиславлева—на существованіе возможно большаго числа хорошихъ книгъ, а воспользоваться вашими указаніями по своему хотѣнію и выбирать изъ нихъ по своему же разумѣнію наиболѣе для нихъ интересное,—это сумѣетъ и самъ юный читатель. Такая-то постановка дѣла и есть ничто иное, какъ организація свободнаго и самостоятельнаго чтенія, а это и есть идеалъ всякаго чтенія. Чѣмъ скорѣе мы приблизимся къ такому идеалу, составляя разные указатели, тѣмъ лучше“.

Г. Н. Рубакинъ съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендуетъ нашимъ читателямъ“ указатель „опытнаго и идейнаго библіографа» г. Владиславлева именно потому что

онъ „больше всѣхъ другихъ удовлетворяетъ вышеизложеннымъ требованіямъ“.

Естественно, что при составленіи настоящаго очерка я все время имѣлъ въ виду именно эту главную особенность указателя г. Владиславлева, столь рѣшительно подчеркнутую г. Рубакинымъ.

Этою же особенностью близкаго къ идеалу „свободнаго чтенія“ указателя г. Владиславлева устраняется, по утвержденію г. Рубакина, главный недостатокъ всѣхъ прежнихъ указателей и рекомендательныхъ каталоговъ, составленныхъ „въ сущности не для самихъ читателей, а для тѣхъ, кто взялъ на себя трудъ руководить ими въ выборѣ книгъ“, и обращавшихъ ихъ поэтому въ „руководства для руководителей“.

Послѣ такого предисловія, ярко и вполнѣ опредѣленно очерчивающаго какъ планъ составителя „указателя систематическаго домашняго чтенія для учащихся“, такъ и самый указатель, по этому плану составленный, становится совершенно понятнымъ и естественнымъ то недоумѣніе, граничащее съ негодованіемъ, которое долженъ испытывать каждый добросовѣстный человѣкъ при первомъ же даже бѣгломъ просмотрѣ указателя г. Владиславлева. Не знаешь, чему болѣе удивляться, наглости-ли завѣдомой лжи, насыщающей съ начала до конца „предисловіе“ г. Н. Рубакина, или грубому его лицемѣрію, особенно въ томъ существенномъ мѣстѣ, гдѣ г. Рубакинъ патетически восклицаетъ, что изъ „возможно большаго числа хорошихъ книгъ выбирать по своему разумѣнію наиболѣе интересныя—это сумѣетъ самъ юный читатель“.

Указатель г. Владиславлева—это въ полномъ смыслѣ слова то „прокрустово ложе“, съ которымъ г. Н. Рубакинъ сравниваетъ министерскія каталоги и въ которое съ яростною тупостью политическаго изувѣра-сектанта онъ

вмѣстѣ съ г. Владиславлевымъ вдавливаетъ нашу царственно богатую литературу.

Нѣсколькихъ примѣровъ было-бы совершенно достаточно, чтобы съ полною ясностью это доказать. Но я примѣры эти приведу лишь попутно при выясненіи того грознаго явленія, которое обнаруживаетъ болѣе внимательный разборъ указателя г. Владиславлева. Примѣрами этими полны очерки моихъ сотрудниковъ по составленію нашей обличительной книги, ихъ легко угадать, прочитавъ эти очерки.

Я хочу здѣсь показать способы и пріемы, которыми пользуются г.г. Владиславлевы и Рубакины при направленіи умственнаго и нравственнаго развитія русскаго юношества, преступно преданнаго въ ихъ власть не только въ школѣ, но и за ея стѣнами, дома, въ семьѣ нашимъ неисправимо равнодушнымъ и легкомысленнымъ петербургскимъ чиновничествомъ, ряды котораго съ каждымъ годомъ все настойчивѣе пополняются интеллигентами казенно-школьной выдѣлки.

Я хочу здѣсь показать, что эти способы и пріемы стали возможны лишь за послѣднія десятилѣтія и особенно за послѣдніе «освободительные» года, когда русское книгоиздательство почти безъ изъятія уже сосредоточено въ рукахъ враговъ русской государственности, преимущественно іудеевъ.

Это книгоиздательство почти всецѣло направлено къ тѣмъ же цѣлямъ, какія преслѣдуютъ разобранныя нами хрестоматіи. Разница лишь въ томъ, что эти цѣли оно преслѣдуетъ за стѣнами школы. Оно широко обезпечиваетъ дальнѣйшее распространеніе и закрѣпленіе въ подростающихъ поколѣніяхъ русскаго юношества тѣхъ противонародныхъ, противохристіанскихъ и противогосударственныхъ началъ, которыя такъ рѣшительно и открыто насаждаютъ интеллигенты въ нашихъ школахъ отъ низшей до высшей. Оно при этомъ явно расчитано на подчиненіе своему про-

изволу преимущественно «взрослыхъ учащихся», т. е. молодежи вообще, а стало быть и подавляющаго большинства учителей и учительницъ начальныхъ школъ прежде всего, а затѣмъ, конечно, и всѣхъ прочихъ не имѣющихъ диплома высшей школы, россіянъ. А такъ какъ таковыхъ, тоже подавляющее большинство, то подъ наименованіе «взрослыхъ учащихся», разумѣется, подходятъ всѣ эти юные россіяне и россіянки, ищущіе въ «систематическомъ домашнемъ чтеніи» «самообразованія», столь моднаго и специфическаго въ наше интеллигентное безвременіе, а при нормальной умственной жизни въ странѣ—столь естественнаго и почтеннаго.

Опираясь на такое, получившее за послѣднее время чудовищное развитіе, книгоиздательство, гг. Владиславлевы и Рубакины получаютъ возможность, подъ прикрытіемъ нагло лживыхъ и грубо лицемѣрныхъ предисловій, выпускать „указатели“ для милліоновъ безпомощныхъ молодыхъ умовъ, именно въ качествѣ прежде всего „руководствъ для руководителей“, для учителей, обращая ихъ въ своихъ духовныхъ рабовъ и невозбранно подчиняя ихъ и ихъ школьную дѣятельность безжалостному гнету своего варварскаго интеллигентнаго произвола.

Начну съ „Алфавитнаго указателя“. Въ немъ перечислено около ста именъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

На первомъ мѣстѣ, какъ всегда С. Т. Аксаковъ, такъ счастливо служащій для гг. освободителей ширмой и ручательствомъ безпристрастія. Кромѣ Аксакова въ алфавитный указатель вошли Гоголь, Гончаровъ, Грибоѣдовъ, Достоевскій, Жуковскій, Крыловъ, Лермонтовъ, Пушкинъ, гр. А. Толстой, гр. Л. Толстой и даже гр. Голенищевъ-Кутузовъ, даже Майковъ, даже Тютчевъ. Казалось-бы, что этихъ именъ, хотя и вкрапленныхъ среди во много разъ большаго числа именъ враждебныхъ русской государствен-

ности и русскому православному міросозерцанію писателей, вполнѣ достаточно, чтобы оправдать заявленіе предисловія г. Н. Рубакина о томъ, что указатель г. Владиславлева обезпечиваетъ учащимся „свободное и самостоятельное чтеніе“, обезпечиваетъ имъ возможность „выбирать книги по ихъ хотѣнію и разумѣнію“. Указатель, значитъ, не „замалчиваетъ“ національныхъ писателей, а перечисляетъ «по алфавиту», безъ различія характера творчества или направленія, все выдающееся въ русской и иностранной литературѣ. Гдѣ же тутъ „пракрустово ложе“, съ которымъ я сравнилъ именно этотъ указатель, гдѣ гнетъ, гдѣ произволъ?

Вотъ тут-то и приходится гг. Владиславлевымъ и Рубакинымъ пускать въ ходъ свои пріемы, тутъ-то и обнаруживается та грозная разрушительная работа, которую съ такимъ успѣхомъ и съ такими огромными барышами такъ упорно и такъ невозбранно дѣлаютъ наши стакнувшіеся интеллигентные библіографы и книгоиздательства.

Гг. составители указателей въ родѣ Владиславлева и Рубакина прежде всего учитываютъ сравнительную, а чаще всего рѣшительную бѣдность руководимыхъ ими милліоновъ читателей.

И тутъ къ ихъ услугамъ единомышленныя съ ними книгоиздательства, точно также учитывающія эту бѣдность: Аксаковъ, С.—Дѣтскіе годы Багрова внука.—1 р. 20 коп. Вслѣдъ затѣмъ Андреевъ, Л.—Жили-были—5 коп. Баргамоть и Гараська—1 коп., Ангелочекъ—3 к., Гостинецъ—2 к., Петька на дачѣ,—2 к., Разсказъ о семи повѣшенныхъ. Съ рис. И. Рѣпина.—50 к.; болѣе дешевое изданіе—10 к.

Гончаровъ, И. Обыкновенная исторія. Ром. (1847 г.) Цѣна не обозначена. Обломовъ. Ром. (1858-59). Цѣна—1 р. 20 коп. Обрывъ. Ром. (1868 г.) Цѣна не указана. Вслѣдъ затѣмъ Горькій М. Пѣсня о соколѣ и Пѣсня

о буревѣстникѣ—Изд. М. Малыхъ—10 к. Изд. „Знаніе“—2 коп. Челкашъ—7 к., Макаръ Чудра—3 к., Емельянъ Пиляй—3 к., Каинъ и Артемъ, и бывшіе люди—12 к. и другіе мелкіе разсказы (Изд. „Знаніе“ и др.)

Ограничусь этими сопоставленіями. — Туже «игру на цѣнѣ» можно прослѣдить до конца указателя. Ясно, что подавляющее большинство «свободно и самостоятельно» выбирающихъ книги по этому указателю учащихся не прочтетъ ни Аксакова, ни Гончарова, а будетъ одну за другою покупать Л. Андреева и М. Горькаго и постепенно проникаться взглядами и настроеніями этихъ корифеевъ „освободительной литературы“.

Тутъ возможно серьезное выраженіе: „Дѣтскіе годы Багрова внука“, „Обломовъ“ — толстыя книги, а разные „Петьки на дачѣ“—тощія брошюрки. Но во первыхъ тѣ же романы и повѣсти Аксакова и Гончарова могли-бы быть изданы, въ цѣляхъ возможно большаго распространенія, по гораздо болѣе дешевымъ цѣнамъ, какъ напримѣръ: „Смерть Ивана Ильича“—Л. Толстого—5 коп. Вѣдь не въ 24 раза «Дѣтскіе годы Багрова внука» объемистѣе этого разсказа. Или—не въ 30 же разъ та же хроника Аксакова обширнѣе «Четырехъ дней» В. Гаршина, выпущенныхъ по 4 коп. А во вторыхъ, чѣмъ кромѣ какъ не сговоромъ руководителей юношества съ книгоиздателями, съ цѣлью пропаганды нужныхъ имъ идей и настроеній, можно объяснить дробленіе «именно и только за послѣдніе года книжекъ разсказовъ» хотя-бы того же Гаршина, какъ и ему подобныхъ «мелкихъ разсказчиковъ», на грошевыя „листовки“.

Эта разбирательнаа продажа—пріемъ испытанный и блистательно оправданный алкогольно-бюджетною политикою и кабацкой практикой нашего финансоваго вѣдомства. Всѣ эти Челкаши, Пѣсни о буревѣстникѣ, Бывшіе люди, Купринскія „болота“, — это тѣже казенные „мерзавчики“, соби-

рающіе чудовищную дань съ „загноившагося отъ пьянства“ безпомощнаго народа.

Но «игры на цѣнѣ» г. г. руководителямъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ нашего юношества и издательствамъ мало. Раздробительное книгоиздательство еще въ полномъ разгарѣ, многое еще не издано по цѣнѣ казенныхъ мерзавчиковъ и полубутылокъ такого, что на руку г. г. Владиславлевымъ и Рубакинымъ, многое вовсе не поддается изданію по такимъ цѣнамъ благодаря своему объему. Съ другой стороны многое, чего никакъ не могутъ рекомендовать эти милостивые государи, но чего рѣшительно нельзя „замолчать“ уже имѣется въ продажѣ за очень дешевыя цѣны.

Тутъ нужны иные способы и пріемы. Отмѣчу лишь нѣкоторые изъ нихъ, особенно наглядно примѣненные въ указателѣ г. Владиславлева и показывающіе, въ какой умственный казематъ загнали наши интеллигентные просвѣтители въ союзѣ съ книгоиздателями бѣдное русское юношество, выставивъ надъ этимъ казематомъ предательскую масонскую вывѣску: „Свобода слова, свободная мысль, свобода самообразованія“

Г. Рубакинъ въ концѣ своего предисловія особенно хвалитъ г. Владиславлева за то, что онъ «сумѣлъ почти всѣхъ авторовъ, рекомендуемыхъ имъ для чтенія, обставить *) историко-литературными статьями, доступными для читателя того или иного возраста. Это дѣлаетъ работу особенно полезной и цѣнной».

И дѣйствительно, такими статьями и даже цѣлыми книгами критическаго и соціально-политическаго содержанія указатель г. Владиславлева переполненъ. Ихъ около ста двадцати на сто съ чемъ то именъ авторовъ художественной литературы.

*) Искось моя. С. В.

Только не „почти всѣхъ авторовъ“ г. Владиславлевъ „обставляетъ этими „историко-литературными статьями“, а преимущественно такихъ, которыхъ „свободно“ читающая молодежь по неопытности и недостаточной зрѣлости чего добраго оцѣнитъ и пойметъ не такъ, какъ это подобаетъ истинному интеллигенту рубакинской марки. Такая неточность выраженій въ предисловіи г. Рубакина вполнѣ конечно, понятна. Вѣдь его предисловіе ширма. Большинство наиболѣе горячо рекомендованныхъ указателемъ писателей настолько опредѣленнаго направленія, что ихъ творчество въ поясненіяхъ и „литературныхъ“ статьяхъ не нуждается. Ихъ сразу поймутъ и оцѣнятъ юные читатели, „обставлять ихъ ничѣмъ не нужно.

А вотъ Аксакова, Гоголя, Грибоѣдова, Гончарова, Достоевскаго, Жуковскаго, Лермонтова, Майкова, Островскаго, Писемскаго, Пушкина, Тургена,—эту публику опасно выпустить въ обращеніе школьниковъ и «свободно» читающихъ молодыхъ россіянъ и россіянокъ, не «обставивши» ихъ, какъ слѣдуетъ г.г. Острогорскими, Бѣлинскими, Писаревыми, Добролюбовыми, Ивановыми, Скабичевскими, Алферовыми, Вѣдринскими, Грузинскими и пр. «арбитрами». Особенно много пришлось г. Владиславлеву потрудиться. надъ Гоголемъ.

Собраніе сочиненій Гоголя,—всего 1 рубль, Гоголя знаетъ чуть не каждый дворникъ въ городѣ и фельдшеръ въ деревнѣ. А болѣе черносотеннаго писателя, чѣмъ этотъ Гоголь, трудно найти. Вѣдь онъ и Аксакова и Толстого эпохи „Войны и Мира“ и Достоевскаго и самого Пушкина превосходитъ въ яркости черносотеннаго вольнодумства. Пришлось «обставить» Гоголя цѣлымъ отрядомъ интеллигентныхъ стражниковъ, цѣлыми пятнадцатью „изслѣдователями“, и, конечно, особенно рекомендовать „Письмо къ Гоголю“ самого Виссаріона Бѣлинскаго. Не мало такихъ стражни-

ковъ приставилъ г. Владиславлевъ и къ Лермонтову и къ Пушкину.

Есть нѣсколько штукъ ихъ и при Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ. Но въ отношеніи всѣхъ этихъ свѣточей русской художественной письменности, кромѣ „обставленія" ихъ литературными стражниками, г. Владиславлевъ принялъ еще рядъ мѣръ безопасности. Я остановлюсь на этихъ мѣрахъ особо.

Но я долженъ подчеркнуть вниманію нашихъ министерскихъ ученыхъ воспитателей подрастающей Россіи, какую огромную работу разрушенія на ихъ подслѣповатыхъ глазахъ сдѣлала выпестованная петербургскою трясиною всероссійская интеллигенція, въ свою очередь направляемая властною и опытною рукою всесвѣтно—іудойскаго правительства. Она создала огромную „интеллигентную—охранительную" литературу, „обозвреживающую" въ великой русской письменности все, что въ этой письменности возславляетъ патріотизмъ, что вызываетъ народную гордорть, что защищаетъ и укрѣпляетъ вѣру русскаго народа, его государственность, его свободу. Петербургъ пальцемъ о палецъ не ударилъ, чтобы оградить православный царелюбивый великій народъ отъ заразы безбожія и либерализма положительнымъ, послѣдовательнымъ и твердымъ національно-религіознымъ творчествомъ въ области законодательства и управленія.

Полуинародничискій Петербургъ, далекій отъ Россіи и чуждый духа народнаго, всегда высокомѣрно и часто презрительно обращался съ русскимъ народомъ, родившимъ и вскормившимъ его двухвѣковыми богатырскими усиліями. Лозунгомъ Петербурга было поперемѣнно: „тащить и не пущать», или—«laissez faire, laissez paser · А жилъ онъ и по сей день живетъ по правилу: après nous le bélugе!"

Мы пожинаемъ теперь достойные плоды этого госу-

дарственнаго злонравія. Русская государственность трещитъ по всѣмъ швамъ, православіе поругано, власть потеряла обаяніе, меркнетъ вѣра въ русскій геній, въ Россію, расноплеменная, качующая интеллигенція, руководимая всемірнымъ жидомъ съ хохотомъ расхищаетъ достояніе русскаго народа, спаиваетъ его, развращаетъ и уже нагло предвкушаетъ его лютое порабощеніе.

И такъ указатель г. Владиславлева, пользуясь создавшимся за послѣдніе года положеніемъ нашего книжнаго дѣла, "играетъ на цѣнѣ", „обставляетъ„ величайшихъ русскихъ писателей, неизмѣнно страдающихъ черносотеннымъ вольнодумствомъ, отрядами интелигентныхъ стражниковъ, но и этимъ не ограничивается. Есть у этихъ писателей такія творенія, которыхъ „обезвредитъ" невозможно, которыя никакими ширмами не загородишь ничѣмъ не „обставишь". Что вы, напримѣръ, сдѣлаете съ „Тарасомъ Бульбой", съ „Войною и Миромъ", съ «Аною Карениной» съ «Бѣсами», съ «Исторіей Пугачевскаго бунта»?

А вотъ, что съ ними дѣлаетъ г. Владиславлевъ: «Тараса Бульбы вовсе выкидываетъ, «Бѣсовъ« —вовсе выкидываетъ, Батьевъ Кармановыхъ—вовсе выкидываетъ «Исторію Пугачевскаго бунта»—вове выкидываетъ, „Анну Каренину" вовсе выкидываетъ, а „Войну и Миръ" спокойно и лицимѣрна помѣщаетъ, обозначивъ цѣну 4 рубля 50 коп. въ увѣренности, что этакая цѣна вполнѣ забронировываетъ «обставляемую» іудо-интелигентнымъ заговоромъ русскую молодежъ отъ вторженія въ ея духовный міръ черносотеннаго Графа Льва Толстого, Толстого барина и патріота, Толстого только художника, а не запутавшагося въ анархизмѣ и штундѣ злого старика, обезумѣвшаго отъ жидовской лести и дьявольской гордынѣ.

Съ Лермонтовымъ—новый пріемъ: Многія изъ его твореній поддаются критической обработкѣ и при общей подготовкѣ читателя къ интеллигентской оцѣнкѣ явленій и идей,

не опасны, ибо проникнуты не русскими, не національными настроеніями. А потому указатель даетъ довольно обширный перечень дешевыхъ изданій отдѣльныхъ произведеній Лермонтова. Но есть у Лермонтова совершенно непозволительныя съ интеллигентной точкизрѣнія произведенія, какъ «Споръ», «Бородино». Книгоиздатели въ полномъ единомышленіи съ интеллигенціей. Они хорошо понимаютъ, что ей нужно, и г. Владиславлевъ предлагаетъ „Избранныя произведенія" М. Ю. Лермонтова. И хотя и указывается кромѣ того и полное собраніе его сочиненій за 1 р. 25 коп. но такое, въ которомъ на всякій случай къ Лермонтову приставленъ „стражникъ" въ лицѣ г. Иванова, украсившаго это сытинское изданіе обширною „статьей" о Лермонтовѣ. Жуковскій указанъ особеннымъ способомъ: нѣсколько балладъ и поэмъ по дешевой расцѣнкѣ при чемъ напр. такъ: «Шильонскій узникъ" —2 коп., а рядомъ „Пѣснь во станѣ русскихъ воиновъ". -См. „Собр. соч". (Это-ли не характерный образецъ, ярко опредѣляющій направленіе нашего книгоиздательства?!) Затѣмъ мелкимъ шрифтомъ: „Полное собраніе сочиненій" 3 р. 50 к., а изъ „избранныхъ сочиненій" лучшее—изданіе Спб. Городской Думы, составленное В. Острогорскимъ", тѣмъ самымъ Оостогорскимъ, поясню я, который въ качествѣ интеллигентнаго стражника приставленъ г. Владеславлевымъ чуть не къ каждому изъ страдающихъ черносотеннымъ вольнодумствомъ крупнѣйшихъ нашихъ писателей.

Къ Апухтинъ, Голенищеву-Кутузову и Тютчеву, а также и къ Майкову съ Полонскимъ примѣненъ еще новый пріемъ Первыхъ трехъ и послѣднихъ двухъ соединили: „Стихотворенія" Апухтина, Тютчева и Голенищева-Кутузова 20 коп. Очевидно стихотворенія опять «избранныя». Неужели нельзя было хоть Тютчевскую крохотную книжку стиховъ полностью предложить? Значитъ нельзя,—русскимъ духомъ слишкомъ пахнетъ! «Майковъ

и Полонскій». Біографіи и стихотворенія, — 15 коп. Стихотворенія Майкова и другихъ — 20 коп. Коротко и ясно. Но все же опасно въ этомъ видѣ ихъ пустить. Приставлены стражники Острогорскій и Бѣлинскій. Писемскій. Перечислено нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій и, вмѣсто обозначенія ихъ цѣны, общее указаніе: «Отдѣльныхъ изданій нѣтъ. См. собр. сочиненій». (Опять яркій образсчикъ направленія нашего книгоиздательства).

Достаевскимъ указатель г. Владиславлева занялся особенно внимательно: «Бѣдные люди»—20 коп. «Записки изъ Мертваго дома»—2 р. и „Преступленіе и Наказаніе“—2 р. и все. А затѣмъ: „Достаевскій для дѣтей школьнаго возраста„. Подъ редакціей, съ предисловіемъ и біографич. очеркомъ А. В. Круглова—2 р. Содержаніе: изъ „Дневника читателя“, изъ романа «Бѣдные люди», изъ романа „Подростокъ“, изъ ром. „Неточка Незванова“ изъ изъ романа „Братья Кармазовы “.Изъ дальнѣйшаго разбора указателя будетъ ясно, что „дѣти школьнаго возраста“ тутъ не при чемъ. Въ этомъ „свободномъ“ обращеніи съ величайшими твореніями геніальнаго русскаго писателя примѣненъ тотъ-же пріемъ подтасовокъ и сопоставленій, который съ такимъ успѣхомъ проводится черезъ всѣ „освободительныя“ хрестоматіи. Конечно этотъ пріемъ продѣланъ у г. Владиславлева не только надъ Достоевскимъ: онъ встѣчается на каждомъ шагу и не только въ отношеніи русскихъ писателей, но и иностранныхъ. Такой вивисекціи подверглись и Аксаковъ, и Байронъ, и Баратынскій, и Батюшковъ, и Беранже, и Голенищевъ-Кутузовъ, и Майковъ, и Тютчевъ, и Жуковскій, и Фетъ, и Языковъ. Я пропустилъ Лѣскова и нѣкоторыхъ другихъ потому, что къ нимъ примѣненъ еще новый способъ обезпеченія „свободнаго чтенія“.

Объ этомъ способѣ я и скажу нѣсколько словъ въ за-

ключеніе настоящаго разбора «алфавитнаго указателя» г. Владиславлева.

Укажу попутно еще на два обстоятельства, а именно: Г. Владиславлевъ помѣщаетъ въ своемъ указателѣ ещн цѣлый рядъ сборниковъ, изданныхъ спеціально въ помощь «свободному» самообразованію, какъ-то: «Думы и пѣсни», «Иностранные народные поэты», «Новые поэты», «Пѣсни мира», «Пѣсни труда и неволи», «Пѣсни Англіи и Америки», Пѣсни Германіи», «Родные поэты», «Родныя пѣсни», «Слезы людскія». А кромѣ того указатель тщательно различаетъ изданія нашихъ классиковъ, опасныхъ черносотеннымъ вольнодумствомъ, и осуждая старыя изданія, рекомендуетъ лишь тѣ, которыя вышли »подъ редакціей» того или другого завѣдомаго крамольника. А что эти «редакторы» не стѣсняются не только «исправлять« Пушкина, Лермонтова, Гоголя и другихъ, передѣлывать отдѣльныя строки и выраженія, но сплошь и рядомъ выбрасывать цѣлыя фразы и сврофы какъ напримѣръ всѣ тѣ мѣста, гдѣ упоминается слово „Жидъ“, объ этомъ распространяться не стоитъ,—это фактъ общеизвѣстный.

Всѣхъ отмѣченныхъ мною выкидываній, замалчиваній, подтасовокъ, игры на цѣнѣ, всей этой арміи литературныхъ стражниковъ, приставленныхъ къ недостаточно радикальнымъ или слишкомъ вольнодумнымъ писателямъ вродѣ Гоголя или Пушкина—всего этого показалось мало тюремщикамъ литературы. Они аттестуютъ писателей, рекомендуютъ, хвалятъ и осуждаютъ, чтобы окончательно захлопнуть передъ носомъ русскаго юношества дверь къ «свободрому чтенію и самообразованію», о которомъ они съ такою наглостью и лицемѣріемъ предваряютъ то же юношество:

Аксаковъ, С. Подъ этимъ именемъ мелкимъ шрифтомъ напечатано: „Рад. въ 1791 г.—ум. въ 1859 г.“

Вслѣдъ затѣмъ стоитъ Андревъ, Л. Подъ нимъ сказано: Одинъ изъ самыхъ видныхъ современныхъ писателей. Род. въ 1871 г. Апухтинъ, Баратинскій, Батюшковъ—род. тогда-то, ум.—тогда-то.—Буникъ—одинъ изъ выдающихся современныхъ русскихъ поэтовъ. Голенищевъ-Кутузовъ, Гончаровъ, Грибоѣдовъ—Тогда-то родились, тогда-то умерли. А рядомъ: Горькій, М.—«Выдающійся современный писатель» Достоевскій удостоился признанія: „геніальный русскій писатель". Но это было нужно составителямъ «указателя». Они, какъ я уже отмѣтилъ, такъ подтасовали, такъ искромсали Достоевскаго, что сочли возможнымъ рекомендовать его, какъ своего, и даютъ поэтому къ „сборнику изъ Достоевскаго" такое примѣчаніе:

> „Выборъ надо признать довольно удачнымъ... Напрасно только авторъ увѣряетъ молодыхъ читателей, что причиною ареста Достоевскаго была принадлежность къ кружку людей, „увлеченныхъ ложными*) ученіями о государственномъ устройствѣ и положеніи народа". Можно было также не разсматривать замѣну разстрѣлянія каторгой, какъ особую монаршую милость.*)

Тутъ, кстати, выговоръ самому г. Круглову, чтобы впредь не повадно было. Жуковскій, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, рад. тогда-то, умерли тогда-то. А Вотъ Златовратскій—«одинъ изъ видныхъ писателей—народниковъ», Короленко—«одинъ изъ наиболѣе видныхъ современныхъ писателей», Купринъ—„одинъ изъ видныхъ современныхъ писателей» Лѣсковъ—«род. въ 1831 г.—ум. въ 1895 г.» А вотъ какой-то Мельшинъ, Л. (псевдонимъ какого-то П. Якубовича, „полностью отбывшаго

---

*) Исѣкось моя. С. В.

10 лѣтъ каторги" а потому приравненнаго отупѣлыми дикарями литературы къ Достоевскому) рекомендуется, какъ «одинъ изъ видныхъ современныхъ русс. писат.» Произведенія этого, «виднаго писателя» не расходятся, надо полагать, томами, а потому особенно тароватая на литературную пропаганду смуты и ненависти къ русской государственности „Донская рѣчь" дала г. Владиславлеву и въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, разсыпанныхъ по его указателю, возможность сообщить, что „многіе разсказы изъ жизни каторги и другіе вышли въ отдѣльныхъ дешевыхъ изданіяхъ (отъ 3 до 7 коп.)

А вотъ съ Лѣсковымъ указатель поступилъ иначе: онъ указываетъ только на „Мелочи архіерейской жизни" за 1 р. 25 коп., затѣмъ упоминаетъ: „Запечатлѣнный ангелъ", „Очарованный странникъ", На краю свѣта и др. разсказы изъ быта духовенства" и посылаетъ ищущаго самообразованія читателя къ „Собранію сочиненій" Лѣскова, не только не обозначая цѣнъ, но вмѣсто того давая такую аттестацію:

> „Большинство крупныхъ вещей Л., написанныхъ до средины 70-хъ г.г. мало художественно и для чтенія не рекомендуется*".)

Съ Гоголемъ, Достоевскимъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ этакъ поступить рисковано. Поэтому пришлось „обставить" ихъ литературными стражниками „Ну, а съ Лѣсковымъ, куда ни шло. Тиснулъ этакую аттестацію, вмѣсто всякихъ стражниковъ, и дѣло въ шляпѣ.

Я далъ краткій набросокъ тѣхъ способовъ и пріемовъ, которыми орудуютъ г.г. Владиславлевы и Рубакины въ своемъ литературномъ узилищѣ надъ свѣточами русской художественной письменности. Мнѣ остается бѣгло отмѣ-

---

*) Искось моя. С. В.

тить естествено вытекающій изъ ярко проведеннаго въ этихъ пріемахъ и способахъ направленія подборъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ и вообще изданій, составляющихъ подавляющее большинство названій алфавитнаго указателя и ясно показывающихъ, какія шоры надѣваются этими указателями на юные глаза читателей въ вопросахъ соціальныхъ и политическихъ съ одной стороны, а съ другой, какъ широко раздвинуты имъ рамки для всего, что до сихъ поръ принято называть вопросами нравственности.

Байронъ.—„Шильонскій узникъ“ и „избранныя стихотворенія (52 стихотворенія). Бальзакъ. — „Отецъ семейства“—и только. Беранжи.—„Пѣсни“—8 к. (удачно подобранныя 18 стихотвореній). О Беранжи см. книгу И. Игнатова: „Беранже—поэтъ свободы“ (изд. „Народнаго Права“—10 к.) дающую характеристику творчества поэта на ярко обрисованномъ историческомъ фонѣ“. Буль. Геръ, Э. „Кола-ди-Ріенци. Послѣдній римскій трибунъ“ вауптманъ, Гейне (конечно), Гете „Эгмонтъ — (см. собр. соч.“) „Германъ и Доротея“—50 к. „Гецъ фонъ-Брхлихингенъ—65 к. „Фаустъ“ 2 р. Впрочемъ Фаустъ удостоенъ выноски о дешевыхъ изданіяхъ. Гюго.—„Несчастные“ 2 р. А вотъ передѣлка подъ названіемъ „На баррикадѣ“—20 к. „Послѣдній день приговореннаго къ смертной казны“—12 коп. и 10 коп. „Избранныя стихотворенія“—10 к. Диккенсъ.—по 1 р. 50 к. томъ (10 томовъ) или по 75 к. за томъ (30 томовъ) — нате, кушайта. Додэ понятное дѣло сервированъ внимательно, по 1 к., по 6 коп. Золя: И этому паскуднику нашлось мѣсто въ сборникѣ для дѣтей и юношей! Указатель не перечисляетъ „чистой порнографіи“ этого „реалиста“, а используетъ его сальное творчество преимущественно въ цѣляхъ антимилитаризма: „Разгромъ“, сада мельницы“, „Какъ умираютъ“, „Наводненіе“ —10 к.“ Но есть все это и за 6 и за 4 коп. Но въ „дополненіе къ

этому указателю есть и спеціальная порнографія: „Карьер-Ругоновъ“ Зуттнеръ.—„Долой оружіе! („удачное сокращеніе“ за 15 к.)

Тутъ г.г. Владиславлевы не выдерживаютъ и поясняютъ:

> „Романъ Б. Зуттнеръ, представляющій яркій протестъ противъ войны—этого пережитка древняго варварства, переведенъ на многіе языки и выдержалъ сотни изданій“.

Ибсенъ.—Врагъ народа (Докторъ Штокманъ)—40 к. Но есть тоже и за 10 к. А кромѣ того есть „Докторъ Штокманъ“ (по Ибсену). Повѣсть. 30 к.—И только. Лессингъ.—„Натанъ Мудрый“—70 коп.—И только. Лонгфелло—„Пѣснь о Гайаватѣ“.—80 к. И только. Ясно, что всѣ эти имена приведены только для того, чтобы нельзя было сказать, что ихъ нѣтъ. Хотя нѣтъ классическаго Шатабріана, нѣтъ Карлейля, нѣтъ Уланда. Но зато есть какой-то Меримэ.—„Жакерія“. Драма съ предисловіемъ о Мерима, какой-то Венгеровой—10 к. Тутъ же поясненіе, почему понадобился этотъ писатель:

> „Изъ эпохи возстанія въ XIV в. французскихъ крестьянъ противъ дворянства. Ярко обрисовано взаимоотношеніе феодаловъ, духовенства и крестьянъ“.

Мольеръ представленъ „Скупымъ“, „Тартюфомъ“ и „Мѣщаниномъ въ дворянствѣ“,—очевидно для счета. Мопасанъ.—„На водѣ“,—60 к. „Черствые люди“—8 к., и конечно, „Разсказы изъ франко-прусской войны (по французски, кажется, вовсе нѣтъ такого изданія)—6 к. и „Разсказы изъ жизни французскихъ крестьянъ“ (тоже, кажется, нѣтъ). Мультатули—„Приключенія“ какого-то „Вальтера Петерса“ и „Богъ хочетъ милости, а не жертвы“,—8 к. Тутъ же по-

ясненіе: „Изъ жизни угнетаемыхъ туземцевъ на о Явѣ". Какъ видите, указатель разыскиваетъ „угнетателей" и угнетаемыхъ даже на островѣ Явѣ.

Польскіе писатели и въ особенности писательницы богато представлены.

У Шекспира все жизнерадостное и веселое выброшено, ибо вообще указатель признаетъ такую литературу недопустимою для дѣтскаго и юношескаго возраста.

Шиллеръ. — «Избранныя стихотворенія» по 10 и по 20 к. Перечислены и нѣкоторыя драматическія произведенія. Но «Фіеско» нѣтъ почему-то, и, конечно, нѣтъ трилогіи «Валленштейнъ» (Лагерь Валленштейна, Пикколомини, Смерть Валленштейна).

Мы видѣли, какъ обращается указатель съ такими писателями, какъ Лѣсковъ, Майковъ, Тютчевъ, Голенищевъ-Кутузовъ. За то, эти «пробѣлы» широко заполнены какими-то Войничами, Гаринымы, Дрожжиными («воспѣвающими народную жизнь «труда и горя»), Реформатскими, Рубакиными, Серафимовичами, Яблоновскими («талантливо дающими яркую картину убивающей душу живую и уродующей обстановки нашей средней школы»).

Съ другой стороны Некрасовъ, напр., обставленъ хотя и тѣми же „стражниками", какъ и Гоголь, Пушкинъ, Достоевскій, но уже не въ роли стражниковъ, а въ роли глашатаевъ и восхвалителей. Одинъ изъ сихъ стражниковъ— восхвалителей Ив. Смирновъ даже ударяется самъ въ поэзію отъ избытка чувствъ и въ дополненіе къ стихамъ Некрасова «кончаетъ свое предисловіе» къ книгѣ о Некрасовѣ слѣдующими, приведенными въ приложеніи къ указателю, строками:

„Пускай намъ говоритъ измѣнчивая мода,
Что тема старая—„страданія народа"
И что поэзія забыть ее должна,—
Не вѣрьте, юноши! Не старѣетъ она!..
. . . . . Увы, пока народы
Влачатся въ нищетѣ, покорствуя бичамъ,
Какъ тощія стада по выжженнымъ лугамъ—
Оплакивать ихъ рокъ, служить имъ будетъ муза..." *)

По этимъ строкамъ можно судить о ярко-соціалистическомъ направленіи всѣхъ этихъ стражниковъ—восхвалителей.

Такимъ образомъ, все доступное по цѣнѣ и рекомендованное гг. Владиславлевымъ и Рубакинымъ составляетъ въ совокупности строго очерченный кругъ чтенія, открыто разсчитанный на воспитаніе будущихъ бомбометателей, не видящихъ вокругъ сквозь мутно-красные очки, надѣтые на нихъ этимъ кругомъ чтенія быть можетъ на всю жизнь, ничего кромѣ «мести и печали», кромѣ «нужды и горя», кромѣ героизма «каторги».

Еще два слова. Указатель г. Владиславлева составленъ, какъ я въ началѣ своего очерка отмѣтилъ, не только для учениковъ, но и для учителей, а я теперь подчеркну —преимущество для учителей. Это со свойственною гг. Рубакинымъ безцеремонностью прямо указывается въ рядѣ приложеній къ указателю.

I. «Примѣрный планъ записи краткихъ свѣдѣній о прочитанныхъ книгахъ». «Записи по этому плану» мы (т. е. гг. Владиславлевы и Рубакины) практиковали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ со своими учениками».

*) „Муза мести и печали" по опредѣленію другого стражника –восхвалителя, именно каторжника Якубовича (Мельшина) С. В.

II. „нѣсколько пособій, могущихъ быть весьма полизными для учащихся при изученіи художественныхъ произведеній". Напр. В. Балталонъ. — «Пособіе для литературныхъ бѣсѣдъ и письменныхъ работъ».

III. „Литературныя чтенія и бесѣды. Классное и домашнее чтеніе". — Балталонъ. — „Воспитательное чтеніе. Пособіе для учителей и учительницъ. М. 1908 г. 80 к." Острогорскій— „Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу". А. Грузинскій. — Литературныя чтенія и бесѣды въ нашей средней школѣ и т. д. -цѣлая спеціально-рубакинская литература.

IV. „Выразительное чтеніе". — Тоже цѣлая литература и

V. „Библіографія руководствъ по выбору книгъ для дѣтскаго чтенія". Длинный списокъ указателей книгъ для дѣтей, каталоговъ дѣтскихъ библіотекъ и т. д. Очевидно всѣ эти „руководства" составлены въ томъ же духѣ, какой разитъ отъ указателя г. Владиславлева, и преслѣдуютъ тѣ же цѣли, что и этотъ указатель, цѣли озлобить, обезбожить—словомъ подготовить къ кровавому бунту подростающія поколѣнія русской молодежи. Иначе, они, конечно, не были бы указаны г. Владиславлевымъ.

Въ концѣ этого перечня отмѣчены еще „спеціальные указатели": 1) По исторіи и общественнымъ вопросамъ, 2) по естествовѣденію, 3) по географіи, 4) народная и дѣтская литература А. Громбаха и т. д. Словомъ— полный курсъ „самообразованія" не только для учащихся но и для учителей и для пропагандистовъ противогосударственныхъ и противо-христіанскихъ идей.

Вся это огромная школьно-революціонная литература, все это чудовищное революціонное книгоиздательство на

коплялось и развивалось давно, но медленно и осторожно.

Гг. просвѣтителямъ приходилось кое-когда огляываться на „Министерство" на „Царское правительство". Но за послѣдніе проклятые шесть—семь лѣтъ политическаго распутства эта литература и это книгоиздательство развернулись во всепоглащающую силу, подтачивающую русскую государственность въ самомъ ея корнѣ и чувствующую себя теперь государствомъ въ государствѣ со своимъ властнымъ и строгимъ „революціонно-школьнымъ правительствомъ". Напр.: это правительство дѣлаетъ „анкеты" по подчиненнымъ ему учебнымъ заведеніямъ и получаетъ еще въ 1901 году отвѣты отъ 58 такихъ заведеній. Или еще примѣръ: изданный въ 1908 г. книжнымъ магазиномъ „Трудъ указатель книгъ, особенно рекомендованный г. г. Владиславлевымъ и Рубакинымъ и составленный кружкомъ преподавателей и писателей, широко охватываетъ почти всѣ области знанія, составляетъ огромный трудъ въ 831 страницу и заканчивается „спискомъ книгъ просмотренныхъ, но не одобренныхъ".

Какъ видите, у революціоннаго школьнаго правительства тоже есть свой „ученый комитетъ". Но, въ отличіе отъ такового при министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, этотъ комитетъ зорко и неусыпно работаетъ сообразно цѣлямъ и видамъ своего крамольнаго правительства и не только «рекомендуетъ» и «допускаетъ» въ свои, именуемыя почему-то до сихъ поръ „казенными" школы наиболѣе полезныя съ точки зрѣнія своего крамольнаго правительства книги и руководства, но и прямо перечисляетъ „не одобренныя",—стало быть запрещенныкниги. И можно быть увѣреннымъ въ томъ, что измѣнния ковъ и сонныхъ тетерь въ этомъ открыто крамольномъ комитетѣ нѣтъ и что никакихъ „черносотенныхъ вольнодумствъ о какомъ-то великомъ русскомъ народѣ, о какомъ-то православіи, о какой-то любви къ Царю,—словомъ,

о какой-то Святой Руси, въ обиходѣ подчиненной революціонно-школьному правительству „казенной“ школы не окажется, не окажется никакихъ въ ней черносотенныхъ хрестоматій разныхъ Ушинскихъ, Тарапыгиныхъ, Тернавцевыхъ, а будутъ продолжать тушить вѣру въ Бога и любовь къ Царю и Россіи всѣ эти Вахтеровы, Тулуповы, Рубакины, Сатаровы...

Неужели, послѣ всего выясненнаго въ этомъ очеркѣ и во всей нашей книгѣ, наше вѣдомство народнаго просвѣщенія не заслуживаетъ сравненія съ конюшнями царя Авгія, для очистки которыхъ нужны полубоги.

Въ республикахъ нужны полубоги, нужны чудеса для очистки государства отъ алегорически изображенныхъ этими конюшнями закоренѣлыхъ неустройствъ. Въ Самодержавной Россіи полубоговъ и ихъ чудесъ не нужно, нужно лишь грозное Царское слово!

И какъ по „манію Царя“ пала рабская зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, такъ пусть по грозному Царскому слову будутъ разбиты тѣ изувѣрскія духовныя цѣпи, въ которыя іудо-интеллигентное безнародное и безбожное школьное правительство позорно заковало подрастающую Россію.

С. Володимеровъ.

Послѣ того какъ предшествующими статьями дана правдивая картина того до ужаса опаснаго положенія, въ какомъ находится планомѣрно революціонируемая русская школа, мы находимъ нужнымъ цѣликомъ перепечатать въ этой книгѣ статью „Борьба противъ вѣры во французской школѣ «С. В. Троицкаго»».

Дѣлаемъ это съ цѣлью указать русскому народу несчастнымъ отцамъ и матерямъ развращаемыхъ русскихъ дѣтей, къ чему наконецъ приводитъ тотъ путь, по коему шла къ своему школьному и государственному развалу масонская Франція и на которой встала теперь школа русская, ведомая къ такой же гибели тѣми же или такими же преступными руками.

Борьба противъ вѣры

во французской школѣ.

Борьба противъ вѣры во французской школѣ не чужое, не постороннее для насъ дѣло. Эта борьба уже давно перешла границы Франціи и сдѣлалась международной, но Франція въ этой борьбѣ идетъ впереди и является ея центромъ.

Въ Парижѣ Лигой образованія учрежденъ особый комитетъ, имѣющій цѣлью защищать антирелигіозную политику Франціи за границей и склонять въ ея пользу общественное мнѣніе другихъ странъ и Лиги образованія, учрежденныя въ послѣднее время во многихъ странахъ для борьбы церковною школою, есть до нѣкоторой степени отдѣленія французской Лиги.

Сторонники безрелигіозной школы въ Испаніи, въ Италіи прямо заявляютъ, что они идутъ по стопамъ Франціи.

„Вы можете быть увѣрены г. Пти, сказалъ недавно итальянскій министръ просвѣщенія Кредаро представителю союза французскихъ учителей, что въ нашей школьной реформѣ всегда вѣетъ вѣтерокъ, идущій отъ братскаго народа». А развѣ не вѣетъ этотъ вѣтерокъ и у насъ, въ нашей Лигѣ образованія, среди враговъ церковно-приход-

---

[1]) Рѣчь на торжественомъ собраніи С.-Петербургскаго Братства Пресвятой Богородицы въ домѣ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сунода, 23 апрѣля 1912 года.

ской школы, среди враговъ конфессіональной школы, среди союзовъ учителей, явочнымъ порядкомъ отмѣняющихъ молитву въ школѣ, среди сторонниковъ замѣны Закона Божія „гражданскою моралью“ и такъ далѣе. Но прежде чѣмъ ввѣряться этому вѣтерку, не мѣшало бы посмотрѣть, куда влечетъ онъ. Франція уже давно идетъ по его направленію и здѣсь это выяснилось достаточно. Тогда какъ у насъ стремятся устраненію вліянія церкви на школу главнымъ образомъ изъ подражанія Западу, не отдавая себѣ отчета ни въ тѣхъ идеяхъ, на коихъ основываются эти стремленія, ни въ тѣхъ результатахъ, къ которымъ оно приводитъ, во Франціи борьба эта уже доведена до своихъ послѣднихъ выводовъ и то, что у насъ находится еще въ зародышѣ, тамъ распустилось пышнымъ цвѣтомъ, а мѣстами принесло и обильные, хотя и весьма горькіе плоды.

Въ нашей либеральной печати истинный характеръ борьбы противъ вѣры во французской школѣ совершенно искажается. Просматривая толстные и тонкіе наши журналы и газеты, поражаешься, въ какомъ одностороннемъ и совершенно неправильномъ освѣщеніи изображается эта борьба. Защитники мнимо „нейтральной“ школы представляются здѣсь невинными агнцами, безкорыстно заботящимися лишь о просвѣщеніи родной страны и мирѣ между вѣроисповѣданіями, ея противники—адептами мрачнаго средневѣковаго фанатизма, своекорыстной клерикальной политики.

Очевидно, международный комитетъ Лиги образованія не теряетъ времени даромъ. Каковъ же характеръ этой борьбы и ея результаты на самомъ дѣлѣ, не по изображенію одной изъ борющихся сторонъ, а по официальнымъ статическимъ даннымъ, по твердо удостовѣреннымъ фактамъ?

Борьба противъ религіи въ школѣ ведется Лигой образованія, основанной еще въ 1866 году съ цѣлью вызвать частную инициативу въ дѣлѣ народнаго. Съ самаго начала

въ Лигѣ получили перевѣсъ антицерковныя масонскія теченія, но пока сила была не въ ея рукахъ, ея стремленія прикрывались высокими девизами свободы совѣсти и вѣроисповѣднаго мира. Въ 1875 году былъ Лигой вмѣстѣ съ масонами выработанъ планъ борьбы съ церковью. Послѣ Франко-Германской войны Лига начала дѣятельную агитацію въ пользу обязательнаго обученія. Очень искусно играя на чувствѣ патріотизма французовъ и пользуясь извѣстной фразой:

«Францію побѣдилъ школьный учитель». Лига доказывала необходимость уничтоженія клерикализма въ школѣ, во имя патріотизма, а затѣмъ, когда цѣль была достигнута, стала бороться и противъ патріотизма во имя уже нескрываемыхъ масонскихъ идеаловъ. Точно также желая получить большее вліяніе на дѣло образованія. Лига отстаивала сначала принципъ свободы школы, а потомъ, когда она получила власть въ свои руки, стала отстаивать принципъ монополіи государства въ дѣлѣ образованія.

Но одурманенное громкими фразами Лиги общество, французскіе протестанты и даже благонамѣренные католики долго не могли понять ея истинныхъ цѣлей и вліяніе ея становилось все сильнѣе и сильнѣе. Въ концѣ концовъ, Лига стала какимъ-то неоффиціальнымъ министерствомъ просвѣщенія, подчинивъ себѣ министерство оффиціальное. Не только направленіе школьной политики, но и назначеніе школьныхъ чиновниковъ до министровъ включительно зависѣло отъ нея. Лига дѣйствовала по строго выработанному плану, боясь возбудить противъ себя общесственное мнѣніе, медленно, но вѣрно достигая своихъ цѣлей. Въ настоящее время Лига имѣетъ до 40.000 отдѣленій, разсѣянныхъ по всей Франціи съ 600.000 членовъ и обладаетъ значительными средствами, такъ какъ каждый членъ вноситъ не менѣе 6 франковъ. Еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Лига почувствовала себя настолько сильною,

чтобы перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Французская школа дѣлилась тогда на два типа: школу вольную, т. е. церковную, содержимую церьковью и находящуюся въ ея безраздѣльной власти и школу правительственную, въ которой вліяніе церкви признавалось закономъ. Въ школьныхъ Совѣтахъ правительственныхъ школъ участвовали епископы, въ нихъ преподавался Законъ Божій. Духовенству предоставленъ былъ постоянный доступъ въ школу и наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія. И вотъ Лига образованія прежде всего стремится изгнать церьковь изъ правительственной школы,а потомъ уничтожить и церковную школу. Министромъ Просвѣщенія былъ тогда Жюль Ферри, дѣятель Лиги образованія. Въ своихъ рѣчахъ въ Лигѣ и среди масоновъ онъ прямо завилъ, что пора покончить съ мистицизмомъ и богословіемъ, а обезпокоенныхъ католическихъ депутатовъ увѣрялъ въ парламентѣ, что онъ отстаиваетъ лишь полную свободу общинной школы въ дѣлѣ религіи и что католическое духовенство по прежнему будетъ имѣть возможность преподавать и въ этихъ школахъ Законъ Божій. «Меня упрекаютъ въ, томъ, говорилъ онъ, что законопроектъ есть покушеніе на свободу совѣсти и угроза католической церкви. Я заявляю, что никогда не изобрѣталось большей лжи, чтобы смутить простыя, благочестивыя души. Развѣ бѣлое духовенство, истинно французское духовенство лишено права учить? Развѣ государственное обученіе дѣйствительно, безрелигіозно, и развѣ мы хотимъ изгнать изъ нашихъ школъ Законъ Божій? Нѣтъ, господа, ко всему этому мы будемъ относиться съ уваженіемъ». «Если бы учитель государственной школы забылся до того, что, сталъ бы предлагать ученикамъ ученіе враждебное и оскорбляющее религіозныя вѣрованія кого бы то ни было, говорилъ Ферри въ Сенатѣ, то такой учитель былъ бы строго и немедленно усмиренъ, подобно тому, кто сталъ бы бить учениковъ или

дурно обращаться съ ними».*) Лицемѣрная политика увѣнчалась успѣхомъ. Епископы были лишены права участія въ школьныхъ совѣтахъ. 28 марта 1882 года преподаваніе Закона Божія было запрещено въ низшей школѣ, а потомъ и въ средней и высшей школѣ. Протестанты въ 1907 году просили масоновъ разрѣшить хотя преподаваніе исторіи религіи, но и это не разрѣшили, боясь, что исторіей религіи нѣкоторые учителя будутъ пользоваться для защиты христіанства. 30 октября 1886 году преподавать духовнымъ лицамъ въ правительственной школѣ было запрещено. Учителя были подобраны сообразно рекомендаціямъ Лиги образованія и учитель вездѣ сдѣлался противникомъ священника—anticuré, по ходячему французскому выраженію. Учителямъ запрещено было быть органистами или пѣвцами въ церкви, участвовать въ религіозныхъ церемоніяхъ или процессіяхъ, водить учениковъ въ церковь и даже ходить къ обѣднѣ самимъ. Школьные инспектора за проступками такого рода слѣдили гораздо строже, чѣмъ за педагогическими промахами: списокъ неблагонадежныхъ учителей, ходящихъ въ церковь, представлялся самому министру и попасть въ такой списокъ—это значило проститься съ карьерой, а иногда и со службой. Одна учительница протестантка была лишена мѣста префектомъ только за то, что одинъ разъ играла на органѣ во время богослуженія. На помощь правительству и Лигѣ въ дѣлѣ искорененія религія въ общинной школѣ пришла федерація учителей, объединившая около 100 тысячъ учителей и учительницъ, т. е. почти всѣхъ учителей общинныхъ школъ и руководимая масонами и соціалистами, федерація, не признаваемая закономъ, не пользующаяся покровительствомъ министровъ и Лиги, и пріобрѣтающая все бо̀льшее

*) Рѣчь Жюля Ферри въ Сенатѣ 16 марта 1882 г. Journal Officiel, 17 марта 1882 г., стр. 227.

и бо́льшее вліяніе на школьныя дѣла. Почувствовавъ, что вся сила въ ихъ рукахъ, лига и федерація не считаютъ нужнымъ носить болѣе маску и говорить о безрелигіозной школѣ. Недавно министръ Вивіани откровенно называетъ прежнія рѣчи о нейтральности школы, „дипломатическою ложью“. Не будемъ говорить о нейтральности школы, заявляетъ глава Лиги Оларъ, авторъ многихъ учебниковъ, не будемъ говорить—мы не хотимъ разрушить религію, и скажемъ прямо—мы хотимъ разрушить религію. Задача нашихъ учителей, цѣль и смыслъ существованія ихъ состоятъ въ томъ, чтобы покончить съ религіей». «Свѣтская школа, говоритъ инспекторъ общинныхъ школъ Декэръ Гробѣль, есть орудіе войны противъ католичества. Цѣль этой школы состоитъ въ томъ чтобы создать невѣрующихъ. Наши надежды на свѣтскую школу были бы тщетны, если бы въ ней соблюдалась нейтральность. Свѣтская школа—это мельница, въ которую бросаютъ христіанскаго ребенка, чтобы получить изъ нея человѣка, свободнаго отъ всякой вѣры». „Нашъ врагъ—церковь, заявляетъ органъ учительской федераціи и тѣ тиранніи, которыя она защищаетъ и прикрываетъ: военная, капиталистическая и буржуазная, всѣ касты, всѣ попы“! Эту точку зрѣнія вполнѣ раздѣляла и вся учительская федерація.

На второмъ конгрессѣ этой федераціи въ 1902 году была принята слѣдующая резолюція: «Общественное воспитаніе должно основаться исключительно на наукѣ и разумѣ. Общественное воспитаніе въ школахъ можетъ быть достигнуто вполнѣ только въ томъ случаѣ, если учитель будетъ свободенъ отъ клерикальнаго духа, путемъ уничтоженія въ программахъ морали главы объ обязанностяхъ къ Богу». И вотъ началась безпощадная борьба противъ христіанства. Тогда какъ прежніе учебники еще мирились съ гипотезой „Верховномъ Существѣ“, новые учебники не хотятъ знать ничего подобнаго. Тщетно нѣкоторыя ком-

муны просили не вычеркивать изъ учебниковъ имени Божія, такъ какъ здѣсь нѣтъ ничего такого, что могло бы оскорбить дѣтскую душу; ихъ просьба осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ изданіи французскихъ классиковъ, наприм., Расина или Корнэля, мѣста, говорящія о Богѣ выпущены или замѣнены. Самой распространенной школьной книгой во Франціи является книга жены извѣстнаго и у насъ французскаго философа Фулье: «Путешествіе двухъ дѣтей по Франціи» („Le tour de la France par deux enfants"), въ короткое время выдержавшая болѣе 400 изданій. Одинъ журналъ („Monatsblatt für Mitglieder des Evangelisches Bundes") взялъ на себя трудъ сравнить изданіе 1903 года съ изданіемъ 1908 года. И вотъ оказалось, что въ 1903 году дѣти могли кричать: „Господи", а въ 1908 году это мѣсто замѣнено: «Охъ!» или «Какое несчастье!» Въ 1903 году было напечатано: „Мы объединимся въ любви къ Богу и отечеству", въ 1908 г.: „въ любви къ отечеству и долгу". Въ 1903 г.: стояло: „Молитва передъ сномъ", въ 1908 г. „Юліана засыпаетъ"; въ 1903 г.: „Красоты природы должны возвышать нашу мысль къ Богу", въ 1908 г. слова „къ Богу" выпущены; въ 1903 г.: „Молитва подаетъ намъ надежду и мужество", въ 1908 г. эти слова замѣнены: „Мы должны взаимно помогать другъ другу". Изображеніе Реймскаго собора замѣнено картой Шампани. Упоминаніе объ одной знаменитой больницѣ пропущено только потому, что она носитъ по французски названіе «Hotel-Dieu», Слово «Евангеліе» замѣнено словами «одна книга». Въ иллюстраціи, изображающей главныя зданія селенія, церковь замѣнена почтовымъ отдѣленіемъ. Въ одномъ мѣстѣ ранѣе читалось: «Было воскресенье. Павелъ шелъ съ сестрой изъ церкви». Теперь читается: «Былъ понедѣльникъ. Павелъ шелъ съ сестрой изъ школы». Даже въ азбукахъ отпечатлѣлся этотъ фанатизмъ невѣрія.

Въ упражненіяхъ для чтенія слово «abbé» (аббатъ) за-

мѣнено словомъ «été», (лѣто), фраза „Богъ великъ“ фразой «Парижъ великъ». На стѣнахъ многія изображенія чудныхъ готическихъ соборовъ замѣнены были изображеніями собакъ, утокъ и лисицъ. Въ учебникахъ исторіи того же Олара и Дебидура говорится, что религія порождена страхомъ передъ явленіями природы, что о Христѣ ученики Его сочинили, будто Онъ воскресъ. О христіанскихъ мученикахъ разсказывается, что они погибли за презрѣніе къ законамъ, и «нѣсколькимъ» мученикамъ противопоставляются „мученики свободной мысли“, „истинные герои духа“—революціонеры, погибшіе при взятіи Бастиліи. Христіанство, по учебнику, погубило римскую имперію. Въ исторіи среднихъ вѣковъ на первый планъ выставляются темныя стороны католичества, жестокость крестоносцевъ, инквизиція, драгонады, а его громадное культурное значеніе для варварскихъ народовъ запада совершенно замалчивается. Въ учебникахъ Примэра совершенно не упомянуты Людовикъ Святой, Карлъ Великій, Жанна д'Аркъ, Баяръ, Дюгесклэнъ, но подробно изложены всѣ подвиги враговъ католичества. «Это не воскрешеніе прошлаго справедливо говоритъ одинъ ученый, а громадный заговоръ противъ исторической истины“. Въ учебникахъ морали проповѣдуется: церковь всегда защищала невѣжество и рабство. Христіанская мораль есть мораль унижающая. Церковь является врагомъ науки, цивилизаціи и всякаго прогресса. Человѣческія права существуютъ раньше обязанностей. Языческая цивилизація болѣе возвышенна, чѣмъ христіанская. О Богѣ и вѣчной жизни здѣсь говорится: „такъ какъ неизвѣстно, что можетъ быть послѣ смерти, то люди постарались сочинить нѣсколько суевѣрій. Говорятъ, что со смертію мы возвращаемся къ Богу, Который награждаетъ и наказываетъ и что поэтому нужно молиться и почитать Его, для чего и указываютъ разные обряды. Такимъ путемъ возникла религія. Такихъ религій много. Всѣ онѣ го-

ворятъ о Богѣ и будущей жизни, т. е. о томъ, чего никто не знаетъ. Поэтому мы можемъ выбирать изъ религіи ту, которая намъ покажется болѣе подходящей, а если такой не найдется, то можемъ оставаться и безъ всякой религіи.

Стараются искоренить учебники и чувство патріотизма. Въ „Руководствѣ Гражданскаго нравственнаго и соціальнаго воспитанія“ Примэра всѣ великіе полководцы и герои названы бичемъ человѣчества, позоромъ исторіи. Дѣтямъ внушается, что военная слава,—ложная слава, что отечество, родина—это предразсудокъ, и всѣ мы—граждане міра и т. д. Въ хрестоматіяхъ приведены отрывки изъ Вольтера, Ламартина, Гюго и даже Зола, гдѣ идетъ рѣчь объ ужасахъ войны, но нѣтъ отрывковъ, гдѣ бы говорилось о страданіяхъ отечества и необходимости защищать его.

Еще дальше учебниковъ идутъ учителя. Грубыя и глупыя издѣвательства надъ вѣрою дѣтей составляютъ обычное явленіе во французской школѣ. Обыкновенно учитель служитъ въ то же время писцомъ въ мѣстномъ магистратѣ, благодаря чему онъ пользуется сильнымъ вліяніемъ на населеніе. Учителя запрещаютъ дѣтямъ ходить въ церковь, грозя ослушникамъ лишеніемъ аттестата. Родители не осмѣливаются защищать дѣтей, боясь гнѣва «начальства». Однажды учитель замѣтилъ, что его семилѣтняя ученица идетъ въ воскресенье къ обѣднѣ. Въ понедѣльникъ въ школѣ ей приказано выдти къ столу и прочитать „Отче нашъ“. „Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ“.—„Какъ, твой отецъ на небѣ? Я только, что видѣлъ его на улицѣ!“ Вся школа смѣется. «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!“—«Что? Отецъ не даетъ тебѣ хлѣба? Да, вѣдь онъ булочникъ!» Малютка не знаетъ куда и дѣваться отъ стыда и страха. Въ слѣдующее воскресенье она однако снова идетъ въ церковь, и въ понедѣльникъ опять начинаются издѣвательства. «Читай Богородицу».—„Богородице Дѣво, радуйся“ «Какъ развѣ ты знакома съ этой женщиной,

что привѣтствуешь ее? Привѣтствуютъ только тѣхъ, кого знаютъ». — „Нехорошо вы дѣлаете, господинъ учитель» — робко замѣчаетъ десятилѣтній мальчикъ, но умолкаетъ подъ грознымъ взглядомъ учителя. Такого рода сценки весьма обычны въ стѣнахъ французскихъ школъ. Учитель школы въ Вевиньe въ Дижонскомъ Департаментѣ Моризо держалъ такую рѣчь къ своимъ малолѣтнимъ слушателямъ. „Всѣ, кто вѣруетъ въ Бога — ослы, исповѣдь глупость, а единственный дѣйствительный богъ - туго набитый кошелекъ". Какой-то учитель въ окрестностяхъ Парижа предупредилъ учениковъ, что тѣ, кто ходятъ въ церковь, не будутъ допущены къ экзаменамъ. Другой учитель, Лабуссеръ убѣждалъ дѣтей, что Бога не существуетъ и чтобы убѣдиться въ этомъ предлагалъ произвести какое-либо кощунство, которое всегда останется безнаказаннымъ. Третій учитель увѣрялъ, что душой человѣка является мозгъ, и когда мозгъ по смерти начинаетъ гнить, исчезаетъ и душа, и т. д. Таковы иллюстраціи по удачной фразѣ бывшаго французскаго министра Вивіани: „нейтральность свѣтской школы — это лишь дипломатическая ложь".

Покончивъ съ религіей въ общинной школѣ, Лига образованія въ началѣ нынѣшняго столѣтія пошла дальше. Помимо общинной школы существовала еще школа вольная, школа содержимая церковью, и не только существовала, но и процвѣтала и процвѣтала даже больше чѣмъ богатая общинная школа. Какъ свидѣтельствуетъ книга противника церковной школы Ле Бона „Психологія воспитанія", эти школы, не получая ни копѣйки отъ государства, находились въ превосходномъ состояніи. Онѣ заслуженно пользовались довѣріемъ общества и конкуренція съ ними общинной школы была совершенно не подъ силу. Церковныхъ школъ насчитывалось болѣе 25.000, въ нихъ обучились болѣе половины учащихся (53,5%). Онѣ давали не

только образованіе, какъ школы общинныя, но и выдержку, воспитаніе. Даже постановка учебнаго дѣла въ нихъ была гораздо выше чѣмъ въ школахъ общинныхъ и на конкурсныхъ экзаменахъ въ высшія учебныя заведенія обычно побѣждали ученики церковныхъ школъ. Поэтому даже противники церкви часто посылали своихъ дѣтей въ церковныя школы. Но чѣмъ лучше была церковная школа, тѣмъ опаснѣе казалась она врагамъ вѣры. Начались мѣропріятія противъ этихъ церковныхъ школъ.

Съ 1902 г. правительство стало неизмѣнно отклонять ходатайства монашескихъ общинъ объ открытіи новыхъ училищъ и даже закрыло 115 недавно открытыхъ церковныхъ школъ. Въ 1903 году парламентъ не дозволилъ открытіе школъ 54 конгрегаціямъ, и въ 1904 году былъ изданъ законъ объ окончательномъ упраздненіи открытыхъ монашскихъ школъ въ продолженіи 10 лѣтъ. Однако на самомъ дѣлѣ монашескія школы были уничтожены гораздо ранѣе вслѣдствіе изгнанія монаховъ. Законы, направленные противъ монаховъ и церкви, слѣдовали одинъ за другимъ чуть не каждый годъ. Въ 1901 г. изгнаны всѣ нелегализованные монахи. Въ 1903 году уничтожены всѣ монашескіе ордена, члены ихъ изгнаны изъ Франціи и имущества проданы съ аукціона. Духовныя лица изгнаны изъ госпиталей. Въ 1905 году въ Великую Пятницу Распятія были вынесены изъ залъ суда. Въ 1905 году у церкви отняты были деньги, завѣщанныя для поминовенія. Духовенство лишено жалованья отъ государства, доходившаго до 40 милліоновъ франковъ. Въ 1906 году произведена опись церковныхъ имуществъ и отобраны въ казну дома епископовъ и зданія семинарій. Въ 1907 году отобраны имущества, завѣщанныя церковнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ. Всѣ эти направленныя противъ церкви мѣры вредно отражались и на церковной школѣ.

Педагогическій персоналъ церковныхъ школъ состоялъ

главнымъ и изъ монаховъ и съ изгнаніемъ ихъ католическая школа сразу лишилась чуть не всѣхъ опытныхъ учителей. Вмѣстѣ съ конфискаціей церковныхъ зданій были конфискованы и школьныя зданія, игромадныя матеріальнюя потери церкви оцѣниваемыя въ суммѣ близкой къ 400 милліоновъ франковъ, дѣлали чрезвычайно затруднительнымъ какъ подысканіе новыхъ учителей, такъ и постройку школьныхъ зданій.

Лишивъ церковную школу матеріальныхъ средствъ, Лига образованія хочетъ создать новые законы, направленные противъ церковной школы. Тогда какъ одни противники этой школы хотятъ всячески затруднять ея дѣятельность предписавъ ей такія условія, которымъ она не можетъ удовлетворить, другіе идутъ далѣе и стремятся совершенно уничтожить церковную школу, установивъ государственную монополію образованія. При двухъ недавнихъ радикальныхъ министерствахъ большіе шансы имѣлъ первый взглядъ, но глава нынѣшняго правительства Пуанкарэ заявилъ въ парламентѣ, что онъ видитъ въ такомъ проектѣ посягательство на свободу обученія и недавно новый министръ просвѣщенія Гисто внесъ законопроектъ, обязывающій учителей вольныхъ школъ сдать такой же экзаменъ, какой сдаютъ учителя школъ общинныхъ. Законопроектъ этотъ мѣтитъ въ ахиллесову пяту вольной школы. Она и безъ того чувствуетъ недостатокъ въ учителяхъ. При этомъ учителя церковныхъ школъ, будучи по свидѣтельству Ле Бона въ большинствѣ хорошими педагогами, педагогами по призванію, не имѣютъ нужныхъ дипломовъ, и экзаменъ для нихъ будетъ несомнѣнно обставленъ не легко, и въ результатѣ не сдавшіе его лишаются права преподаванія, а для сдавшихъ явится большой соблазнъ перейти въ богатую правительственную школу. Церковной школѣ въ близкомъ будущемъ грозитъ такимъ образомъ новая опасность.

Такъ энергично дѣйствовали враги церковной школы.

Что же дѣлали ея защитники? Мы не будемъ излагать полную драматизма борьбу церкви съ государствомъ во Франціи за послѣдніе годы, и скажемъ лишь о тѣхъ мѣрахъ, которыя предпринимала церковь для защиты школы. Церковь боролась и противъ отмѣны преподаванія Закона Божія и противъ невѣрующихъ учителей и противъ развращающихъ дѣтей уебниковъ и противъ идеи государственной монополіи образованія. Преслѣдуемая государствомъ, церковь пытается въ борьбѣ этой оперется на семью. Прежде всего церковь позаботилась, чтобы посѣщающія общинную школу дѣти не оставались безъ обученія Закону Божію. Обычно тамъ, гдѣ нѣтъ церковной школы, устраивается школьное попечительство, организующее ясли, дѣтскіе клубы, вечерніе и воскресные классы, библіотеки, въ которыхъ воспитанники и получаютъ религіозное образованіе. Желающіе преподавать обычно легко находятся не только среди духовныхъ лицъ, но и среди мірянъ. Для привлеченія молодежи, въ помѣщеніяхъ попечительства устраиваются здоровыя развлеченія, лѣтомъ организуются общія прогулки. «Родители довольны, молодежь просвѣщается и мѣстная церковь не пустуетъ». Во главѣ попечительства стоитъ обычно мѣстный священникъ. Такихъ попечительствъ теперь насчитывется болѣе 3000. Правительство не имѣетъ средствъ бороться съ такими попечитльствами. Вольную школу можно закрыть, учащихъ въ ней монаховъ изгнать изъ Франціи, но ассоціацію гражданъ при дѣйствующихъ во Франціи законахъ разогнать нельзя. А школьное попечительство и есть ассоціація, удобно замѣняющая школу. Такая замѣна иногда прямо необходима для бѣдной церкви, такъ какъ въ такомъ случаѣ объ общемъ образованіи дѣтей ей заботиться не приходится. И только учителя могутъ помѣшать исправному посѣщенію такихъ попечительствъ, что они часто и дѣлаютъ, но католики борются и съ ними. Еще въ 1907 году въ

Парижѣ подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго писателя Мориса Баррэ образовался союзъ противъ худыхъ учителей, *) имѣющій цѣлью боротся противъ издѣвательства учителей надъ вѣрою дѣтей. «Мы платимъ этимъ людямъ деньги, говорилъ Баррэ въ публичной лекціи 16 марта, и нельзя требовать отъ насъ, чтобы мы оплачивали систематическое отравленіе нашихъ дѣтей. Мы не желаемъ, чтобы нашъ народъ потерялъ благодаря этимъ «товарищамъ», все свое нравственное достояніе, чтобы у него было искоренено благоговѣніе къ вѣчному благу, вѣра въ Бога и въ человѣческую отвѣтственность! Мы не хотимъ, чтобы дѣльные и любящіе родину религіозныя учителя уступили этому натиску на все высокое и благородное. Отцы семействъ! На васъ нападаютъ. Защищайтесь же!» И отцы семействъ пробуютъ защищатся. Они жалуются на такихъ учителей властямъ или въ суды. Предсѣдатель общества Морисъ Баррэ даже выступилъ противъ Бріана въ парламентѣ, но все это мало помогаетъ, а иногда даже ведетъ къ возвышенію по службѣ учителей. Напримѣръ одинъ членъ общества привлекъ къ суду упомянутого учителя Моризо, назвавшаго въ школѣ всѣхъ вѣрующихъ ослами, а солдатъ злодѣями. Судъ рѣшилъ, что дѣло должно разсмотрѣть въ дисциплинарномъ порядкѣ, т. е. проще говоря, пустить щуку въ воду. Тоже постановилъ и апелляціонный судъ и лишь высшій судъ въ республикѣ приговорилъ Моризо къ штрафу. Учителя стали безпокоиться, чтобы и имъ не подвергнуться участи товарищъ, но министръ просвѣщенія Дурмэръ, чтобы поубдить другихъ слѣдовать примѣру Моризо, сейчасъ же далъ ему видное повышеніе. Такъ какъ многіе родители

*) О подобныхъ родительскихъ союзахъ см. напр. Question Scolaire, juine, 1911; I. T. Les associatimi des chefes de faonille Revue deu Cjergé Francais, 1611, 498 505. 17 мая 1911 года на съѣздѣ представителей родительскихъ союзовъ составленъ проектъ общей федераціи такихъ союзовъ.

запретили посѣщать своимъ дѣтямъ тѣ школы, гдѣ издѣвательство надъ вѣрой дѣтей было особенно возмутительно, то правительство лѣтомъ 1908 года внесло законопроектъ грозившій судебною отвѣтственностью тѣмъ изъ родителей, которые будутъ запрещать дѣтямъ пользоваться антирелигіозными учебниками, а также и тѣмъ, кто будетъ устно или письменно одобрять такія дѣйствія родителэй. Тогда на помощь родителямъ пришли епископы. 20 сентября 1908 г. во всѣхъ церквахъ Франціи была прочитана декларація кардиналовъ, архіепископовъ и епископовъ Франціи къ отцамъ семействъ. Епископы выясняютъ радителямъ, что новые законопроекты являются вопіющимъ нарушеніемъ ихъ правъ. Если они будутъ приняты, родителямъ нельзя будетъ бороться ни противъ учебниковъ, отрицающихъ всѣ догматы христіанской вѣры, не исключая бытія Божія и безсмертія души, ни противъ учителей, такъ какъ отвѣтственность за нихъ правительства, есть въ сущности полбезотвѣтственность кого бы ни было за выходки противъ религіи, По этому епископы убѣждаютъ родителей выбирать такую школу, гдѣ нѣтъ опасности для вѣры дѣтей или совсѣмъ запретить посѣщеніе школы. «Отцы семействъ, заключаетъ декларація, разсчитывайте на насъ, также какъ и мы разсчитываемъ на васъ». Борьба за религію въ школѣ сдѣлалась одной изъ главныхъ темъ и проповѣдей. «И вотъ я говорю, проповѣдывалъ епископъ Монпелье, не слушайтесь. Мы можемъ и должны не повиноваться худымъ законамъ. Правительство борется съ религіей и мы должны объявить войну тѣмъ, кто хочетъ разрушить нашу вѣру». Епископы предприняли и нѣкоторыя практическія мѣры, чтобы помочь союзу отцовъ семействъ. Такъ, архіепископъ Шамбери основалъ комитетъ юристовъ, для безплатнаго веденія дѣлъ противъ учителей. Другой епископъ: установилъ особыя молитвы и мессу для избавленія отъ этого зла.

Въ 1909 году епископы собрались на съѣздѣ и издали новую декларацію. *)

«Въ прошломъ году епископы Франціи обращались къ вамъ съ общимъ посланіемъ, чтобѣ указать вамъ на тяжелые удары, нанесенные двумя новыми законопроэктами авторитету отцовъ и матерей въ дѣлѣ обученія и воспитанія, пишутъ епископы. Это былъ вопль скорби и протеста, необхоимость котораго, къ сожалѣнію, слишкомъ очевидна.

Теперь мы хотимъ напомнить вамъ, о правахъ и обязанностяхъ родителей въ отношеніи къ школѣ по ученію Церкви. Семья есть общество, которое учрежденно Богомъ и которое человѣкъ не можетъ разрушить.

Чтобы ни говорили нѣкоторые, напитанные грубыми заблужденіями язычества, философы, семья должна жить въ государствѣ, но не сливаться съ нимъ. Вамъ, отцы и матери принадлежатъ дѣти, такъ какъ они кость отъ кости вашей и плоть отъ плоти вашей. Они принадлежатъ вамъ, имѣющимъ неотъемлемое право, даровавъ имъ жизнь тѣлесную, научить ихъ и жизни духовной. Въ дѣлѣ воспитанія государство можетъ помогать вамъ и восполнять васъ, но не вытѣснять васъ. Неправъ тотъ, кто въ защиту своихъ притязаній ссылается на права ребенка. Ребенокъ не имѣетъ правъ, отмѣняющихъ права Бога, признать Котораго своимъ началомъ и цѣлью мы обязаны съ момента пробужденія нашего разума; до 18 лѣтъ онъ не имѣетъ права, по теоріи одного софиста и плохого отца, отказываться отъ религіознаго обученія, даваемаго ему родителями прямо и черезъ другихъ лицъ.

Право давать воспитаніе вашимъ дѣтямъ, сообразное съ требованіями вашей религіи, признается за вами не только закономъ естественнымъ, какъ выражаетъ его здра-

*) Напечатана напр. въ Revue du Clergé Francais 15 Octobre. 1909, p. 230—237.

вый разумъ, но и закономъ божественнымъ, какъ его открываетъ намъ Св. Писаніе.

Между прочимъ мы читаемъ въ книгѣ Притчей такое мѣсто: «Сынъ мой, храни заповѣдь отца твоего и не отвергай наставленій матери твоей. Навяжи ихъ навсегда на сердце твое» (Притч. 6, 20, 21).

Св. апостолъ Павелъ учитъ тому же самому словомъ, утверждающимъ семью на основѣ отеческаго и материнскаго авторитета: «Дѣти, будьте послушны родителямъ вашимъ во всемъ, ибо это благоугодно Господу» (Колосс. 3, 20).

Наложенную на васъ обязанность воспитателей вы можете выполнить или сами, или черезъ другихъ, и такъ какъ обычно вы довѣряете ее школѣ, намъ кажется весьма нужнымъ, въ виду современныхъ столкновеній, напомнить вамъ, каковы ваши права и ваши обязанности по отношенію къ этому учрежденію, справедливо разсматриваемому какъ продолженіе семьи, такъ какъ учитель учитъ въ ней дѣтей только въ силу порученія родителей, которымъ они принадлежатъ.

Во-первыхъ, отцы и матери, вы имѣете право и обязанность выбирать для своихъ дѣтей такую школу, въ которой они могутъ получить воспитаніе, требуемое вашей вѣрой.

Во-вторыхъ, вы имѣете право и обязанность наблюдать за этой школой и тотчасъ же брать изъ нея своихъ дѣтей, какъ только вы замѣтите, что она представляетъ для нихъ опасность нравственнаго извращенія и, слѣдовательно, вѣчнаго сужденія.

Прежде всего, мы постараемся подтвердить ваше право и вашу обязанность избрать для своихъ дѣтей школу, гдѣ бы они получили воспитаніе, сообразное съ вашими религіозными принципами.

При современномъ школьномъ режимѣ въ нашей странѣ,

существуютъ два типа школъ: школа вольная (libre) или христіанская школа и школа государственная (publique) или нейтральная. Прежде, чѣмъ говорить о тѣхъ принципахъ, которыми вы должны руководиться при выборѣ, не лишне опредѣлить тотъ и другой типъ школы.

Вольная или христіанская школа—эта та школа, гдѣ учитель, вмѣстѣ съ нужными педагогическими способностями, обладаетъ счастьемъ вѣрить и мужествомъ жить по своей вѣрѣ, подражая, такимъ образомъ, Тому Божественному Наставнику, о Которомъ св. книги повѣствуютъ, что Онъ выполнялъ Свою нравственную систему, прежде, чѣмъ учить ей.

Христіанская школа—это та школа, гдѣ учитель въ своихъ занятіяхъ на первый планъ ставитъ Законъ Божій, даетъ своимъ ученикамъ вполнѣ ортодоксальныя книги и создаетъ вокругъ нихъ благопріятную для развитія ихъ вѣры и добродѣтели атмосферу.

Эту школу ваши дѣти должны встрѣчать вездѣ,—и государство, во имя справедливости, должно предоставить ее въ распоряженіе семей, въ особенности въ такой странѣ, какъ наша, гдѣ громадное большинство исповѣдуетъ католическую религію. Ибо, какъ съ верховнымъ авторитетомъ говорилъ Левъ XIII, «въ высшей степени важно, чтобы рожденныя родителями—христіанами дѣти, въ надлежащее время, были обучены заповѣдями религіи, и чтобы формирующее человѣка отъ его первыхъ лѣтъ обученіе не было отдѣлено отъ религіознаго воспитанія» (энциклика Nobilissima Gallorum gens).

Вотъ почему, дорогіе братья, истинные католики всегда понимали нужду въ христіанской школѣ.

Чѣмъ можно не пожертвовать для того, чтобы умножить въ городахъ и деревняхъ эти пріюты, гдѣ божественное вѣдѣніе преподавалось бы одновременно съ знаніемъ человѣческимъ, преподавалось учителями, самоотвержен-

ность которыхъ вдохновлена религіей и умѣніе много разъ признано стоящими внѣ подозрѣнія въ пристрастіи въ ихъ пользу судьями?

И когда были ниспровергнуты еще свирѣпствующей бурей эти школьныя учрежденія, на которыхъ покоилась надежда семей, чего не должны жалѣть католики, чтобы возсоздать ихъ изъ ихъ развалинъ?

Не смотря на это, число школъ, возстановленныхъ послѣ разсѣянія нашихъ дорогихъ учащихъ общинъ, далеко не достаточно и его нужно постоянно увеличивать. Пусть состоятельные люди приступятъ къ этому дѣлу, не отказываясь отъ новыхъ повинностей, наложенныхъ на нихъ гибельнымъ закономъ, закономъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Устройство католической школы также нужно, какъ и постройка церкви. Мало пользы имѣть церкви, когда онѣ остаются пустыми, а наши церкви вскорѣ опустѣютъ, разъ только безрелигіозныя школы будутъ по прежнему наполняться.

На ряду со школой вольной или христіанской существуетъ школа государственная или нейтральная, происхожденіе которой вы знаете. Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ вслѣдствіе ли горькаго заблужденія или злонамѣренно въ наши школы введено начало религіознаго нейтралитета, начало ложное само по себѣ и гибельное по своимъ послѣдствіямъ. Что такое есть на самомъ дѣлѣ этотъ нейтралитетъ, какъ не систематическое исключеніе изъ школы всякаго религіознаго обученія, и вслѣдствіе этого внушеніе недовѣрія къ истинамъ, считаемымъ всѣми народами необходимой основой воспитанія?

Сославшись затѣмъ на папскія предписанія, епископы продолжаютъ: «Церковь запрещаетъ посѣщать нейтральную школу, вслѣдствіе представляемыхъ ею опасностей для вѣры и добродѣтели. Таково существенное правило, забывать которое не нужно. Тѣмъ не менѣе, бываютъ обстоя-

тельства, когда, не колебля основного принципа, можно примѣнять его не строго. Церковь терпитъ посѣщеніе нейтральной школы, если въ пользу его есть серьезные мотивы. Но этою терпимостью можно пользоваться только на двухъ условіяхъ: нужно, чтобы ничто въ этой школѣ не могло принести вреда совѣсти ребнка; нужно, кромѣ того, чтобы родители и священники давали внѣклассное религіозное обученіе и воспитаніе, получать каковое въ школѣ воспитанники не имѣютъ возможности.

Какова обязательная сила этихъ предписаній, относящихся и къ среднимъ и къ низшимъ школамъ? Папскія инструкціи объявляютъ, что онѣ подвергаютъ тяжелой отвѣтственности, неотпускаемой даже при исповѣди, тѣхъ родителей, которые, зная о своихъ обязанностяхъ, не исполнятъ ихъ. Въ настоящее время никто не можетъ отрицать, что большая часть такъ называемыхъ нейтральныхъ школъ потеряла этотъ характеръ. Завѣдующіе ими наставники не стѣсняются оскорблять вѣру своихъ учениковъ, совершая безпримѣрное злоупотребленіе довѣріемъ и посредствомъ учебниковъ, и потредствомъ устнаго обученія, и тысячью другихъ способовъ, внушенныхъ имъ ихъ нечестіемъ.

Въ виду этой нечестивой работы мы чувствуемъ себя обязанными нашею епископскою совѣстью напомнить вамъ о евангельскомъ запрещеніи. Недозволительно вамъ избирать для своихъ дѣтей какую бы то ни было школу, въ которой они были бы воспитаны въ презрѣніи къ ученію и заповѣдямъ нашей святой религіи. Дѣлая это, вы сотрудничали бы въ самомъ пагубномъ дѣлѣ и за это преступное соучастіе сдѣлались бы не достойными церковныхъ таинствъ.

Вы имѣете право и обязанность наблюдать за школой. Вы должны познакомиться съ учителями и ихъ преподаваніемъ. Ничто изъ того, что получаютъ и видятъ ваши дѣти,

не должно быть вамъ неизвѣстно: книги, тетради, изображенія,—все вы должны подвергать контролю.

Чтобы успѣшнѣе выполнить свой долгъ, отцы семействъ задумали учредить ассоціаціи. Было бы несправедливо считать мотивомъ учрежденія ихъ чувство враждебности. Наставники, которыхъ не въ чемъ упрекнуть,—и такіе еще существуютъ, и мы рады отдать имъ должное,—не имѣютъ причинъ для опасенія. Наоборотъ, они должны радоваться тому, что семья не остается безразличной къ работѣ школы и, поддерживая ревность учителя, заботится о возможно интенсивной культурѣ ума и сердца учениковъ.

Наконецъ, возлюбленнѣйшіе братья, мы сами хотимъ помочь вамъ въ томъ дѣлѣ надзора, къ которому приглашаемъ васъ. Вотъ почему, пользуясь неотъемлемымъ правамъ нашего епископскаго служенія, мы вмѣстѣ и единодушно осуждаемъ нѣкоторые учебники, которые болѣе распространены и въ которыхъ проявляется духъ лжи и клеветы на католическую церковь, ея ученіе и ея исторію.

Эти руководства, списокъ которыхъ присоединенъ къ настоящему пастырскому посланію, содержатъ массу гибельныхъ заблужденій. Они отрицаютъ или объявляютъ недостаточно доказанными самыя существенныя истины бытіе, Божіе, духовность души, будущую жизнь, первородный грѣхъ, и вслѣдствіе этого отвергаютъ весь сверхъ-естественный порядокъ. Такимъ образомъ мы налагаемъ запрещеніе на употребленіе этихъ книгъ въ школахъ и запрещаемъ всѣмъ вѣрующимъ пріобрѣтать ихъ, читать и оставлять ихъ въ рукахъ дѣтей, какая бы власть ни предписывала этого.

Встрѣчаются и другія руководства, — заслуживающія быть можетъ, такого же сужденія Церкви. Каждому епископу предоставляется отмѣчать ихъ въ своей епархіи и запрещать ихъ употребленіе, если онъ найдетъ это удобнымъ.

Если при помощи просвѣщенной бдительности, внушенной вашею вѣрою, вы откроете, что школа вмѣсто того, чтобы оставаться нейтральною, является только, по знаменитому опредѣленію, „формой, въ которую бросаютъ христіанскаго ребенка, чтобы вынуть изъ нея ренегата", то вы безъ всякаго колебанія тотчасъ же берите изъ нея вашихъ сыновей и дочерей.

Подготовляемый законъ, быть можетъ, вскорѣ сдѣлаетъ для васъ болѣе затруднительнымъ осуществленіе отеческой власти; но какія бы препятствія вы не встрѣчали со стороны человѣческаго закона, желая прежде всего соблюсти законъ Божескій, предписывающій вамъ спасать отъ гибели душу вашихъ дѣтей, вспомните поведеніе апостоловъ передъ первыми преслѣдователями Церкви и отвѣтите совѣтующимъ вамъ подчиниться: Богу нужно повиноваться больше, нежели людямъ.

Напоминая вамъ о вашихъ воспитательныхъ обязанностяхъ, мы не можемъ забыть обязанностей, налагаемыхъ на насъ, какъ духовныхъ отцовъ вашихъ дѣтей. И такъ, мы объявляемъ, что мы готовы на всякое страданіе, чтобы помочь вамъ въ защитѣ отъ школьной опасности и сохранить въ школѣ, вмѣстѣ съ безцѣннымъ сокровищемъ вѣры, лучшія упованія, залогомъ которыхъ оно служитъ для жизни настоящей и жизни будущей. Великая французская героиня Жанна д'Аркъ сказала, когда ей указывали на трудности одного предпріятія: „воины будутъ сражаться, а Богъ дастъ побѣду". Теперь разгорѣлась самая жаркая борьба вокругъ школы, и когда смотрятъ на отовсюду возникающія препятствія, можетъ показаться затруднительнымъ одержать побѣду въ святомъ дѣлѣ воспитанія вашихъ дѣтей. Но будемъ смѣлы, наши дорогіе братья, будемъ сражаться дружно, въ порядкѣ и мужественно; а главнымъ образомъ, будемъ сражаться, какъ и Жанна

д'Аркъ, подъ знаменемъ Іисуса и Маріи. и Богъ, помощь Котораго не замедлитъ, даруетъ намъ побѣду.

Пусть эта побѣда дастъ намъ вскорѣ такое школьное устройство, которымъ могъ бы гордиться народъ, столь любящій справедливость и свободу, какъ народъ Франціи, и желать котораго въ интересахъ семьи, религіи и отечества насъ особенно сильно заставляютъ печальные результаты нейтральной школы".

Далѣе прилагается списокъ 13 осужденныхъ учебниковъ.

Кальве. Исторія Франціи.

Готье и Дешанъ. То же.

Гюйо и Манъ. То же.

Рожи и Деспикъ. То же.

Рожи и Деспикъ. Маленькія лекціи по исторіи французской цивилизаціи.

Девинатъ. Исторія Франціи.

Бруссолетъ. То же.

Оларъ и Дебидуръ. То же.

Оларъ. Элементы гражданскаго обученія.

Альбертъ Байэ. Уроки морали.

Жуль Пайо. Курсъ морали.

Жуль Пайо. Мораль въ школѣ.

Примэръ. Руководство нравственнаго, гражданскаго и соціальнаго воспитанія.

Примэръ. Руководство класснаго чтенія.

Издавъ посланіе, епископы разослали духовенству инструкцію о точномъ соблюденіи предписаній посланія Предъ нами сейчасъ одна изъ такихъ инструкцій —это посланіе парижскаго архіепископа къ настоятелямъ приходовъ своихъ епархій отъ 3-го ноября 1909 года («Univers», 6 ноября). Опровергнувъ въ началѣ посланія всѣ обвиненія, сдѣланныя Бріаномъ въ его рѣчи въ Лигѣ, архіепископъ даетъ практическія указанія. „Прежде всего,—пи-

шетъ онъ, вамъ, г. Кюрэ, необходимо точно знать, какое обученіе дается и какія книги употребляются въ школахъ вашего прихода. Пусть не говорятъ, что это будетъ позорная инквизиція съ вашей стороны. Развѣ пастырь не долженъ знать опасностей, угрожающихъ душамъ, за которыя онъ отвѣтитъ предъ Богомъ?

Поэтому, вы должны напоминать родителямъ и наединѣ и въ обществѣ о серьезныхъ, лежащихъ на нихъ обязанностяхъ по отношенію къ школамъ и осужденнымъ книгамъ... И это не будетъ узурпаціей съ ихъ стороны принадлежащихъ школѣ правъ. Отданный въ школу ребенокъ не перестаетъ принадлежать отцу и матери, сохраняющимъ всю отвѣтственность и всѣ права относительно него. Если бы учитель сталъ такъ обращаться съ ребенкомъ, что могъ бы причинить вредъ его здоровью или жизни его тѣла, то кто осмѣлился бы сказать, что его родители не имѣютъ права вмѣшиваться? А когда опасности подвергается его душа, напояемая ядомъ ложнаго ученія, развѣ отецъ и мать должны остаться безучастными и нѣмыми? Такіе родители и такіе учителя недостойны таинствъ церкви.

Что касается самихъ дѣтей,то, къ сожалѣнію, многія между ними подверглись вліянію нечестивыхъ учителей и книгъ. Если нельзя запретить ребенку ходить въ свѣтскую школу, то нужно опровергать полученныя ими въ школѣ заблужденія посредствомъ катехизическаго ученія, посредствомъ частныхъ разговоровъ и, вообще, ничего не щадитъ для того, чтобы выучить его знать и любить свою вѣру. Непослушныя дѣти не должны допускаться къ первому причащенію.

Чтобы выполнить эту задачу, вамъ нужны помощники.

Вы можете ихъ найти среди добровольныхъ законоучителей, вы ихъ найдете также между членами приходскихъ комитетовъ, устроить которые я васъ просилъ и

прошу снова. Просвѣщенные, объединенные и поддержанные вами отцы семействъ легче объединятся въ ассоціаціи и почувствуютъ себя болѣе сильными въ выполненіи своего долга.

Прошу васъ въ ближайшемъ январѣ сообщить мнѣ, что сдѣлано вами для сохраненія вѣры въ школахъ.

Болѣе рѣшительна инструкція Реймскаго епископа.

«Духовенство не должно допускать къ причастію учителей, отцовъ и даже матерей непослушныхъ семействъ; эта мѣра примѣняется и къ дѣтямъ, обнаруживающимъ преждевременное несчастіе. Духовенство должно слѣдить и доносить и о вредныхъ учебникахъ, не упомянутыхъ епископами. Гдѣ учителя не согласятся изъять изъ употребленія такіе учебники, родители обязаны взять немедленно изъ школы своихъ дѣтей. Кромѣ родительскихъ приходскихъ организацій, должны быть основаны окружныя организаціи для объединенія дѣйствій первыхъ. Епископъ Quimper предписываетъ также взять на себя обязанности наблюденія за дѣтьми въ школѣ матерямъ въ томъ случаѣ, если отцы не исполняютъ своихъ обязанностей».

Всѣ эти мѣры не остались безъ результата. Многіе учителя перемѣнили учебники, а нѣкоторые даже сожгли ихъ. Тамъ же, гдѣ учителя оставили запрещенные учебники начались столкновенія учителей съ родителями и учениками. Болѣе робкіе ввели два учебника—одинъ антихристіанскій для оправданія передъ инспекторомъ, другой написанный въ церковномъ духѣ—для преподаванія. Въ однѣхъ школахъ ученики отказывались учиться по запрещеннымъ учебникамъ, въ другихъ—и такихъ было не мало - началась забастовка учениковъ, въ третьихъ—ученики массами уходили изъ школъ общинныхъ въ школы церков-

ныя *). Члены родительскихъ лигъ въ количествѣ 100.000 изъ 19 департаментовъ приготовили въ парламентъ петицію, въ которой во имя права естественнаго и права французскаго отстаивали неприкосновенность правъ родителей въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія ихъ дѣтей и протестовали противъ деспотизма государства, предоставляющаго имъ подчиненную роль. Дѣйствія епископовъ одобрилъ папа въ своей рѣчи 17 (4) ноября при пріемѣ французскихъ паломниковъ.

«Не смотря на гоненія, сказалъ между прочимъ папа религія остается во Франціи непобѣжденной. Не нужно смущаться словомъ «гоненія», такъ какъ мы можемъ сослаться на справедливое сужденіе всего міра. Развѣ можно назвать иначе дѣло тѣхъ людей, которые произвольно нарушили торжественный договоръ съ церковью; открыто наложили руку на ея священное достояніе, вопреки чувствамъ жалости и благодарности изгнали изъ отечества достойнѣйшихъ гражданъ—членовъ религіозныхъ орденовъ, клеветнически объявили врагами республики служителей алтаря за то, что они требовали свободы и уваженія для церкви, на которыя она имѣла неоспоримое право?

Слово «преслѣдованіе» вовсе не является преувеличеніемъ, такъ какъ враги открыто возстали противъ Господа и противъ помазанника Его съ крикомъ: „Расторгнемъ узы ихъ и свергнемъ съ себя оковы ихъ“ (Псал. 2). Они хотятъ уничтожить даже слѣды христіанства и, подъ предлогомъ освобожденія отъ авторитета церкви въ вопросахъ вѣры и нравственности, они преклоняются предъ другимъ

---

*) Подробное описаніе этой внутренней смуты во французской школѣ дано напр. въ статьѣ Charles Emile: Nistoire de deux ans (1909 - 1911) dans une circonscription d'inspection primaire rurale et catholique (Grande Revue, 10 марта 1912; Revue d'organisation et de défence, religieuse 7 avril 1912; Revue du Clergé Francais, 1912 1 Mai: „La lutte scolaire“).

авторитетомъ, авторитетомъ насколько абсолютнымъ, настолько и неправомочнымъ, а именно: передъ верховенствомъ государства, какъ религіозной инстанціи, какъ высшаго трибунала истины и права.

Они думаютъ осуществить это притязаніе посредствомъ воіны, объявленной вашимъ епископамъ за ихъ вѣрную преданность апостольскому престолу... Какъ могли епископы оставаться спокойными, видя громадное зло, причиняемое душамъ дѣтей безбожными и безнравственными книгами, видя, что народъ обманутъ въ самыхъ святыхъ своихъ интересахъ? Какъ выставленные впередъ часовые, они подняли тревогу и обратили вниманіе отцовъ семействъ на угрожающую ихъ дѣтямъ опасность. Тогда какъ всякій французскій гражданинъ имѣетъ право высказывать свой взглядъ и свои жалобы высшимъ властямъ, высказанная епископами истина сдѣлалась предметомъ ненависти и враждебности со стороны самаго правительства; оно отнимаетъ у епископовъ не только право наставлять вѣрующихъ относительно ихъ обязанностей, но идетъ далѣе и поощряетъ и поддерживаетъ тѣхъ, кто привлекаетъ ихъ къ суду.

Это безчестное и открытое преслѣдованіе также не въ силахъ запугать нашихъ достопочтенныхъ братьевъ, епископовъ Франціи, какъ отнять у насъ и у нихъ твердость и мужество въ борьбѣ. Мы знаемъ, что здѣсь на землѣ церковь является воинствующей. Какъ служители Іисуса Христа, мы должны подражать своему Главѣ какъ въ возвѣщеніи ученія, такъ и въ страданіи, и чѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ сильнѣе и небесная помощь. Но не наше дѣло повторять слова Юдифи къ израильскому народу, не наше дѣло полагать предѣлъ милосердію Божію къ нашимъ врагамъ и опредѣлять день нашего освобожденія».

Но съ другой стороны выступленіе епископовъ вызвало и противодѣйствіе со стороны правительства, федераціи

учителей и Лиги. Епископы предвидѣли это и готовы были на все. Они рѣшили въ томъ случаѣ, если хотя одинъ изъ нихъ будетъ преданъ суду, потребовать этого и для всѣхъ Но правительство не рѣшилось на такой шагъ и, издавъ новый циркуляръ, запрещающій учителямъ обращать вниманіе на требованіе епископскаго посланія и предписывающій принимать дисциплинарныя мѣры противъ послушныхъ епископамъ учениковъ, спряталось пока за спину своихъ учителей и учительницъ.

Какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, всѣ сто тысячъ учителей Франціи вдругъ почувствовали себя оскорбленными посланіемъ и возбудили коллективный процессъ противъ подписавшихъ его епископовъ. Они заявляютъ, что, помимо матеріальнаго ущерба, ихъ достоинство, какъ воспитателей, подверглось оскорбленію, и они желаютъ, чтобы данная епископамъ свѣтской школѣ и ея учителямъ характеристика была признана судебнымъ приговоромъ несправедливой и позорящей честь учителей. Выписавъ затѣмъ рядъ выраженій изъ посланія, кажущихся имъ оскорбительными, учителя просятъ въ заключеніе взыскать съ такого-то епископа, подписавшаго посланіе, 5.000 франковъ за убытки, каковыя деньги должны поступить въ школьныя кассы. Учителей въ ихъ домогательствахъ дѣятельно поддерживала лига образованія.

1-го ноября 1909 г. на Rue Recamier происходило „гражданское освященіе“ помѣщенія для лиги, выстроеннаго на мѣстѣ упраздненнаго аббатства и на деньги, вырученныя отъ конфискаціи церковныхъ имуществъ. На торжествѣ присутствовалъ самъ президентъ республики и почти всѣ министры. Предсѣдатель лиги, поблагодаривъ Фальера, попросилъ у него „гражданскаго благословенія“ (une bénédiction laïque). „У меня для этого нѣтъ достаточно благодати (d'onction)“, отвѣтилъ улыбаясь глава государства. Министръ-президентъ Бріанъ, воспользовавшись

случаемъ, произнесъ рѣчь, гдѣ, обѣщавъ всяческую поддержку дѣйствующей въ интересахъ правительства Лигѣ, обвинилъ епископовъ въ измѣнѣ республикѣ и высказалъ надежду, что школу защитятъ сами учителя. Такимъ образомъ, призывъ учителей къ борьбѣ съ епископами сдѣланъ былъ самимъ главою правительства въ зданіи Лиги. Лига всѣми средствами поддерживала начатую кампанію. Она устроила безплатное юридическое бюро для ведущихъ процессъ учителей и взяла на себя судебныя издержки. Наконецъ, учителямъ помогали и городскіе совѣты. Совѣтъ Парижа постановилъ оказать денежную поддержку учителямъ въ процессѣ, а совѣтъ Арбуа рѣшилъ раздавать даромъ запрещенные епископами учебники. Итакъ, противъ епископовъ объединились учителя, Лига, городскіе совѣты и правительство.

И вотъ начались судебные процессы противъ епископовъ. Епископы были безусловно правы потому, что если учителя имѣютъ право порицать дѣятельность духовенства, то и духовенство имѣетъ право дѣлать то же по отношенію къ учителямъ. Между тѣмъ судъ даже не могъ принимать жалобъ отъ федераціи учителей, такъ какъ законъ не дозволяетъ образованія такихъ федерацій, и слѣдовательно федерація учителей не могла быть юридическимъ лицомъ. И вотъ тогда какъ одни судьи подъ давленіемъ правительства не только приняли эти жалобы, но и присудили нѣкоторыхъ епископовъ къ штрафу, правда значительно меньшему, чѣмъ хотѣли учителя, другіе даже не сочли возможнымъ начать дѣло по жалобѣ незаконной федераціи и такимъ образомъ затѣя правительства послужила лишь къ ущербу престижа французскаго правосудія. Тогда правительство прибѣгло къ обычной мѣрѣ, къ новымъ законамъ противъ защитниковъ религіи въ школѣ. Бріанъ не успѣлъ провести этихъ законовъ, а нынѣшній министръ просвѣщенія Гисто внесъ недавно законопроектъ

о наказаніяхъ какъ родителей, непускающихъ своихъ дѣтей въ школу, такъ и всѣхъ тѣхъ, кто будетъ побуждать къ этому и родителей и дѣтей. Но врядъ ли этотъ законопроектъ, сдѣлавшись закономъ, можетъ запугать защитниковъ дѣтской вѣры.

Защищая всѣми способами религію въ школѣ общинной, церковь не забывала въ то же время и своихъ школъ.

Изгнавъ конгрегаціи и обобравъ церковь до ниточки, враги церкви думали, что они покончили тѣмъ самымъ и съ церковною школою. Дѣйствительно, нѣкоторое время положеніе церковной школы было отчаяннымъ. Не было ни учителей, ни помѣщеній и, казалось, не было надежды найти то и другое. 1-го февраля 1910 года подъ предсѣдательствомъ парижскаго епископа Аметта собрался конгрессъ, въ которомъ приняло участіе нѣсколько тысячъ человѣкъ. Конгрессъ былъ посвященъ главнымъ образомъ церковнымъ школамъ. Отовсюду шли жалобы, что трудно подыскать учителей. Молодые учителя не идутъ въ церковныя школы, предпочитая школу государственную, гдѣ они имѣютъ и большее вознагражденіе и право на пенсію. Предположили поднять жалованье учащимъ, учредить комитеты для поставленія средствъ въ пользу школьнаго дѣла и т. п. Но, какъ откровенно заявилъ членъ конгресса Дю-Фора: „Все это очень хорошія вещи и мы слышимъ ихъ второй день, но всѣ они связаны съ увеличеніемъ издержекъ. Нужны деньги, а ихъ у насъ нѣтъ“. Тѣ же жалобы слышались и вездѣ. Число церковныхъ школъ быстро уменьшилось, и въ 1910 году учащихся въ нихъ было менѣе даже четвертой части всѣхъ учащихся. Въ правительственной школѣ обучалось 4.135.886 человѣкъ, а въ церковной всего 960.712. Но какъ ни трудно было положеніе церкви ея дѣятели отлично понимали, что потерять школу — это значитъ потерять все, что воспитаніе хотя одного поколѣнія въ антихристіанскомъ духѣ будетъ гораздо гибельнѣе

для церкви, чѣмъ изгнаніе монаховъ и конфискація церковныхъ имуществъ и потому употребили всѣ усилія, чтобы отстоять существованіе церковной школы. Епископы прямо заявили пасомымъ, что въ данный моментъ церковная школа нужнѣй даже церквей. Въ дѣлѣ защиты церковной школы католики не знали партій и дружная работа ихъ во главѣ съ духовенствомъ увѣнчались успѣхомъ. Самый опасный моментъ для церковной школы теперь уже прошелъ и она вновь начинаетъ расти и растетъ даже быстрѣе, чѣмъ школа правительственная. Въ минувшемъ году число церковныхъ школъ увеличилось на 9%, тогда какъ число школъ общинныхъ на 3%. Во многихъ департаментахъ ученики сотнями и тысячами уходили изъ школы правительственной въ школу церковную. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилились и надежды католиковъ на скорую побѣду. „Нѣтъ не близка еще къ смерти старшая дочь церкви", говорилъ недавно папа новымъ французскимъ кардиналамъ. „Придетъ день и придетъ скоро, когда Франція, какъ Савлъ на пути въ Дамаскъ, будетъ осѣнена небеснымъ свѣтомъ и услышитъ изъ него голосъ: „Дочь моя, за что гонишь меня?" и на вопросъ: кто ты Господи! услышитъ отвѣтъ: „Я Іисусъ, котораго ты гонишь. Трудно тебѣ идти противъ рожна, ибо въ своемъ ослѣпленіи ты разрушаешь сама себя. „И тогда она, удивляясь и трепеща, скажетъ: „Господи, что повелишь мнѣ дѣлать?" И Онъ скажетъ ей: „Встань, смой обезображивающую тебя грязь, пробуди въ груди своей смиреніе, вступи въ союзъ нашъ и неси, перворожденная дочь церкви", народъ предопредѣленный, сосудъ избранный, неси, какъ и прежде, имя Мое предъ всѣми народами и царями земли". Осуществится ли это чаяніе папы, конечно, сказать нельзя. А пока Франція дѣйствительно чувствуетъ, что трудно ей идти противъ рожна, и что борясь не только съ католичествомъ, но и съ христіанствомъ, она дѣйствительно разрушаетъ сама себя.

Длящаяся уже нѣсколько десятилѣтій борьба противъ христіанства въ школѣ успѣла уже принести свои плоды для общества и плоды весьма горькіе.

И неудевительно. «На почвѣ христіанскаго міропониманія мы родились, на ней выросли и безнаказанно съ нея соiiти не можотъ, пишетъ извѣстный французскій историкъ Ипполитъ Тэнъ въ своемъ изслѣдовани «О происхожденіи современнной Франціи». *) Всякій разъ, какъ историческая Всякій разъ, какъ историческая жизнь покидала эту почву человѣкъ нравственно падалъ, возвращался къ звѣрскому состоянію. Христіанзтво всегда было великой парой крыльевъ необходимыхъ для того, чтобы поднять человѣка выше его самого, выше его пресмыкающейся жизни и его ограниченнаго кругозора. Всегда и всюду, въ теченіи восемнадцати вѣковъ, какъ скоро эти крылья слабѣютъ или ихъ разбиваютъ, общественная и частная нравственность понижается.., Въ Италіи во времена Возрожденія, въ Англіи при реставраціи, во Франціи при конвентѣ и директоріи можно было наблюдать превращеніе человѣка въ язычника, какъ въ I вѣкѣ, и тотчасъ же онъ окаывался такимъ-же, какъ при Августѣ и тиберіи, то есть сладостастнымъ и жестокимъ; онъ злоупотреблялъ другими и собою; снова бралъ перевѣсъ звѣрскій или расчетливый эгоизмъ; свирѣпость и чувственность выступали на показъ; общество становилось разбойничьимъ притономъ развратнаго дома. Только созерцая это зрѣлище, можно оцѣнить вкладъ, сданны христіанствомъ въ современное общество: сколько оно внесло стыдливости кротости, человѣчности, насколько оно поддерживаетъ честнось, добросовестность, справедливость. Ни философскій разумъ, ни художественая и литературная культура, ни даже феодальная, военная и рыцерская честь, никакой кодексъ; никакая администрація, не можетъ замѣнить его

*) Origines de France contemporaine. Regime moderne, III p. 146—147.

Въ этомъ служеніи. Только оно можетъ задержать насъ на нашемъ естественномъ склонѣ, затормозить нечувствительное сползаніе, которымъ непрерывно всею своею всею своею тяжестью наша раса движется къ своимъ низинамъ».

Написанныя почти полвѣка тому назадъ, слова эти кажутся какимъ-то пророчествомъ по отношенію къ современной Франціи.

Мы видѣли, что законъ Божій во французской школѣ отмѣненъ. Чѣмъ же его замѣнили?

замѣнили такъ называемою «моралью». «Народъ беретъ на себя воспитаніе душъ своихъ дѣтей, дрдо заявляетъ Бюиссонъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей послѣдней школьной реформы, *) народъ не имѣетъ нужды въ даномъ случаѣ ни въ авторитетѣ религіозныхъ догматовъ, не въ престижѣ культа, ни въ священникахъ. Авторитетъ замѣненъ свободой, догматы—правами и обязанностями гражданин, сверхъестественное Откровеніе—совѣстю и разумомъ человѣка. Школа должна изучать то, что сближаетъ людей, а не то, что разъединяетъ. Религіозныя распри не должны переходить черезъ ограду школы». Согласно школьнымъ инструкціямъ, учитель долженъ или совсѣмъ не упоминать о Богѣ или разсуждать он немъ съ раціоналистической точки зрѣнія. Поэюому школьная «мораль» не должна основываться на религіозныхъ предпосылкахъ. На чемъ же она основывается? Да ни на чемъ. Когда заходитъ вопросъ объ основаніи «морали» школьные учебники морали ограничиваются ничего не говорящими разсужденіями объ общности общечеловѣческой морали во всѣхъ ученіяхъ, о носыщеніи шкклыюй атмосферы моральными максимами, о постепенномъ незамѣтномъ пропитываніи учениковъ духомъ морали и т. п.

*) «Revue Pedagogipue», 1907 г. Февраль.

«Ни къ мраку метафизики, ни къ свѣту Синая» учебники моралии прибѣгать не желаютъ. Итакъ вся школьная мораль построена на пескѣ. Какова же самая постройка? Вотъ какъ отзывается объ этихъ «съ позволенія сказать руководствахъ» изучившій ихъ русскій педагогъ О. Карскій, *) въ безпристрастіи котораго сомнѣватсья нѣтъ основаніи, такъ какъ онъ довольно недвусмысленно высказывается и противъ религіознаго обученія въ школѣ.

„Кантовскіе импративы, просвѣчивающіе какъ будто сквозь туманности „общечеловѣческаго добра и зла“, вылились въ новыхъ евангеліяхъ въ пошленькія сентенціи прославленнаго Бентама. Узки утилитрарныя, буржуазныя нравственныя правили, которыя въ учебникахъ для дѣвочекъ отличаются, вдобавокъ, слащавымъ сантиментализмомъ, заполнили руководства по морали.

Конечно высокія истинѣ вдоль и поперекъ разсѣкаютъ эти книжки, но все это тонетъ въ общей атмасферѣ мелочногного разчета„.

Вотъ нѣсколько перловъ изъ этихъ учебниковъ морали. Одинъ перемированный учебникъ пытается возбудить въ дѣтяхъ лобовь къ школѣ такимъ „вкуснымъ“ сравненіемъ: „оставить ученье, повѣрь, это все равно, что уйти отъ стола, на которомъ разставлены лучшія блюда“... Другой моралистъ призываетъ учитса, такъ какъ «прилежаніе и трудъ даютъ стипедіи». И дѣйствительно. дѣти на вопросъ, для чего они ходятъ въ школу, отвѣчаютъ: „чтобы лучше устроить впослѣдствіи свои дѣла“. Идеалъ служенія мамонѣ проповѣдуется въ этихъ руководствахъ въ самомъ чистомъ и неприглядномъ видѣ. «Человѣкъ работаетъ, чтобы обаготится, поучаетъ одинъ учебникъ; каждый изъ насъ горитъ желаніемъ пріобрѣсти богатство для себя и

*) „ Народное образованіе во Франціи“. „*Русская Школа*“, 1907 г. № 7—8.

для своихъ». Далѣе приводится и рядъ практическихъ совѣтовъ, какимъ путемъ можно разбогатѣть помимо труда. На первомъ планѣ стоятъ, конечно, сбереженія, которыя, по мнѣнію одного автора, «внушаютъ уваженіе къ самому себѣ». Для того, чтобы дѣти убѣдились въ величіи этого нравственнаго подвига, приводится такой разсчетъ: 2 франка экономіи въ недѣлю образуютъ черезъ 10 лѣтъ 1.200 франковъ, если накласть въ кассу ежедневно только по 30 сантимовъ, то черезъ 30 лѣтъ составится капиталъ въ 10 тысячъ франковъ».

Въ отношеніяхъ къ другимъ всякій долженъ руководиться своей выгодой. «Если тебѣ удастся стать хозяиномъ, проповѣдуетъ одинъ учебникъ, то старайся увеличить свою прибыль, только не на счетъ публики, такъ какъ публика не позволяетъ себя долго обманывать, но и не на счетъ рабочихъ, такъ какъ у плохого хозяина плохіе и служащіе». А вотъ своеобразное опроверженіе соціализма: экономической несправедливости избѣжать нельзя, такъ какъ безъ надежды на обогащеніе человѣкъ не можетъ работать и франція погибнетъ.

Возмущаясь «гетерономною моралью хрістіанства», новая моралъ замѣняетъ любовь къ Богу и будущую вѣчную жизнь, какъ мотивъ нравственныхъ дѣйствій, ни болѣе ни менѣе какъ уголовнымъ кодексомъ. «Въ цивилизованныхъ странахъ, читаемъ мы въ одномъ учебникѣ, воровство, поджогъ, убійство, называются тюрьмой, каторгой и смертной казнью; если же ребенокъ своимъ дурнымъ поведеніемъ причинитъ горе родителямъ, то его можно отдать въ исправительный домъ». Для болѣе сильнаго впечатленія тутъ же приложена картинка: воръ, ведомыи двумя хранителями морали—жандармами. Вотъ чѣмъ замѣнили школьные авторитеты десятословіе о нагорную проповѣдь!

Какъ же преподается такая мораль? Весьма просто.

Ученикъ громко читаетъ по книжкѣ какое-нибудь изреченіе, вродѣ выше приведенныхъ. Учитель приводитъ 2—3 иллюстрирующіе примѣра, по большей части по руководству для учителей. Къ слѣдующему уроку эти изреченія нужно заучить наизусть. Но и такая мораль не въ почетѣ. Школьныя программы для преподаванія морали въ низшихъ школахъ и лицеяхъ удѣлять всего одинъ урокъ въ недѣлю и то не во всѣхъ классахъ.*)

Жизнь скоро заставитъ школьныхъ питомцевъ «исправить и дополнить» учебники «общечеловеческой морали»‘ подкрѣпленные угрозами уголовныхъ показаній.

«Откладывать ежедневно въ продолженіи 30 лѣтъ по 40 сантимовъ» разсуждаетъ питомецъ французской школы. Но какъ это долго, какъ скучно и какъ трудно! Не позабылъ ли учебникъ о другихъ, болѣе легкихъ способахъ обогащенія?

„Публика не позволяетъ себя долго обманывать". Но зачѣмъ же долго обманывать? Можно разъ хорошо обмануть и обогатиться. Жандармы, тюрьма, гильотина? Конечно, —все это непріятныя вещи, но значитъ нужно стараться не сводить съ нимъ знакомства, а при извѣстномъ искусствѣ и счастіи это не такъ уже трудно.

Школьная мораль проповѣдуетъ, что выгодно быть человѣкомъ, а опытъ приводитъ молодежь къ обратному выводу, что выгодно быть нечестнымъ человѣкомъ.

Послѣ этого дня насъ вполнѣ будетъ понятенъ быстрый ростъ преступности во Франціи и именно среди школьной молодежи, приводящей въ совершяноое отчаяніе французовъ.

Вотъ какія цифры приводитъ извѣстный академикъ

---

*) См. С. Л. Степановъ. Очерки средней школы, въ С-Американскихъ Штатахъ и Франціи. Ж. М. Н. Просв. 1907 г. Октябрь.

Henri Iolly въ своей новой книгѣ: «Enfance coupable». «Преступныя дѣти».

Въ 1882 году, когда была создана „нейтральная" школа, несовершеннолѣтнихъ преступниковъ насчитывалось около 16.000, въ 1890 году ихъ было уже вдвое болѣе—35.836, въ 1891 г.—36.336 въ 1892 г.—38.371, годомъ позднѣе 38.780, въ 1894 г.—39.218. Послѣ этого цифра падаетъ и колеблется между 34.000 и 38.000. Повидимому преступность упала. Ничуть не бывало, а просто министры юстиціи, смущенные такимъ ростомъ преступности, стали разсылать все болѣе и болѣе внушительные циркуляры, чтобы полиція и судебныя учрежденія снисходительнѣе смотрѣли на преступленія молодежи и даже вовсе вычеркивали нѣкоторые проступки изъ числа преступленій. Нѣкоторые министры, напр. Валле 22 сентября 1904 г., Шомье 17 ноября 1905 г., Гюйо-Дессэнъ 5 марта 1907 г., имѣли мужество сознаться, что цифры преступности, приводимыя въ ихъ отчетахъ, далеко ниже дѣйствительности. Какъ показываетъ отчетъ министра юстиціи Барту за 1907 г., помѣщенный въ Journal Officiel, на долю несовершеннолѣтнихъ падаетъ болѣе одной пятой всѣхъ преступленій и половина изъ нихъ падаетъ на долю недостигшихъ еще 15 лѣтняго возраста, т. е. только что вышедшихъ изъ школы.

Въ возмутительныхъ преступленіяхъ попадаются не только простые смертные, но и люди, мнящіе себя вождями общества. Въ этомъ отношеніи весьма характерно дѣло редактора антиклерикальной соціалистической „Lanterne" («Свѣтильникъ») Виктора Плашона, арестованнаго въ концѣ минувшаго года вмѣстѣ съ болѣе чѣмъ 20 соучастниками за половыя преступленія надъ малолѣтними такого рода, что говорить о нихъ невозможно. А между тѣмъ, онъ былъ интимнымъ другомъ автора закона объ отдѣленіи церкви отъ государства Вріана и шести другихъ

министровъ и пользовался громаднымъ вліяніемъ на государственныя дѣла. Въ своей газетѣ онъ ввелъ особый отдѣлъ, въ которомъ обличались случаи безнравственности духовныхъ лицъ, и даже содержалъ особаго шпіона, который былъ обязанъ находить такіе факты. Тѣперь благодаря его связямъ, поднялась агитація въ его пользу, и возможно, что оригинальный апостолъ нравственности выйдетъ сухимъ изъ воды.

Среди грамотныхъ преступность въ два съ половиною раза выше, чѣмъ среди безграмотныхъ. Но виновата тутъ не грамотность. Та же неумолимая статистика показываетъ, что изъ церковныхъ школъ прегупниковъ выходитъ въ 8 разъ менѣе, чѣмъ изъ школъ антихристіанскихъ. Докладъ статистическаго бюро въ департаментѣ Сены свидѣтельствуетъ, что первыхъ было всего 11%, а вторыхъ 89%. Отсюда съ желѣзною необходимостью слѣдуетъ выводъ, что антихристіанская школа просто на просто подготовляетъ преступниковъ. «Открывая новую школу, вы закрываете тюрьму», сказалъ когда то Викторъ Гюго. По отношенію къ французской антихристіанской школѣ эту фразу приходится видоизмѣнить: „Открывая новую школу, вы открываете и новую тюрьму, и потому государство при высчитываніи расходовъ на такую школу должно предусмотрѣть и громадные расходы на тѣхъ преступниковъ, которыхъ она подготовитъ. Неразрывная связь между антихристіанской школой и преступностью молодежи теперь признана какъ юристами, такъ педагогами Франціи. Судебные чиновники приходятъ въ отчаяніе отъ ужасающаго роста преступности среди молодежи. «Всякій здравомыслящій человѣкъ, пишетъ судебный слѣдователь въ Парижѣ Гильо (Guillot), какихъ бы убѣжденій онъ ни былъ, не можетъ отрицать того, что страшное увеличеніе числа юныхъ преступниковъ стоитъ во внутренней связи съ введеніемъ безрелигіолнаго обученія. У юношества отняли религіоз-

ные идеалы, а вмѣстѣ съ ними и всѣ другіе, не исключая и патріотизма. Тому, что зло не приняло болѣе широкихъ размѣровъ, мы обязаны вольнымъ католическимъ школамъ, воспитавшимъ для бѣдной Франціи хотя и маленькоа, но отборное войско боящихся Бога, религіозно-настроенныхъ людей».

Бонжанъ (Bonjean) адвокатъ суда сенскаго департамента пишетъ: «Франція быстро идетъ къ гибели. Обученіе безъ Бога—вотъ главная причина быстро прогрессирующаго вырожденія».

„Величайшія преступленія, говоритъ другой судебный чиновникъ Крюппи (Cruppi), совершаются теперь по большей части молодыми людьми. И это вполнѣ естественно: юноша, который, не боясь Бога, слѣдуетъ только голосу своихъ страстей, способенъ на все“ *).

Въ 1909 году извѣстнѣй педагогъ Демулэнъ помѣстилъ въ газетѣ «Gaulois» статью, гдѣ доказывалъ, что увеличеніе преступности во Франціи какъ разъ совпадаетъ со временемъ запрещенія преподаванія закона Божія въ школахъ. Ставя, такимъ образомъ, преступность и религіозное воспитаніе въ непосредственную связь между собой Демулэнъ, однако не срываетъ и другихъ причгнъ, также способствующихъ росту преступности: соціализмъ и алкоголизмъ. Соціалисты, говоритъ Демулэнъ, виноваты въ томъ, что каждое преступленіе они разсматриваютъ лишь съ точки зрѣнія будущаго строя жизни на землѣ. Однимъ буржуа на землѣ меньше—будущій рай человѣчества приблизился на нѣсколько шаговъ: вотъ формула Жореса и К°. Что касается алкоголизма, то связь его съ преступностью извѣстна.

Тѣмъ не менѣе, говоритъ Демуленъ, главная причина

*) С. Троицкій. „Вѣскіе голоса на западѣ въ защиту конфессіональной школы и религіи въ школѣ“. Спб. 1909 г., стр. 8—9.

роста у насъ числа преступленій—это насильственное вытравленіе изъ народа даже самой общей идеѣ о Богѣ. И въ другихъ странахъ есть соціалисты, и въ другихъ государствахъ потребляютъ алкоголь въ не меньшемъ, чѣмъ во Франціи, количествѣ (въ Англіи даже въ большемъ), но нигдѣ не совершается столько преступленій, какъ во Франціи съ тѣхъ поръ, когда, во имя свободы совѣсти, изъ книгъ стали вымарывать даже упоминаніе о Богѣ.

А вотъ и документъ съ того свѣта. Это письмо французскаго солдата Тисо, казненнаго 29 марта сего года въ военной тюрьмѣ въ Манѣ. Письмо это опубликовано было 30-го марта въ „Temps". Это грозный обвинительный актъ противъ французской школы. Тисо прямо пишетъ, что до эшафота довели его идеи, усвоенныя имъ въ школѣ. Вотъ начало письма: „Манъ, 25 марта 1912 года. Я посылаю эти строки моимъ защитникамъ употребившимъ всѣ усилія, чтобы спасти меня. Пусть онѣ послужатъ, если возможно, для спасенія другихъ. Эти строки имѣютъ одну цѣль. — разгласить, что я, сынъ честной семьи, палъ такъ низко исключительно благодаря тому образованію, которое получилъ въ юности. Въ школѣ меня учили, что власть родителей надъ дѣтьми весьма ограничена, что законы воспрещаютъ родителямъ наказывать дѣтей, что кража, совершенная у родителей, не есть кража и не наказывается законами. Я слышалъ здѣсь, что всѣ люди должны быть равными и что богатыхъ быть не должно и въ этихъ идеяхъ—источникъ моего перваго преступленія послѣ котораго я былъ отправленъ въ исправительный домъ». Благодаря своимъ порядкамъ, исправительный домъ окончательно развратилъ Тисе и изъ него онъ вышелъ съ ненавистью къ обществу, виновнику его страданій и въ концѣ концовъ за рядъ преступленій былъ казненъ. „Я желаю, пишетъ онъ въ концѣ письма, чтобы эти строки послу-

жили урокомъ множеству молодежи, которой неустанно внушаютъ ложныя идеи, меня погубившія".

Но быть можетъ ужасные нравственные пробѣлы анти, христіанской школы хотя отчасти вознаграждаются другими ея достоинствами? Ничуть не бывало. Французскіе же писатели и далеко не клерикалы, напримѣръ, Ле-Бонъ*, Демулэнъ**, фонсегривъ*** вынесли свой суровый, но справедливый приговоръ этой школѣ. По ихъ мнѣнію французская государственная школа совершенно не обращаетъ вниманія на воспитаніе характера, и потому и выпускаетъ людей непригодныхъ для жизни, способныхъ быть лишь плохтми чиновниками, паразитами на тѣлѣ государства-но не трворцами его величіт Французскак школа извратила поньтіе образованія, полагая это только въ развитіи ума, въ обогащеніи его знаніями въ накоплдніи зна- Единственнымъ средствомъ для образованія считается память. Вся система основана на горячей вѣрѣ въ благодѣтельную силу программы и учебниковъ. Заучиваніе наизусть уроковъ и учебниковъ составляетъ самое существенное основаніе обученія. „Отсутствіе бодрой энергіи, настойчивости, неспособность напрягать и поддерживать свои усилія для достиженія цѣли — вотъ качества, которыя ярко выступаютъ при сравненіи нашей молодежи съ молодежью другихъ странъ, пишетъ одинъ французскій педагогъ. Эти качества прежде всего обнаруживаются въ манерѣ француза избирать себѣ поприще. Молодые люди, получившіе образованіе, обращаются къ той дѣятельности, которая по ихъ мнѣнію меньше всего требуетъ отъ нихъ борьбы и завершится наиспокойнѣйшимъ образомъ. Всѣ ждутъ спокойныхъ должностей и никто не хочетъ работать на

*) Психологія соціализма.
**) Психологія воспитанія.
***) L'état moderne et la neutralité Scolaire, Paris, 1910 г.

свой страхъ. Чѣмъ больше возрастаетъ число соискателей казенныхъ должностей, тѣмъ болѣе увеличивается число неудачниковъ, людей неустроившихся, неприспособленныхъ и разочарованныхъ. Это классъ лицъ наиболѣе опасный для современной культуры". „Это энциклопедическое пичканье, пишетъ Пэйо, заставляя дремать живыя силы и усыпляя способности къ наблюденію и проницательности, создаетъ при демократическомъ режимѣ ужасную опасность". „Практикующійся въ нашей странѣ способъ обученія не можетъ продолжаться безъ того, чтобы не привести къ упадку", говоритъ другой французскій ученый (Дюма). Подготовляя лишь или преступниковъ или плохихъ чиновниковъ, французская народная школа не даетъ даже и элементарныхъ знаній. Энергія учителей и инспекторовъ уходитъ на борьбу съ христіанствомъ, на политику, а учебному дѣлу отводится второстепенное мѣсто. Отсюда получаются весьма плачевные результаты. Недавно въ газетѣ «Opinion» одинъ офицеръ напечаталъ отчетъ объ экзаменѣ по исторіи и географіи, который онъ произвелъ 50 рекрутамъ своего полка. На вопросъ, кто былъ Наполеонъ, 11 солдатъ ничего не могли сказать, а одинъ отвѣтилъ, что это былъ русскій императоръ. 17 человѣкъ не знали Бисмарка даже по имени, одинъ считалъ его писателемъ, другой — прусскимъ генераломъ, третій генераломъ, измѣнившимъ Франціи, 14 человѣкъ не знали, кто состоитъ президентомъ Французской республики; 6 человѣкъ не знали, какъ называется ихъ отечество, а одинъ не понималъ самаго слова «отечество». Четыре солдата никогда не слыхали о Парижѣ, 9—о существованіи Англіи. 6 человѣкъ не слыхали имени Жанны д'Аркъ, и одинъ съ апломбомъ заявилъ, что она освободила Францію отъ галловъ. И всѣ эти солдаты провели 4, 5, 6 и даже 9 лѣтъ въ государственной школѣ. Не смотря на существованіе всеобщаго обученія, число безграмотныхъ все увеличивается

35 лѣтъ тому назадъ ихъ было всего 2,2% въ 1908 г.— 12%, а въ 1911 году болѣе 20%. А между тѣмъ такая школа обходится народу чрезвычайно дорого. За двадцатипятилѣтній періодъ борьбы съ христіанствомъ въ школѣ, расходы французскихъ плательщиковъ налоговъ увеличились въ 14 разъ—съ 35 милліоновъ франковъ въ 1883 году они поднялись въ 1908 году до 500 милліоновъ, тогда какъ населеніе за это время не увеличилось. А если всѣ христіанскія школы будутъ закрыты и вмѣсто нихъ придется открыть школы общинныя, то цыфра расходовъ на школу должна подняться чуть ни до милліарда франковъ. Дороговизна казенныхъ школъ иногда достигаетъ прямо невѣроятныхъ предѣловъ. Напр., по свидѣтельству Ле Бона, Сабатье обратилъ вниманіе на то, что лицей Лаканаля, въ которомъ было всего 150 воспитанниковъ, обошелся въ 10 милліоновъ франковъ. Но вообще обращать вниманіе на расхищеніе народныхъ денегъ, когда это расхищеніе прикрывается заботой о народномъ просвѣщеніи не принято. Когда шелъ вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, правительство прельщало разсчетливыхъ французовъ перспективой многихъ милліоновъ, которые государство получитъ отъ конфискаціи церковныхъ имуществъ и которые пойдутъ на общественныя нужды, въ томъ числѣ и на народное образованіе. Вальдэкъ Руссо заявилъ 28 октября 1900 г. въ парламентѣ, что имущество однѣхъ конгрегацій еще въ 1880 году оцѣнивалось въ 790.000.000 франковъ, а теперь превышаетъ милліардъ, доходы съ котораго отняты у общества. Но послѣ этого времени конфискованы были не только имущества конгрегацій, но и имущества церквей, а между тѣмъ обѣщанный милліардъ куда-то исчезъ и на народное образованіе изъ конфискованныхъ имуществъ не поступило ничего. Ликвидація конфискованныхъ имуществъ велась такъ искусно, что расходы по ней часто превышали вырученную отъ продажи

суму. Когда случайно дѣло о ликвидаціи дошло до суда, то оказалось, что все громадное дѣло по протекціи министровъ было поручено тремъ частнымъ лицамъ Дюэзю, Менажу и Лекутюрье, пользовавшимся еще до ликвидаціи весьма опредѣленной репутаціей мошенниковъ. Получивъ въ свои руки безконтрольное руководство дѣломъ ликвидаціи, они развернули свои мошеннические таланты во всю ширь. И вотъ главный картезіанскій монастырь, славившійся знаменитымъ ликеромъ, и оцѣненный въ 13 милліоновъ, былъ проданъ однимъ изъ ликвидаторовъ за 500.000 франковъ. Другой ликвидаторъ, растратилъ 10 милліоновъ франковъ. Третій продалъ имущество 27 конгрегацій и выручилъ при этомъ 3.700.000 франковъ, но истратилъ на эту операцію на 65.000 франковъ болѣе. Вся антиклерикальная печать была подкуплена, не дешево обошлось ликвидаторамъ и молчаніе многихъ депутатовъ. А когда былъ сдѣланъ запросъ, милліарды уже уплыли и послушной палатѣ пришлось вотировать довѣріе правительству. Какъ свидѣтельствуетъ отчетъ министра юстиціи Гюйо-Дессэна, представленный президенту республики, отъ продажи 115 конгрегацій вмѣсто обѣщаннаго милліарда получилось 189.932 франка 38 сантимовъ т. е. по 600 руб. съ конгрегаціи, а всего государство получило около 7 милліоновъ рублей, вмѣсто обѣщанныхъ 400. Разумѣется на эти деньги ничего сдѣлать нельзя, а между тѣмъ народъ потерялъ помимо религіознаго руководства и безплатное обученіе и безплатную медицинскую помощь. Кому же принесла пользу эта ликвидація кромѣ самихъ ликвидиторовъ и скупившихъ у нихъ за безцѣнокъ церковное имущество евреевъ? Неудивительно, что во многихъ мѣстахъ конфискація вызывала народное возмущеніе. И вообще борьба съ христіанствомъ не только въ школѣ, но и во всей общественной жизни ведетъ къ глубоко печальнымъ результатамъ.

Вырожденіе Франціи съ каждымъ годомъ принемаетъ все болѣе и болѣе грозные размѣра. Не смотра на все усиливающійся притокъ иностранцевъ, населеніе не только не увеличивается, но и уменьшается. По послѣдней статистикѣ въ первую половину минувшаго года населеніе уменьшилось на 18.279 человѣкъ. Усиленная проповѣдь „Fecondité“ не помогаетъ. Не поможетъ, конечно, и проектируемый законъ объ орденѣ почетнаго легіона и пенсіи матерямъ, имѣющимъ много дѣтей. Въ оторванномъ отъ источника жизни народѣ жизнь засыхаетъ. Потерявшіе смыслъ собственнаго существованія не могутъ понять и смысла существованія и своихъ дѣтей и грубая жадность и разсчетливый эгоизмъ не останавливаются и передъ дѣтоубійствомъ, которое сдѣлалось почти легальнымъ. Нравственное состояніе общества напоминаетъ время наибольшаго упадка правовъ въ языческомъ Римѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и торговля и промышленность страны и ея международное значеніе. И если въ жизни великой страны и теперь замѣчаются, и отрадныя явленія, то только потому, что накопленный вѣками христіанской цивилизаціи нравственный фондъ пока еще не весь истраченъ. Вполнѣ понятно теперь, почему даже сосѣднія съ Франціей государства: Германія, Бельгія, Голландія, Люксембургъ, не только не слѣдуютъ ея примѣру, но и въ послѣдніе годы особенно заботятся объ укрѣпленіи вліянія церкви на школу и объ улучшеніи положенія церковной школы.

Примѣръ Франціи служитъ для нихъ спасательнымъ предупрежденіемъ и ссылка на результаты борьбы съ христіанствомъ въ школѣ обычно является однимъ изъ сильнѣйшихъ доводовъ противъ притязаній лѣвыхъ партій и либеральныхъ учителей сдѣлать изъ школы орудіе пропаганды своихъ взглядовъ. Такъ поступаютъ даже тѣ страны большая часть населенія которыхъ принадлежитъ къ като-

лической церкви, стремящейся къ порабощенію государства.

Въ той борьбѣ, которую ведетъ государство съ церковью во Франціи, виновато не одно руководящееся идеями французской революціи правительство и подерживающія ея партіи, а виноваты и несправедливыя притязанія католической церкви. Въ жестокихъ, противозаконныхъ, гибельныхъ для націи преслѣдованіяхъ католичества видна все же карающая десница промысла. Великій Инквизаторъ вѣками воспиталъ въ старшей дочери церкви ту нетерпимость, то неуваженіе къ чужой религіозной свободѣ, отъ которыхъ теперь приходится страдать ему самому.

„Нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ, пишетъ католическая газета L'Univers, о свободѣ совѣсти не говорится съ такимъ шумомъ, какъ во Франціи и нигдѣ свобода не нарушается такъ часто“ Но такому отношенію къ свободѣ научили французовъ тѣ, кто слѣдовалъ девизу Вельо: „мы требуемъ отъ васъ свободы потому, что она въ въ вашихъ принципахъ, но отказываемъ вамъ въ ней, потому, что они ни въ нашихъ принципахъ“. Сдѣлавъ изъ церкви земное общество съ земнымъ главой, католичество тѣмъ самымъ стало на одну плоскость съ государствомъ, чѣмъ сдѣлало неизбѣжными постоянныя столкновенія, постоянныя столкновенія, постоянную борьбу съ государствомъ, присущую всей его исторіи.

Пытаясь захватить въ свои руки внѣшнюю силу, католическая церковь въ концѣ концовъ вызвала примѣненіе этой силы противъ себя и съ этой точки зрѣнія мѣры правительства противъ нея, хотя и не могутъ быть оправданы, но могутъ быть объяснимы. Но какое объясненіе своихъ дѣйствій могутъ дать тѣ, кто возстаетъ противъ вліянія на школу православной Церкви, той Церкви, которая всегда была вѣрна завѣту Своего Божественнаго Основателя: „Кесарева Кесареви, а Божія Богови“, которая ни-

когда не посягала на права Государства, а какъ заботливая мать вскормила и воспитала русскую государственность, и всегда охраняла и охраняетъ ее? Здѣсь нѣтъ и не можетъ быть мѣста ни оправданію, ни объясненію, а можно сказать лишь одно: „не вѣдятъ, что творятъ“.

С. В. Троицкій.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Была страна. Въ ней жилъ народъ, дерзавшій, подобно всѣмъ народамъ міра, имѣть свои тѣлесныя и духовныя особенности, свою вѣру, свою власть, свой языкъ, свой бытъ.

Вѣра его была въ Тріединаго Всемогущаго Бога, святыми отцами церкви бережно, во всей чистотѣ пронесенная черезъ долготу временъ отъ Того Предвѣчнаго Источника Свѣта, Кто былъ Сама воплощенная Истина, Кто „душу Свою положилъ за други своя". Была власть непререкаемая, могучая, выражавшая свободную волю создавшаго ее неукротимаго народа Былъ языкъ, такой же безмѣрно богатый, какъ богатъ дарованіями самъ этотъ народъ, такой же ясный, какъ ясенъ его умъ, такой же четкій и открытый, какъ прямъ и открытъ его нравъ.

Сложился у него и свой бытъ.

Почитаніе родителей и старшихъ было положено въ нравственную основу всего распорядка жизни. Святая церковь считалась матерью всего народа, земной владыка-отцомъ.

Жизнь въ этой странѣ текла вперемежку, какъ всегда и вездѣ на свѣтѣ.

Люди трудились и отдыхали, радовались и смѣялись, горевали и плакали, любили и ненавидѣли, ссорились и мирились, порою упивались виномъ, порою каялись въ грѣхахъ.

Звенѣлъ ли подъ вечеръ вдали колокольчикъ, онъ дѣ-

вамъ навѣвалъ плѣнительныя грезы, приносилъ юношамъ мятежныя мечты, у стариковъ будилъ угасшія воспоминанія.

По веснамъ, надъ зелеными полями, купаясь въ золотѣ лучей, веселый жаворонокъ разсыпалъ свои радостныя трели; въ часы румяныхъ закатовъ и свѣтлыхъ зорь у тихихъ заводей, въ кустахъ душистой черемухи, жасминовъ и сирени пѣлъ свои нѣжныя пѣсни чародѣй-соловей.

И люди слушали и умилялись, пѣли сами и плясали.

Въ ихъ пѣсняхъ, заунывныхъ, какъ степи, задумчивыхъ, какъ дремучіе лѣса, таинственныхъ, какъ глубины морей, то звучало безысходное горе, то чуялся безшабашный разгулъ, хватала за сердце неизбывная злодѣйка-тоска; въ пляскахъ всѣ суставы и жилочки говорили у нихъ. Казалось, самъ плясунъ вотъ вотъ вывернется весь на изнанку... У зрителей кровь ходила ходуномъ, руки туго упирались въ бока, сами собой неугомонно шевелились ноги...

Въ дни бранныхъ бурь владыка звалъ свой народъ. Какъ, черныя тучи, строились грозные легіоны и грузнымъ всесокрушающимъ шагомъ, подъ которымъ стономъ стонала сама земля, безстрашно шли на врага, смертно бились, вершили подвиги славы, умирали... Случалось терпѣли, неудачи и пораженія, но чаще Богъ вѣнчалъ побѣдой ихъ гордыя знамена. И народъ этотъ, въ честномъ бою, грудь на грудь одолѣвая недруговъ, въ сердцѣ своемъ не давалъ мѣста низкой злобѣ къ поверженнымъ и побѣжденнымъ. Онъ зла не помнилъ, не взыскивалъ обидъ, въ вѣрѣ никого не тѣснилъ и по благодатной широтѣ натуры, какъ брата пріобщалъ вчерашняго врага къ своей долѣ, къ своему быту и языку.

Какъ въ сказочномъ снѣ, во всѣ стороны необорно ползли, росли и ширились села, веси, города. Въ нихъ говорили могучимъ языкомъ этого народа, въ нихъ высились златоглавые храмы, гудѣлъ призывный благовѣстъ,

гудѣлъ спокойно, полновѣсно, величаво и на тысячи верстъ кругомъ мощный гудъ его, колебля, наполнялъ собою воздухъ и стлался по землѣ... Людскія толпы смиренно шли въ храмы и въ кадильномъ дыму, при пѣніи священныхъ стихиръ, передъ ликами Божіихъ угодниковъ, освѣщенныхъ тысячами затепленныхъ свѣчей, проникновенно и горячо молились.

Болѣе тысячи лѣтъ этотъ народъ расширялъ, оберегалъ защищалъ, укрѣплялъ и возвеличивалъ свою землю.
Были у него благовѣрные цари, собиратели, строители и защитники земли, были богатыри и герои, крѣпкіе стоятели, полагавшіе животъ свой на полѣ брани за вѣру и родину, создавшіе ей во всемъ свѣтѣ величіе и славу, были святые, подвижники, молитвенники и печальники.

И страна эта, сперва маленькая, невидная, захудалая и захолустная, силой, вѣрой и талантомъ населявшаго ее народа такъ шагнула, такъ развернулась и раздвинулась, что даже мощной мысли не обнять ея неизмѣримыя дали, и съ завистью, страхомъ, съ тайной ненавистью взирали на нее сосѣдніе народы.

На граняхъ ея тяжко дышутъ и лижутъ свои берега океаны; озера и цѣлыя моря вмѣщаются у нея внутри: то тамъ, то сямъ сѣдые великаны горъ въ дерзостномъ взмахѣ вскидываются къ небу, вонзая въ тучи свои снѣжныя вершины; въ иныхъ мѣстахъ неоглядным просторомъ раскинулись широкія, привольныя степи, въ другихъ—на тысячи верстъ въ дремлющемъ покоѣ тянутся многовѣчные лѣса; безчисленныя рѣки бороздятъ ея необъятную грудь и во всѣ концы гонятъ живые потоки водъ.

Тотъ народъ назывался русскимъ народомъ, вѣра его была вѣра православная, его владыка—царь самодержавный, а земля его, которую „Царь Небесный исходилъ, благословляя“ слыла во всемъ мірѣ подъ именемъ „свято-русской земли“.

Такъ въ моемъ воображеніи рисовалась Россія.

Но я ошибался. Я былъ неправъ. То былъ прекрасный сонъ и только.

Обманъ эта Россія, обманъ этотъ русскій народъ, обманъ его вѣра, его верховная власть, его бытъ, даже его языкъ.

Русскаго народа, какъ отдѣльнаго племени, какъ націи, нѣтъ и никогда не было, потому что „всѣ племена, населяющія землю, смѣшиваются и всегда смѣшивались кровью между собою".

Нѣтъ на свѣтѣ и русской земли, потому что у земли вообще „нѣтъ и не можетъ быть собственниковъ".

Взамѣнъ всего этого существуетъ только какое то досадное недоразумѣніе, созданное жестокимъ насиліемъ, возмутительной несправедливостью, и недоразумѣніе это называется общимъ именемъ „Россія".

Надъ этой Россіей не свѣтитъ и не грѣетъ солнце. Тамъ нѣтъ ни весны, ни цвѣтовъ, ни птицъ. Тамъ люди, какъ тѣни въ аду Данта, не веселятся, не поютъ, не пляшутъ, не любятъ, а только ненавидятъ, завидуютъ и злобствуютъ.

Въ хмурой, тяжкой, безрадостной атмосферѣ этой страны живутъ двѣ совершенно различныя породы людей.

Одна очень многочисленная—сплошь состоитъ изъ вѣчно согбенныхъ, вѣчно непосильно трудящихся людей, людей умныхъ, добрыхъ, блистающихъ всевозможными добродѣтелями, но бѣдныхъ и голодныхъ.

Это рабочіе и крестьяне, вообще сѣрый людъ.

Другая порода, значительно меньшая численностью, въ свою очередь состоитъ изъ людей богатыхъ, но злыхъ, тупыхъ, лѣнивыхъ, вѣчно праздныхъ, кровопійцъ и насильниковъ, проводящихъ жизнь въ обжорствѣ, пьянствѣ и распутствѣ.

Это фабриканты, заводчики, землевладѣльцы, вообще господа.

Эта горсть богатыхъ, злыхъ, слабыхъ, глупыхъ насильниковъ угнетаетъ многоголовое стадо бѣдныхъ, добрыхъ, умныхъ и сильныхъ людей и ихъ каторжнымъ трудомъ наживаетъ огромныя состоянія.

Еще недавно въ этой Россіи одна разновидность людей, называемая помѣщиками, только тѣмъ и занималась, что нещадно порола и травила медвѣдями своихъ крѣпостныхъ мужиковъ. Теперь времена измѣнились, а съ ними вмѣстѣ и способы издѣвательства и тиранства надъ безправными людьми, стали тоньше, деликатнѣе, но суть осталась та же.

По пословицѣ: „яблочко отъ яблони недалеко падаетъ" и дѣти людей этихъ различныхъ породъ ни въ чемъ рѣшительно не схожи между собой.

Насколько умны, высоконравственны, прилежны, самодѣятельны, сильны и добры дѣти обездоленныхъ бѣдняковъ настолько глупы, безнравственны, лѣнивы, безпомощны и злы отпрыски угнетателей-богачей.

Дѣтей господъ обучаютъ во всевозможныхъ школахъ, но изъ нихъ выходятъ только тупицы и бездѣльники, высокоодаренныя дѣти бѣдняковъ рвутся къ знанію, къ свѣту, но всѣ пути въ школы для нихъ закрыты.

Крестьяне и рабочіе просто хорошіе, достойные и полезные люди, на пути же къ совершенству стоятъ тѣ, кто сбросилъ съ себя всѣ обязанности, кто существуетъ тунеядствомъ, кто спустился на дно, пошелъ въ босячество. Эти люди уже почтенные и заслуженные, но имъ далеко еще до полнаго совершенства. Таковое непререкаемо признается только за ворами, грабителями и убійцами, побывавшими въ тюрьмѣ.

Засиліе угнетателей бѣднаго трудящагося люда ограждается судами, полиціей, войсками.

Суды—сплошное пристрастіе и вопіющая несправедли-

вость: полиція—воплощенный грубый произволъ и насиліе; войска—не только безполезное сборище вымуштрованныхъ вооруженныхъ людей, но сборище разорительное и вредное, потому что они содержатся на средства бѣдняковъ и служатъ закрѣпощенію своихъ поильцевъ и кормильцевъ подъ власть богачей. Солдаты—это страдальцы, насильно оторванные отъ своего прямого дѣла, вѣчно тоскующіе по родной деревнѣ-гдѣ у нихъ вѣчно голодаютъ семьи.

Благовѣрныхъ царей, собирателей, защитниковъ и строителей русской земли или совсѣмъ не существовало, или промелькнули они въ жизни случайно, вродѣ мимолетныхъ тѣней на стѣнѣ, или легкой ряби на поверхности воды. Цари—все Иваны Грозные, кровожадные, неистовые тираны, ради забавы опустошающіе свою страну и потоками льющіе кровь своихъ подданныхъ.

Никакихъ іерарховъ, святыхъ, молитвенниковъ и печальниковъ за русскую землю никогда не было и быть не могло, потому что у человѣка нѣтъ живой души, нѣтъ живого Бога, а слѣдовательно вѣра въ Него—невѣжественный, вздорный предразсудокъ.

„Вѣра въ душу выросла сама собой, благодаря неправильнымъ объясненіямъ. Вѣра въ живыхъ боговъ выросла изъ вѣры въ мертвыя души."

„Люди, одержимые душевной болѣзнью, почти во всѣхъ странахъ, считаются мѣстообиталищемъ мертвыхъ душъ. Они не такіе, какъ всѣ прочіе. Они таинственны и страшны. Они какъ бы посредники между мертвыми душами и людьми, между тѣмъ и этимъ свѣтомъ, они колдуны, жрецы, священники."

„Исцѣленія и изгнанія бѣсовъ давали и даютъ духовенству всѣхъ странъ громаднѣйшій доходъ. А чудеса и того больше."

Вотъ такое то варварское невѣжество человѣчества и выдумало вѣру въ Бога, а людей, явно умалишенныхъ, на-

звало священниками, іерархами, святыми. Они въ свою очередь для того, чтобы обирать темный народъ, выдумали исцѣленія отъ болѣзней, изгнаніе бѣсовъ, чудеса.

Тогда, какъ у инородцевъ, напримѣръ, у финновъ вездѣ чистота, зажиточность, сытость, довольство, благообразіе, и благодаря всему этому любовь къ милой, прекрасной родинѣ, въ русской жизни нѣтъ ничего свѣтлаго, благороднаго, ничего возвышающаго душу, дающаго надежды на лучшее будущее. Въ ней одна только грязь, темнота, забитость, безправіе и нищета простого народа, или самодовольная, свиная, жестокая сытость господъ. Русскій солдатъ, офицеръ, генералъ не способенъ ни на какіе подвиги великодушія или доблести. Такія высокія проявленія духа—неотъемлемый удѣлъ инородцевъ и всегда по отношенію къ чисто русскимъ по крови людямъ.

Узнавъ все это, презираешь самого себя, закипаешь негодованіемъ, краска стыда заливаетъ лицо, крѣпко сжимаются кулаки, хочется однимъ махомъ сокрушить этотъ бредовой кошмаръ, это вонючее болото, имя которому Россія.

Вычиталъ же я и узналъ все это изъ „Цвѣтничковъ", „Живыхъ родниковъ", „Нашихъ рѣчей", „Родныхъ посѣвовъ", „Новей", „Словъ" и т. п. произведеній г.г. Рубакиныхъ, Душечкиныхъ, Ананьиныхъ, Тулуповыхъ, Шестаковыхъ, Гусаковыхъ и др. патентованныхъ просвѣтителей, вычиталъ изъ всѣхъ тѣхъ хрестоматій, на которыхъ развиваются и воспитываются подростающія поколѣнія современной Россіи.

На первой страничкѣ „Цвѣтничка", предназначеннаго для развитія малютокъ 4—5 лѣтъ, напечатано стихотвореніе, въ которомъ Богъ, Всемогущій Творецъ міра, представленъ, какъ „боженька", весь бѣленькій старичекъ, съ сѣденькими такими бровками, платьице на немъ застегнуто козявочками, опирается на палочку-подпорочку и забавляется тѣмъ, что теплой, вкусной корочкой кормитъ всробушковъ. Ангелочкамъ, которые занимаются только тѣмъ

что маленькими ножками бѣгаютъ по хрустальнымъ лѣсенкамъ и все цѣлуютъ ноженьки своего любимаго боженьки, онъ приказываетъ выковывать звѣздочки золотыми ломиками.

Прежде всего, какой языкъ! Это тотъ могучій, серьезный, русскій языкъ, такой четкій и ясный вдругъ, ни съ того, ни съ сего такъ засюсюкалъ, зашепелявилъ, загнусавилъ!

И какая идиллія! Ну, чѣмъ не „боженька"?! Прямо конфетка! И почему дѣткамъ не позабавиться, почему, напримѣръ, съ такимъ боженькой не поиграть въ пятнашки, какъ равныя съ равнымъ?! Навѣрное, такой смѣшной, разслабленный, впавшій въ дѣтство старичокъ, на которомъ даже не платье, какое обыкновенно носятъ взрослые, а такое же «платьице», какъ и на нихъ, его маленькихъ друзьяхъ, такъ же искренно будетъ радъ поиграть и позабавиться, какъ и они, дѣтки. А разъ онъ такой, этотъ немощный, безобидный, простоватый „боженька", то зачѣмъ его бояться, зачѣмъ ему молиться, зачѣмъ чувствовать отвѣтственность передъ нимъ за свои дурные поступки?!

Впрочемъ, такими невинными выдумками о несуществующемъ Богѣ почему не позабавить малютокъ! Вѣдь не существуютъ же лѣшіе, домовые, вѣдьмы, русалки. А сказки о нихъ дѣти любятъ.

Вотъ подростки и юноши—другое дѣло. Тѣмъ вздорными бреднями о какомъ то Богѣ и вѣрѣ въ Него нечего засорять голову. Нѣтъ Бога и дѣло съ концомъ.

И вмѣсто варварской вѣры въ Него, подростающему поколѣнію на всѣ лады втолковывается единственная „истинная" вѣра. Она заключается въ постоянномъ стремленіи человѣчества, при наименьшей затратѣ труда, къ наибольшему улучшенію матерьяльныхъ условій жизни и въ достиженіи полнаго равенства всѣхъ людей на землѣ, съ уничтоженіемъ національностей, государствъ, всякихъ властей, судовъ, полиціи, войскъ.

А для этого необходимо сперва разрушить эту старую дребедень—Россію, зажившуюся слишкомъ долго на этомъ свѣтѣ.

Когда нарисованная въ строкахъ и между строкъ программа будетъ выполнена, тогда настанетъ золотой вѣкъ на землѣ, тогда всѣ люди достигнутъ счастія, заключающагося въ томъ, что всѣ будутъ имѣть одинаковыя стойла, одинаковыя корыта и одинаковый кормъ. Никто не будетъ имѣть повода завидовать своему ближнему.

Для скорѣйшаго осуществленія такого благополучнаго житія должно дѣйствовать такъ: у дающихъ надо брать все, что они даютъ, но за это не только не благодарить ихъ, а презирать, ненавидѣть и платить за оказанное добро всяческими пакостями. У помѣщиковъ рубить ихъ лѣсъ, портить, жечь и разворовывать ихъ имущество. Подобнымъ же образомъ должно относиться къ фабрикантамъ, заводчикамъ и ихъ собственности. Никакого суда не признавать, потому что судить будто бы никто не имѣетъ права, къ убійцамъ, грабителямъ, ворамъ питать уваженіе и жалость и всячески ограждать и укрывать ихъ отъ преслѣдованія полиціи и властей. Намекается о смаркѣ всякихъ семейныхъ и кровныхъ узъ, родителей не почитать и не повиноваться имъ. Такъ какъ національность отрицается, то государство является варварскимъ, нестерпимымъ въ наши просвѣщенныя времена, пережиткомъ. Защищать съ оружіемъ въ рукахъ національность и государство—величайшее преступленіе. Поэтому на бѣгство солдатъ изъ арміи предписывается смотрѣть, какъ на высокую доблесть. Презрѣнный трусъ, измѣняющій присягѣ солдатъ, бѣжавшій изъ своей воинской части, воспѣвается, какъ добрый молодецъ, какъ герой. Такъ какъ никакого Бога нѣтъ, то само собою разумѣется, что сотни тысячъ церквей и храмовъ, возвышающихся въ городахъ и весяхъ святой Руси, обратить на службу для

болѣе современныхъ и полезныхъ цѣлей—для народныхъ театровъ, трактировъ, кабаковъ.

Разъ цари все такіе, ненасытные кровожадные тираны, все Иваны Грозные, то въ дѣтскомъ мозгу само собой складывается убѣжденіе, что такихъ недостойныхъ правителей надо всѣми силами истреблять.

Этимъ тонко и скрытно намекается не только на желательность, но даже на необходимость цареубійства.

Какъ дерево растетъ и развивается только отъ своихъ корней, такъ и жизнь всякаго народа растетъ и совершенствуется только на тѣхъ основахъ, на которыхъ, какъ на корняхъ, жизнь эта первоначально возникла и цѣлыми вѣками крѣпла и развивалась.

Нарушеніе этого закона ведетъ къ гибели.

Обрубите у дерева корни, сорвите народъ съ его прирожденныхъ основъ—оба погибнутъ.

Будущее всякаго народа, всякаго государства, его слава, развитіе и процвѣтаніе или его позоръ, упадокъ и разложеніе находятся въ полной зависимисти отъ того, какое воспитаніе и образованіе получили подростающія поколѣнія.

Духъ ребенка только матеріалъ, изъ котораго, какъ изъ мягкаго воска, лѣпи, что хочешь, и то, что дается человѣку въ періодъ роста и формированія его духовныхъ силъ, уже ничѣмъ не искоренить, во всю послѣдующую жизнь, потому что это *данное*, это *внушенное* сплетается съ душою человѣка, съ его пониманіемъ такъ крѣпко, что становится неотдѣлимою частью этой души, этого пониманія.

Дѣти, до юношескаго возраста воспитанныя въ ненависти и презрѣніи къ отечеству, къ его вѣрѣ, быту, власти, семьѣ, несомнѣнно явятся впослѣдствіи ненавистниками и разрушителями всѣхъ этихъ основъ, а слѣдовательно и того государства, которое на этихъ основахъ живетъ.

Мы видѣли, какія цѣли преслѣдуются просвѣтителями и учителями русскихъ подростающихъ поколѣній и какъ бы

тонко и умно ни маскировались они, волчьи зубы и хари ихъ, украшенныя длинными ушами одного извѣстнаго тупого и упрямаго животнаго, торчатъ изъ подъ масокъ.

Они свои книжонки съ гнилымъ содержаніемъ маскируютъ названіями, „Цвѣтничковъ", „Родниковъ". „Новей" и т. п.

Порядочнѣе, приличнѣе и вѣрнѣе было бы величать ихъ однимъ именемъ, просто—гнойничками.

Вѣдь тысячи этихъ гнойничковъ, именуемыхъ школами разныхъ степеней, раскиданы по лицу земли русской. Тысячи обманутыхъ, слѣпыхъ кротовъ-учителей и учительницъ, всѣмъ сердцемъ воспринявшихъ анархическое безвѣріе Рубакиныхъ и К°, съ упорствомъ и жестокой тупостью фанатиковъ духовно калѣчатъ и загнаиваютъ русскихъ дѣтей—надежду Россіи. Будетъ время и ждать его недолго, когда русскія дѣти, путемъ государственнаго принужденія, всѣ поголовно пойдутъ въ эти школы, въ эти гнойнички, содержимые на счетъ правительства и народа.

Мало по малу эти отдѣльныя зараженныя мѣста расползутся по всей шири нашего отечества и въ концѣ концовъ сольются въ одинъ сплошной, гигантскій, злокачественный нарывъ.

Подрастутъ эти обученныя въ гнойничкахъ поколѣнія, выйдутъ, какъ дѣятели, на поприщѣ жизни и тогда назрѣвшій нарывъ лопнетъ, лопнетъ съ трескомъ и шумомъ, при заревѣ пожаровъ, обагренный потоками невинной крови, подъ торжествующее завываніе и ревъ обезвѣренной, преступной черни...

Тогда вся огромная русская жизнь превратится въ одно сплошное, зловонное гноище, въ которомъ закопошатся человѣкообразные, съ ненасытной пастью гады, способные только слопать, сокрушить и уничтожить уцѣлѣвшіе отъ разгрома остатки.

Кто встрѣтитъ разрушеніе Россіи сатанинскимъ хох-

томъ, кто этого страстно жаждетъ, кому это будетъ выгодно, кто будетъ потирать отъ удовольствія свои мохнатыя лапы?

Объ этомъ надо спросить іудо-масонскихъ главарей.

Мнѣ вполнѣ понятно стремленіе г. г. Рубакиныхъ, Шестаковыхъ, Гусаковыхъ и другихъ, имъ подобныхъ „просвѣтителей," понятно ихъ стремленіе разрушить Россію, какъ понятно и то, что результатами ихъ „почтенныхъ" трудовъ воспользуются другіе, а они и народъ, если и уцѣлѣютъ, то останутся при „разбитомъ корытѣ".

Но я рѣшительно не постигаю и цѣлей нашего правительства.

Какъ могло случиться, что съ его допущенія, рекомендаціи, наконецъ съ его одобренія, въ его школахъ, содержимыхъ на народныя деньги, открыто подготовляется заговоръ на самое существованіе Россіи? Неужели правительство не видитъ того, что у русскихъ дѣтей рѣшительно и послѣдовательно вытравливаютъ вѣру въ Бога, на ихъ дѣтскихъ глазахъ оплевываютъ родной бытъ, унижаютъ коренного русскаго человѣка передъ всѣми инородцами и внушаютъ кровожадную ненависть ко всякой власти, учатъ, какими способами и мѣрами ограбить и уничтожить одну часть населенія и наконецъ какъ взорвать и разнести въ щепы всю эту Россію, т. е между прочимъ, самымъ недвусмысленнымъ образомъ выволочить за ноги членовъ этого самаго правительства изъ ихъ великолѣпныхъ палатъ и дворцовъ на улицу, на потѣху обезумѣвшей пьяной черни.

Вѣдь почти всѣ перечисленныя и неперечисленныя мною хрестоматіи удостоились или допущенія, или рекомендаціи, или даже одобренія Ученаго Комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Нельзя же допустить, что засѣдающіе въ этомъ ученомъ учрежденіи чиновники сплошь анархисты, слѣпые лакеи іудо-масонства.

Но если бы и случилась такая невѣроятная вещь, то

надъ этимъ комитетомъ есть власть въ лицѣ Министра Народнаго Просвѣщенія и его товарищей, наконецъ есть въ Россіи объединенное правительство въ составѣ Совѣта Министровъ.

Какъ оно-то, отвѣтственное передъ Царемъ, могло допустить и терпѣть цѣлые годы такое гибельное безобразіе?

Неужели правительству мало, что наша многочисленная интеллигенція, обученная въ правительственныхъ школахъ, почти сплошь безвѣрная, непримиримо враждебная нашему государственному строю, какъ легко растворимый ядъ, насытила собою всѣ поры огромнаго народнаго тѣла Россіи?

Вѣдь въ благопріятные моменты этотъ ядъ довольно ощутительно дѣйствуетъ, что мы уже испыталъ на себѣ не настолько давно, чтобы забыть и ничему не научиться.

Неужели мало того всесвѣтнаго позорища, въ которое обратилась Россія, когда ея пахарь и защитникъ, ея кормилецъ и поилецъ—русскій народъ спился въ казенныхъ кабакахъ?

Неужели мало, что этотъ издревле православный народъ-богоносецъ бросаетъ свою церковь и будучи разбалованъ казеннымъ пайкомъ, пренебрегаетъ честнымъ трудомъ, развращенъ гуманными судами и наполнилъ города и деревни хулиганской ордой, превратившей русскую народную жизнь въ развратный, сквернословный, кровавый кошмаръ?

На нашихъ глазахъ хулиганы дѣйствуютъ еще вразсыпную, еще по-одиночкѣ, но близится время, когда шайки ихъ будутъ сметать съ лица земли цѣлыя деревни, а тамъ уже рукой подать и до того, когда подъ ударами ихъ сплоченныхъ полчищъ, предводимыхъ интеллигентами, затрещатъ не только жалкія, безсудныя, брошенныя на произволъ судьбы, деревни, но и города.

Вѣдь хулиганы почти поголовно продукты нашихъ про-

грессивныхъ школъ, получившіе окончательную шлифовку въ кабакахъ и трактирахъ.

Неужели этихъ показательныхъ уроковъ и, ясныхъ-какъ Божій день, предзнаменованій недостаточно прави-тельству для того, чтобы проявить свою власть и твердую волю?

Или „громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится"?

Не поздно ли будетъ?

Я представляю себѣ большое хозяйство.

Если въ такомъ хозяйствѣ съ одобренія, рекомендаціи и разрѣшенія управляющихъ и приказчиковъ, на ихъ глазахъ, среди бѣла дня, какіе нибудь люди проповѣдывали бы рабочимъ, что имъ не надо работать на хозяина, что имъ вмѣняется чуть не въ обязанность портить, жечь и разворовывать его имущество, оказывать ему непослушаніе и наконецъ убить его самого, то такихъ управляющихъ и приказчиковъ въ лучшемъ случаѣ выгоняютъ со службы, а то и предаютъ суду, какъ потатчиковъ и попустителей къ преступленіямъ.

Россія—громадное и сложное хозяйство Царя.

Правительство—поставленные Имъ управляющіе.

Допущеніемъ въ школахъ безпримѣрнаго развращенія подрастающихъ поколѣній намъ, безсильнымъ обывателямъ, но все таки, какъ ни какъ, и плательщикамъ налоговъ, которыми содержится государство, и отцамъ русскихъ дѣтей, ставится невольный и страшный по своему безмѣрному, роковому значенію вопросъ: кому же правительство Царя больше и усерднѣе служитъ, къ какимъ цѣлямъ стремится и съ кѣмъ рука объ руку идетъ?

Ив. Родіоновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Русскому дворянству.	V.
Живой Родникъ. (4 кн.) Облеуховой	2
Слово (Спицыной)	16
Слово (3 кн.) (Облеуховой).	17
Цвѣтничекъ (Облеуховой)	21
Новь (Барага)	25
Рѣчь (Говорухи)	31
Докладъ (Максурова)	40
Міръ въ Разсказахъ (Тихменева)	68
Букварь (Казашкова).	78
Наша рѣчь (Утугаева)	93
Новая Школа (Козлова)	120
Новое Слово (Шечкова)	133
Изъ Родной Литературы (Карцева)	159
Среди Тайны и Чудесъ (Облеухова)	190
Изъ Тьмы времени (Спицына)	198
Что Читать? (Владимірова)	206
Школьная Борьба въ Франціи (Троицкаго)	230
Послѣсловіе (Родіонова)	277

КОМИССІЯ

Русскаго Народнаго Союза имени Михаила Архангела

по составленію книги:

„Школьная подготовка второй русской революціи".

Предсѣдатель Комиссіи; Предсѣдатель Союза, Членъ Государственной Думы **В. М. Пуришкевичъ.**

Предсѣдатель редакціоннаго Отдѣла **С.А. Володимеровъ.**

Секретарь: **І. Д. Козловъ.**

ЧЛЕНЫ:

1. С. Л. Облеухова.
2. Л. М. Спицына.
3. Н. А. Тріумфова.
4. Г. А. Шечковъ.
5. П. А. Барачъ.
6. Н. М. Юскевичъ-Красковскій.
7. Ю. С. Карцевъ.
8. И. А. Баженовъ.
9. И. А. Родіоновъ.
10. Ф. О. Гредингеръ.
11. М. Я. Говорухо-Отрокъ.
12. А. В. Ососовъ.
13. К. Ѳ. Головинъ.
14. И. Д. Ивановъ.
15. Н. П. Тихменевъ.

2007050588